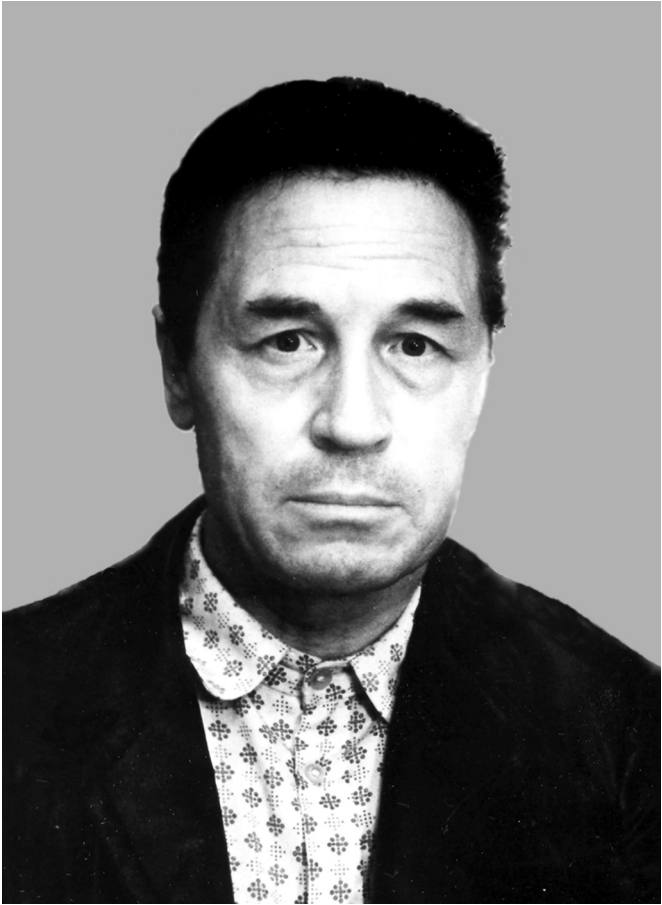

Чебоксары — 2010

Михаил СЕНИЭЛЬ

**Собрание сочинений
в трёх томах**

Том третий

МОЙ ЗАВЕТ

*Стихотворения и поэмы
2001—2008*

Чебоксары — 2010

ББК 84(2 Рос-Чув)—5

УДК 821.512.111

С 31

Михаил СЕНИЭЛЬ

Собрание сочинений в трёх томах. Том третий.

Мой завет. Стихотворения и поэмы. 2001—2008. —
Чебоксары, 2010. — 488 с., портрет.

В третий том вошли избранные стихотворения и поэмы,
написанные в 2001—2008 годах.

ISBN 5—87677—046—9

© М. Сениэль, 2010

Сухомблатову

ПРОМЕЛЬКНУЛИ

Промелькнули годы славных дней,
унося и молодость, и юность.
Ты не плачь по ним, ты слёз не лей,
а жалея себя, свою понурость.

Тих — понурив голову сидишь:
где они — и впечатлений свежесть,
и мечтанья, и любовь и нежность?
И к чему ночь эта, эта тишь?

Что ж? Пускай летят года, пускай.
Жив ещё ты — не убила пуля.
В том, скажи, кого же упрекать,
что так быстро годы промелькнули?

2001

ОСЕННИЙ СВЕТ

Осенний свет от золотых берёз
на лик мой падает, лаская взор мне.
Жизнь пережив, нам погрузить резонно —
и я грущу, печалюсь я до слёз

о том, какая это была жизнь!
О том, какое это было время!
Как изменилось всё, как тяжко бремя! —
вздохни и на себя тут ложись.

Предвестник чувств, от золотых берёз —
волшебный свет спокойно, как свет лунный,
ласкает взор, но я не отрок юный,
а свет осенний — не источник грёз.

И всё-таки немолодой наш век
не хочет признавать свою усталость:
тряхнёт он стариной! — что в нас осталась
нетленно и останется навек...

2001

Я ПЛАЧУ...

Завяли и розы, и розы заката...
Хоть ласков и добр лунный луч золотой,
под сенью незримого вешнего сада
не чувствую больше, что вновь молодой.

Всё было чудесно, прекрасно вначале,
уныло, безрадостно стало сейчас.
И это достойно тоски и печалей.
И хмур я, и тих, с ночью в горе сойдясь.

О ночи! Осенние лунные ночи!
О добрый и ласковый мир золотой!
Я плачу — мои затуманились очи:
нет сада давно, и я не молодой.

Хожу не под сенью незримого сада.
Исчезла как сон, как туман сада сень.
Завяли и розы. И розы заката
завяли, поникли, угасли совсем...

2001

ОСЕННИЙ САД

Мне есть теперь куда сбегать.
Я в сад бегу, а сад наполнен светом
осенним. И светла душа
и сада, и моя. Всё дело в этом.

А сад наполнен тишиной.
И дремлет он под шорох листопада.
Здесь оживаю — чуть живой.
Здесь — пёстрый мир! И воздух здесь — что надо!

Не гибель, нет, — сулит мне сад.
И я бегу душою что есть духу
туда, где слышны голоса
заоблачные — внутреннему слуху.

Там будто — горнии миры.
Мерещатся мне райские ворота.
И как данайские дары,
о Русь, стихи поэта-инородца.

Рабом не будет никогда
поэзии чувашской верный рыцарь,
тем более, что есть куда
и убежать ему, и есть где скрыться.

То — сад! О, сад! Осенний свет!
Душа жива осенним тихим светом.
Чудесней их, надёжней нет
на свете ничего — уверен в этом...

2001

ЛЮБОВЬ ОТПЕТАЯ...

Как дух, туманы вознесутся,
но это не конец — не смерть.
И те ж туманы, глянть, пасутся
как овцы серые, заметь.

Вхожу ли в сад я или в чашу
днём, в предвечерье иль впотьмах,
листвы опавшей и летящей
стоит сплошная кутерьма.

Из детства я. Оттуда родом.
И детскостью полна душа:
резвлюсь на празднике природы,
живой любовью дыша.

И чувствую успокоенье...
Но скоро радость и покой
приводят душу к раздвоенью,
любовь снимая как рукой.

Преследует всю жизнь другая,
любовь отпетая, меня.
Я вспоминаю с содроганьем
осенние те времена —

как предо мной, в листве, в туманах,
при свете и во тьме вставал
лица приветливый овал
любви магической, обманной...

2001

СТАРАЯ ЛЮБОВЬ

Как и прежде, о любви легко ты
говоришь со мной, благодарю.
Вспомнились мне молодые годы,
глядя на вечернюю зарю.

Вижу я, их снова открывая,
как бегут они всё дальше прочь,
но любовь такая ж молодая,
хоть и близится у жизни ночь.

И шаги не те — отяжелели.
В далях скрылись сполохи зарниц.
Раньше сами ангелы нам пели,
а теперь не слышно даже птиц.

А теперь, без страстных увлечений,
сонный как бы, просто говорю:
«Где ты, сила чувственных влечений,
канувшая в тихую зарю?»

Но, как смерть, уж чувства безответны,
как без веры жизнь и без чудес.
Нету бога в небе предрассветном
среди встающих зоревых небес.

Всё ж разлука вечная до срока
не грозит нам. Я уверен в том,
что земная наша путь-дорога
в небо упирается концом...

2001

ПЕЧАЛЬ

Ах, тоскует печаль о минувшем,
запропавшем, как ласковый свет.
Исстрадаются нежные души —
утешенья им, благостным, нет.

Есть отрада лишь в светлой печали
и величье в отраде такой.
О как славно меня привечали!
Был какой я тогда молодой!

Ничего не останется — надо ж!
Пропадёт всё и будет — конец.
Юность, молодость, горе и радость...
Всё равно — трус ты иль удалец.

Все огни время быстро потушит,
веры нет ни мольбам, ни слезам.
...Пусть тоскует печаль о грядущем,
а о прошлом тоскую я сам.

2001

УХОДЯЩЕЕ ВРЕМЯ

Время летит, и я вижу как время бесценно.
Сердце стучит и сжимается — тяжело ему.
Больно, что жизнь уходящая наша бесцельна.
Прошлое тоже не нужно теперь никому.

В прошлом у нас безоглядная вера слепая
в призрак была, из нас каждый как чокнутый жил.
Но, тем не менее, жизнь нынче стала такая,
что и понять, и принять её нет просто сил.

Время летит — отлетая, проносится мимо.
Труд наш ударный сменил безобразный базар.
Уж не придёт то, что было когда-то любимо,
западный хам подавляет нас — волжских болгар.

В прошлом у нас были тихие песни, как грёзы,
дружба, согласие... Мы жили единой струной.
Ныне её оборвали — и всюду угрозы,
дух нищеты над когда-то богатой страной.

Время летит, исчезая, чтоб с вечностью слиться.
Сердце стучит, в нём тревога — как гулкий набат.
Хочется верить, я верю: чуваш возродится,
но — без меня, мне уже не вернуться назад...

2001

ВОЛК ЗАВЫЛ...

Льёт луна чудный свет на округу,
на село, где я детство провёл.
И на родине грустной и грубой
за рекою завыл в чаще волк.

И завыл этот волк так печально
и тоскливо в родной пустоте
потому, что конец и начало
дней моих — в сей ночной красоте.

Словно слышу я жалобы ночи
и судьбы о бесславье моём —
будто ночь и поёт, и пророчит
мне кончину бесславную в нём...

2001

ЗИМНИЕ НОЧИ

Какие долгие зимою ночи!
Рассветы как невеселы зимой...
Того кто раньше замечал не очень,
тот понял вдруг: как грустно, боже мой!

Мы в юности того не замечали,
чёрт знает где шатались мы ночами,
так беззаботно расточая век.
Таков наш ум, таков уж человек.

Какие долгие зимою ночи...
За полночь приползали мы домой,
и то считали: ночи кратки очень —
как весело нам было, боже мой!

С тех пор так много в жизни пережито,
испытано, изведено, открыто,
что сердце тихо просит на покой.
Ах, ночи, ночи долгие зимой...

Нависнут тяжким грузом надо мною
тревоги и печали и дела —
какие ночи долгие зимою,
в какие дебри жизнь нас завела!

Тем боле — человек я одинокий,
и в сердце горе спрятано глубоко,
никто, никто не ждёт меня домой.
А ночи... ночи страшные зимой...

2001

ГУРИЯ

Струны эти запели о ком?
Путь к тебе — за верстою верста.
Далеко ты от нас, далеко,
как далёкая в небе звезда.

О тебе рассказали мне сны.
Воплощаю я замысел свой:
стонут струны в объятьях весны,
струны эти — мой голос живой.

Путь к тебе — за верстою верста.
Сколько бы ни плутал я в пути,
до тебя не дойду никогда,
до могилы дошёл уж почти.

Струны плача запели о ком?
О тебе, человек из мечты.
О любви неземной и о том,
что любовь эта, гурия, ты.

Я ни разу не видел тебя,
вижу только во сне с юных лет.
Не встречаясь, разлуку терпя,
я прощаюсь с тобой на земле.

Пойте, струны, разлуке назло,
не молчите, страшась, перед ней.
Будет мне и в могиле светло
с неземною любовью моей...

2001

ГРУСТНАЯ ВЕСНА

Ветер южный дул, торопя весну,
и пришла она не вчера.
Растревожен я, не могу заснуть
в эти лунные вечера.

Ересь разная лезет в память мне
да и всякая мишура.
Вся деревня спит, в ней бессонных нет
в эти вешние вечера.

Ах, ты жизнь моя, что же лыбишься,
друга заживо хороня?
Неужель опять мне полюбишься,
не обманешь ты вновь меня?

Почему ж тогда горше дни, года?
Ты скажи, ответь, будь добра:
не злой пыткой, радостью когда
будут лунные вечера?

2001

ПО АЛЛЕЕ Я БРОЖУ

По аллее я брожу,
ни на кого не гляжу.
Хожу — грустный, сам не свой —
тёмной стороной.
Бродят парами — где свет,
у меня никого нет.
Вновь увидеть юный рай
даже не мечтай.

Ах, Сениэль, Сениэль,
отлюбили мы давно:
вечно юным быть нельзя —
просто не дано.

По аллее я брожу,
отвлекаюсь и дышу.
Отвлекаться нелегко:
мысли далеко
бродят весело — где свет,
где печали вовсе нет,
где не осень — месяц май,
радость, юный рай.

Ах, Сениэль, Сениэль,
отлюбили мы давно:
вечно юным быть нельзя —
просто не дано...

2001

ПОСЛЕДНЯЯ ЛЮБОВЬ

О, свет зари, вечерний свет!
Ужель я назову зарю прощальной?
Не молод я, мне много лет.
А жизнь была не радостью случайною.

И в жизни этой лишь любовь
меня лепила и творила ревностно.
Жила душа в труде любом,
теперь в душе любви не стало, редкостной.

Уж коль я душу износил,
не жду, что будет сердцу хорошо потом.
И в горести иссякших сил
я прохриплю, быть может, тихим шёпотом:

«Всю жизнь хоть мне и снился май,
хоть и была любовь как песнь заветная,
прощай, прощай, навек прощай,
ты, жизнь моя, — любовь моя последняя...».

2001

В ДОМЕ МОЁМ...

Тихо в доме моём, очень тихо.
Я люблю посидеть в тишине.
Жизнь прожил чуть не так, но не лихо.
Вспоминайте вы всё ж обо мне.

Поминать меня лихом не надо.
Я любил вас, старался помочь.
Было и трудно всем, и ненастно.
Жизнь была словно тёмная ночь.

Без любви, без надежд, без просвета
доживу ли до светлого дня?
И сейчас вот сживают со света.
Я не лгу, вы простите меня.

Тихо в доме моём, очень тихо.
Я люблю посидеть в тишине.
Жизнь прожил я достойно, не лихо.
Вспоминайте добром обо мне...

2001

ТВОЙ ОБРАЗ

Сквозь горечь и муки мне светит,
мне светит сквозь годы и сны
твой образ далёкий и светлый,
как образ прекрасной весны.

Весне соответствовал возраст.
Всю жизнь мне как юный порыв
далёкий и светлый твой образ,
как образ прекрасной поры.

Прошли мы путь долгий, нелёгкий.
И видится он — как сквозь сон.
И образ твой светлый, далёкий —
как образ прекрасных времён.

Тебя больше нет уж на свете.
Навечно мне сердце обвил
твой образ далёкий и светлый,
как образ весны и любви...

2002

ПЕПЕЛ

Стою один перед вселенной,
как перед смертью — человек.
И в жизни этой я — как пленный.
К закату катится мой век.

Я понимаю, поразмыслив:
главней всего у нас — любовь.
Не потому ль её возвысил
до сути неба, лунных снов.

Дышать, когда любовью дышишь,
душе свободно и легко.
Суля любви дней много тысяч,
не сомневаешься ни в ком.

Ласкаешь всё и обнимаешь
в потоке самых нежных слов.
И говоришь, любовью маясь:
«Любовь сильнее всех оков».

Но я не молод, как когда-то,
сгорел, лишь пепел от меня
остался — в нём, в огне заката,
горит любовь, мой дух храня...

2002

ПИР

В землю горе я моё зарою
и не буду с горя вечно хмур.
Созову гостей я, пир устрою,
созову таких, кто смел, кто мудр.

Горюшко моё я утоплю в болоте,
но не утоплю его в вине.
И не нужно будет с ним бороться,
жить без горя можно станет мне.

Горе я моё сожгу, и пепел
на ветру развеется как пыль.
Был на этом свете я иль не был,
на пиру, устроенном мной, был.

Все друзья вели себя там мудро,
прославляли жизнь, забыв про смерть.
Тост за тостом! И настало утро.
Не пришлось за глупость мне краснеть.

Горя моего не видел больше,
мне сказали: будет сразу крах.
Пир! Ведь это жизнь была, о боже!
Жизнь! Ну а потом лишь — пепел... прах...

2002

КАЖДОЮ ВЕСНОЮ...

С каждою весной я оживаю,
ожил и на этот раз весной:
радуясь цветам и свету мая,
ясно вижу стих свой расписной.

Все цвета играют в нём и блещут.
В шёлк зелёный вешний мир одет.
И мой стих мою же душу лечит,
как скрипичный сладостный квартет.

Вновь в мечту свою влюблён я, вновь я
верю в свой удел — в свою звезду.
Веет снова жизнью, веет новью, —
я как юный по земле иду.

Каждою весною, оживая,
как из пепла возрождаюсь я
и весь мир объять душой желаю,
радуясь светло, светло грустя.

Всё равно мне, старый я, не старый.
Любишь ты, не любишь — всё равно.
Тёмного в душе моей не стало.
Светлым стать не каждому дано.

И когда в душе светло весною,
стих мой тоже глубже и светлей,
вдохновляюсь снова я и снова
и пою почти как соловей...

2002

О, КТО ТЫ?..

Влюбляюсь в жизнь я с новой силой.
Вплетаю в образ грусть свою.
О, кто ты, призрачный и милый?
О ком я страстно запою?

Единомышленник прекрасный!
Твоя улыбка и глаза!
Влюбляюсь в жизнь я не напрасно —
в цветенье, в свет и в голоса.

Восторг какой! Какие встречи
у нас с тобою впереди
и удивительные речи!
Огонь какой и жар в груди!

Я запою не слишком звонко,
хоть бурно, но не как гроза,
о ком-то светлом, одиноком,
чья очи грустны и в слезах.

Друг лучший мой! Мой друг грядущий!
Среди бушующих страстей
ко мне как к брату брат идущий,
ты — человек не из людей.

На это нелегко решиться
без сердца, полного огня.
Ты для меня дороже жизни!
Ты — как бессмертье для меня!

2002

СИЛУЭТ

Луна, луна... И лунные качели...
И чью-то тень качает лунный свет.
Я в этот синий вечер неужели
не воспою и тень, и вишен цвет,
и соловья, и деву, и рассвет?

А тени лунные всегда в печали
то одиночно бродят, то гурьбой
и тихо-тихо странствуют ночами,
чаруя тишью воздух голубой.
Все в чёрной шали, с грустной головой.

В цветку и вишня, и сирень, и груша.
И соловей уже поёт вовсю.
Томленье сладкое и нежность душу
мою на крыльях юности несут,
мне возвращая этим юность всю.

И мнится, что скользит бесшумно, робко
передо мною чей-то силуэт.
К кому-то кто-то в ночь идёт торопко,
и тень его качает лунный свет,
и брезжит — далеко ещё — рассвет.

Не сам ли это, по уши влюблённый,
лет эдак сорок-сорок пять назад
спешу в саду я в угол отдалённый?
И сад вот этот — тот же самый сад?
Но знаю я: теперь так не спешат.

Луна, луна... И лунные качели...
И молод, юн душою лишь поэт.
Любили мы и мы любить хотели
любовью верною всю жизнь. В ответ
скользит к нам ночью чей-то силуэт...

2002

НЕ СБЫЛИСЬ

Не сбылись юные грёзы,
не сбылись майские сны.
Одни угрозы, угрозы
мы знали в даях весны.

Даль сказкой стелется чудной.
И слышу над головой —
звенит, проносится шумно,
как в детстве, май голубой.

Как это кончилось сразу!
Снов нет, увяла сирень.
И не увидел ни разу
восторгов я по сей день.

А детство всё — голубое,
хоть были и горе, нужда.
Нас звало всё молодое
вперёд лишь, звало всегда.

Прошли давно уж те грозы.
Пропали в даях весны
и наши юные грёзы,
и наши майские сны...

2002

ЖИВЁТ...

Обидно и нелепо — бездна
кругом, пустыня, мрак, хоть режь:
нет ничего, есть гряда пепла
от жизни всей — тревог и встреч.

Сгорело всё, промчалось тенью.
Идя на дно, мне всё равно —
успею я или не успею
обнять кого. Я — Сирано.

Я не хочу любви, я мёртвый
для вас, лобзанья, клятвы. Я
теперь не танец искромётный
пляшу — не та уж стать моя.

Пою не песню зазывную,
пропали голос и задор.
И мой язык глаголет нудно
не истину, а мелет вздор.

Но вот... как только я, однако,
твой вспомню смех, весёлый нрав,
выходит поцелуй из мрака,
дыша любовью, смерть поправ.

Забыть тебя мне невозможно.
И чаровала, и чаруй.
Как бы всё ни было тревожно,
живёт — бессмертен поцелуй.

2002

Я ЛЮБЛЮ...

Надо мною сияние ласки и света.
Предо мною мерцанье несбывшихся снов.
И брожу я весною всю ночь до рассвета,
словно вновь молодой и безумствую вновь.

Будоражит меня и уводит мерцанье
в мир прекрасных, таинственных, радостных грёз.
Тает сердце моё, тает, не замерзает.
И поэт умиляется, бедный, до слёз.

И цветенье, и запахи сказочной ночи
как целебны при яростном свете луны!
И глядят, и глядят в душу синие очи.
Душе юности дальней стенанья слышны.

Словно хочет она, хочет юность, стеная,
мне сказать, что я срезался, не долюбил,
и что только дурак боль свою распинает.
Я же, боль убивая, любовь не убил.

Потому мой незримый полёт без ответа
оставляет укор — смысл хоть и ловлю.
И хожу, и хожу я всю ночь до рассвета.
Я люблю, но не знаю, кого я люблю...

2002

* * *

Ещё не все мной встречены рассветы,
ещё не все запели соловьи
о том, что стоит жить на этом свете
и стоит петь, любить, друзья мои.

Ещё не все сады во цвет одеты,
не все цветы в округе зацвели.
Но не найду тебя, любовь, о где ты?
Не слышится напев родной земли.

Ещё не всё от жизни мною взято,
в душе гремит мой юношеский пир,
в душе — рассвет, не отблески заката.
Ещё не опостылел этот мир.

Ещё не всё уплыло, пролетело.
Ещё судьбу могу стерпеть порой.
Но почему не ощущаю тела
и погружаюсь как бы в тьму, в покой?

Ах, как начать, начать опять сначала
и повторить всю эту жизнь мне вновь
без горестей, потерь и без печали
и тайно верить в песню и любовь?

2002

* * *

Жизнь отшумела, отошла... Носил я
в душе моей всегда мечту, как знак
того, что жизнь с необычайной силой
меня влекла, меняясь на глазах.

Мечту о том, что вновь восстанет юной
из тьмы она, что не сгорят дотла
любовь и красота — жизнь ночи лунной,
всё то, что жизнь даёт нам и дала.

Себя я вижу всё ж судьбой отмеченным
и знаю, что такого больше нет
с чувашским горем, с горем нашим вечным
в очей испепелённых глубине.

Народ мой обречён — он исчезает
как снег, как дым несбывшихся надежд:
не станет никакими чудесами
пугать врагов — воинственных невежд.

Уж коли я умру, найдите камень
вы мой, мой камень скорби вековой,
и оросите горькими слезами
его, к нему прижавшись головой.

И будет знать лишь бог чужой на небе,
что все чуваша вымерли давно.
А был ли я, поэт их, или не был,
как и врагам, не всё ль ему равно...

2002

РОССИЯ

Зелимхану Яндарбиеву

Поток речей, гнёт утончённого насилья...
Из года в год, десятки, сотни лет
над нами, как проклятие, Россия
витает, и конца витанию нет.

То притворяясь матерью, то правдой,
нас водит за нос, врёт и гнёт своё.
Ещё в какие топи путь неправый
нас занесёт и что нам жизнь споёт?

Споёт отходную и похоронит
иль, душу в теле оставляя, кровь
всё так же будет пить и той же кровью
чеченцев укрощать — суля любовь?

Не знаем и не ведаем, а сила
тревоги возрастает с каждым днём:
не мать нам и не мачеха — Россия,
и не сестра, и дом наш — не наш дом...

2002

В ЧЕЧЕНИИ...

В Чечении бои гремят...
Москвой обозванные «бандой»,
громят чечены оккупантов.
Чувашских свыше ста ребят
уж нет в живых — но... лезь, не падай.

И от бессмысленной вражды
людей российских в эту пору
печаль скорбящая и горе
вонзают в сердце словно штык,
и разливаются как море.

Коль есть ты, бог, великий бог,
спаси от зла и потрясений
и собери всех в мирной сени,
одуматься чтоб каждый мог,
найдя доверие к спасенью.

Спастись мы сможем, если мир,
а не война в сердцах воскреснет,
любовь и дружба вспыхнут песней.
И лучше песнь у строя лир,
чем прежде, расцветёт, чудесней...

2002

В ЗАЩИТУ ДРУГА

Чечен — дитя войны. Из стана
свободных духом. Тип. Явление.
И сыплется на Зелимхана
упрёков град и обвинений.

Певца чеченов, глас народа
в чём обвиняют, упрекая?
За что же нравственным уродом
зовут его враги и хаюют?

В том упрекают, что не предал,
не предаёт, а поднимает
и словом твёрдым он и делом
народ на битву — вдохновляет.

А обвиняют в том, что любит
не тех чеченов, те — манкурты.
Манкурт — урод, народ свой губит.
Манкурты гаже, чем иуды.

Уродом нравственным уроды
за то и обзывают нагло,
что Зелимхан любим народом.
Ещё наглее — федералы.

Национального поэта,
лишив всех прав к существованию,
призвать за нацию к ответу —
сверхнаглость. Выше — не бывает.

2002

ЧУВАШСКАЯ БОЛЬ

О, скольких нет народов! Не всякий выживет
во тьме глухих столетий на злой земле.
В краю ста тысяч песен, ста тысяч вышивок
заложник я московский полтыщи лет.

Вот новое столетье, вот снова вышли мы
на риск, на безнадёжность и — скорбен путь.
В краю ста тысяч песен, ста тысяч вышивок
живя, мне ни распеться и ни вздохнуть.

Вздохни, запой чуть громче ты, сразу вышибут
твой смелый дух свободы... и нет тебя.
В краю ста тысяч песен, ста тысяч вышивок
петь будешь, грусть тюремную теребя.

По качествам и свойствам пусть много выше мы,
но скажут: «басурманы» — не жить без свар.
В краю ста тысяч песен, ста тысяч вышивок
руины есть Булгара, исчез — Сувар.

Ужель и на руинах народ мой выживет?
Ужели не исчезнет во тьме времён?
В краю ста тысяч песен, ста тысяч вышивок
надеяться хочу я и верить... в сон.

2002

ТАРХАНСКАЯ КРОВЬ

Мой каждый стих почти как исповедь.
И оттого средь каинов, иуд
тарханской крови буйство и неистовость
всю жизнь мне жить спокойно не дают.

Мерзавцев я, братоубийц, предателей,
ещё юнцом узнал и заклеил —
суровым был, не только был мечтателем:
не терпит слабых, губит затхлый мир.

Кровь эта мне от предков по наследству
передалась — и я, идя ко дну,
держусь за нить неумирающего детства:
и знаю, признаю лишь страсть одну.

И не угомонить, и не унять мне
сей шум в крови — бушующую страсть.
В любви и ненависти вновь опять мы —
тарханы — будем страстность сохранять.

И воскресая, уходя от тленья,
живя я в вас, а вы живя во мне,
мы будем так до светопреставленья
гореть в аду на медленном огне...

2002

НЕ ВЕРНУТЬ...

Гляжу на дымку тихого заката,
но не пущусь я в голубую даль
за тем, что волновало грудь когда-то,
его там нет, теперь там — грусть-печаль.

Теперь там — горе, горести и беды.
И сам я оказался на беду
уставшим, злым, обобраным и бедным:
себя там, молодого, не найду.

Грудь волновали девы лик, улыбка
и голос нежный светлою весной.
Теперь полузабыто всё и зыбко,
и болью перевито и тоской.

И где ж я молодой? Мне кто ответит?
И что душе покою не даёт,
как та звезда, которой нет на свете,
но светит, будто и сейчас живёт?

Живу и я. Уходит даль за далью.
И вроде смертью скорой не грозят,
но не сберечь себя от увяданья
и молодость мне не вернуть назад...

2002

* * *

Явись, я жду тебя, и ты явись
ко мне, мечта, как раньше ты являлась,
развей мою рассудочность и вялость,
вдохни в стихи мои и песни жизнь.

Жизнь без мечты душе не жизнь, а смерть,
и труп живой не друг мечте крылатой.
С мечтой — душа поёт, так жизни рада,
а без мечты вовек ей не запеть.

Явись ко мне, мечта, коль ты не трус;
явись святою, голой, без покрова;
явись во имя самого святого —
сквозь пустыри окаменелых чувств.

Я жду тебя как первый день весны
и как любовь с волшебным озареньем,
как счастье, как надежду, как спасенье,
как гостью из неведомой страны...

2002

МАТЕРИНСКАЯ УЛЫБКА

Люблю я материнскую улыбку,
зовущую в родимые края,
где мать качала юной мою зыбку,
и где такой нескладный вырос я.

Слегка лукава, может, но радушна,
строга порой, но никогда не зла,
улыбка матери чиста и простодушна,
чуть жалостлива и всегда светла.

Ласкающая душу обаяньем
и нескудеющим своим теплом,
дающая мне радость, не страданье,
улыбка эта щит в борьбе со злом.

Кто, жизнь прожив, не совершал ошибок?
Был мамы лик как яркая звезда.
Я перед материнской улыбкой
склоняю низко голову всегда.

От злой судьбины некуда нам деться.
Наперекор судьбе, в любом краю
навек на дне трепещущего сердца
улыбку матери я сохраню...

2002

ВОЛШЕБСТВО

Всегда выдерживал я взгляд
любого недруга иль друга,
лишь раз капризная подруга
злой на меня наслала сглаз.

Не выдержал я взгляда дуры.
Колдунья порчу не сняла.
И на виду всего села
был у неё на поводе я.

От лёгкого её движенья,
от дерзости искристых глаз
башку я потерял в тот раз —
среди внезапного вторженья.

Но дело в том, что та потеря
не огорчает, не томит,
а лишь мне душу веселит —
всю жизнь и радует, и греет.

Знать, скроен я на новый лад:
блеск непокорных глаз колдуньи,
я вижу, до сих пор колдует.
И колдовству я очень рад.

Не жить поэту без всего!
Когда-то голову теряя,
я волшебству себя вверяю,
вторгаюсь в юность чрез него!

2002

ПОЗДНЕЕ ПРИЗНАНЬЕ

Тамаре

И вот тебе моё благословенье,
вот позднее признание в беге лет:
из всех с тобою встреч, из всех мгновений
запомнил на всю жизнь я лунный свет.

Пусть время мнёт нас, сушит и калечит,
свет лунный не тускнеет от того.
Нам время уготовливает встречи.
И встретимся, наверное, вот-вот.

Но будем не с надеждою волшебной
в ночи горящих звёзд мы, при луне,
вздыхать и плакать, а с надеждой тщетной.
Волшебная пребудет в стороне.

Она ушла и не вернётся боле,
как не вернётся юных дней весна.
Уж не ищи ты ветра в чистом поле,
не вспоминай любовь свою без сна.

Без лишних слов, без всяких откровений
признаюсь я тебе на склоне лет:
из всех с тобою встреч, из всех мгновений
запомнил навсегда лишь лунный свет...

2002

КАК БЫТЬ?

Вновь волчий вой в лесу и ветра свист.
О, боже, не губи меня ты, сжался.
Клятвопреступник, бывший коммунист,
предав своих, к врагам перебежавший,
твердит опять, что свят — душою чист.

В глухом лесу и раньше волки выли,
внимал им, может, только лунный свет
не год один, а много-много лет.
И я припомнил всё, что с нами было,
и понял, что прощенья хаму нет.

Твердит, что перекраска — неизбежность.
Твердит, что совесть всех снегов белей.
И нежность у него нежней, чем нежность,
а ширь души, то бишь её безбрежность,
просторней всех просторов и полей.

А волки в чаще стали пуще быть,
совсем уж обнаглели, стало быть.
Мечты, молитвы, клятвопреступленья
несут от поколения к поколению
прощение и месть — как нам тут быть?

2002

УСТАЛ...

Устал я, господа, ох как устал,
смотреть на вас и видеть вас мне тяжело.
Каким-то не таким, наверно, стал:
сковала ваша злость мои уста —
смешной могу назвать её с натяжкой.

На дне мы. Не до смеха, господа.
И злы вы не от этого, простите,
а оттого, что здесь не та среда.
Всем, кто повыше вас, всегда, всегда,
хоть ненавидите в душе, вы льстите.

Наивен я и ясно, что дурак,
и жизнь свою так дураком и прожил.
Драчлив был и... не вылезал из драк,
но не пошёл бы всё же на теракт.
Предвидел ваши я вот эти рожи.

Урвать, разбогатеть — ваш идеал.
Не идеал, а мерзкое стремленье.
Иуды! Над идеями глумленье,
предательство — ваш новый путь... Устал,
ох как устал от вас я, стал как тень я...

2002

РУСЬ ПРАВОСЛАВНАЯ

Были и юные грёзы,
были и думы, мечты.
Были угрозы и грозы.
Свет был — страшной темноты.

Было — питали, пытали.
Были и вещие сны.
Гнали в такие нас дали —
в ад. На глазах всей страны.

Мать моя, Русь православная,
мать наших чувств и забот,
в ласках твоих пожил славно я,
понял: твой ад не умрёт.

Понял: смирись ты и большей
милости и не проси —
будет потом ещё горше,
если не станет Руси.

И потому-то уверен,
и утверждать я берусь:
будет пусть символом веры
Русь и в ней всякая гнусь.

Стану (чуваш) с истым жаром,
молод ли я или стар,
кремль ваш отстаивать яро
(ясно, что не от татар).

Ясно... Но так или иначе,
пакостны эти места.
Где ж она, в Булгарах вынянченная
светлая наша мечта?...

2002

* * *

Меня волнует мой уход всё реже,
как будто вовсе не меня заденет.
Жизнь забывая, словно я и не жил,
закат встречаю свой, своё забвеньё.

Ушедшие! Друзья! Во всей красе
неувядаемой своей! Люблю вас,
пока я здесь, как жизнь, люблю вас всех
как честь мою, как молодость и юность.

Вздых каждый ваш, стон лёгкий помню я.
Улыбка, блеск зубов, глаза — о как мне
и дороги, и памятны! А камень
надгробный не помеха для меня.

Мы живы все! И потому всё реже
меня волнует мой уход, тревожит.
Всё ожило! Кто скажет, что я не жил?
Кто скажет, что вы не живёте тоже?

2002

* * *

Насмешка злая это, насмешка злая!
Всё к чёрту катится, уходит в дым —
становится жизнь даже не золою,
а дымом как бы, воздухом пустым.

Где всё воистину святое: юность —
любовь, надежды, вера? Радость где?
В краях каких? И горько улыбнулись
какому богу вы, какой звезде?

Напрасно. Зря. К тому же — бесполезно.
Ведь знаем — где. И потому, дурак,
людей ты не смей: ведь так — извечно,
ведь всё проходит вечно только так.

Проникнуть не пытайся ты глазами,
как некий йомзя, в глубину веков.
Всё там покоится: не был — сказанье,
точнее — прах всего, всех тех годов.

Потомки милые, к вам обращаюсь,
скитальцы будущие, призываю вас
сквозь тьму времён я, грешник грешный, каюсь:
не надо вздорить с жизнью, воевать.

До смерти изумлённый красотою,
нездешней красотою жизни, я
затосковал вдруг странно... Пустотою
грядущее приветствует меня.

2002

* * *

Я помню, буду помнить вас, ведь с вами
мечта погибла вместе, не сбылась.
Звезда тревоги и посмертной славы,
как боль ответная, во мне зажглась.

Спокойны были в жизни вы и светлы —
в сём мире беспокойном и большом.
И пели вы почти что незаметно,
но с чистою, но с юною душой.

И в вас симфония звучала света.
Кипели бурно чувства и стихи.
В них — жизнь и счастье честного поэта,
будь он от высших каст, будь от сохи.

И как бывало уж не раз в сём мире,
вдруг наступает странный день и час,
и люди с незамеченной той лиры
восторженных — все — не спускают глаз.

И вы, ко мне протягивая руки,
меня зовёте — все — издалека,
и в чаше бытия страданья, муки
передаёте мне через века...

2002

* * *

Время, время властвует над миром!
Холод мёртвый душу леденит.
В мире этом, неуютном, сиром,
плач да стон да вопль летит в зенит.

Беззаботный смех услышишь редко.
Бродит смертный с думой на челе.
Дума эта потрясает крепко
и меня, пугая, в том числе.

Некому пожаловаться. Бдению
что ль пожалуюсь? Оно как сон
иль как тень, как полная смятенья
жизнь моя, жизнь в вареве времён.

Времена! О tempora, о mores!
Нравы! Чтоб на месте я подох.
Жизнь ли это? Нет, не жизнь, умора:
что ни шаг — угроза иль подвох.

Угрызения томят и гложут.
Пусть свершится чудо из чудес:
до могилы я хотел бы всё же
устремитесь злу наперерез —

навсегда лишив себя покоя,
гневным словом душу опаля,
громыхнуть вдруг что-нибудь такое,
от чего бы вздрогнула земля...

2002

* * *

О, жизнь! О, горечи, потери!
Огонь смертельный душу жжёт.
Есть смерть, которой можно верить.
Есть смерть, которая не лжёт.
Бывает очень горько, туго —
лукавят все, ловчат и врут.
Всю жизнь в тревоге жду я друга,
когда придёт он — верный друг?

Я весь в бреду, горю в огне я.
Не это ли предсмертный час?
И день мой гаснет и темнеет,
и теплится в углу свеча.
Вот кто-то буркнул на пороге
под мой чуть слышный сердца стук:
«Всю жизнь ты ждал его в тревоге,
и он пришёл — твой верный друг...»

2002

* * *

Совершая путь свой, год от года
наблюдаю средь тревог, забот:
всё сгорает на земле у бога,
не сгорает дух — всегда живёт.

... Был я юный, был любвеобильный.
И весенней ночью при луне
грезился всё образ мой любимый
не земной всё ж, а небесный, мне.

Трепетно протягивая руки,
я, влюблённый, к звёздной вышине,
забывал земную горечь, муки,
верил: вспомнят, вспомнят обо мне!

В скорбный час, весь чёрный от печали,
я не вижу света на земле.
Жду, чтоб дух мой ангелы умчали
в небеса на много-много лет.

Юноша грядущий! Нет, не вздумай
строить жизнь ты, в прах её кляня.
Вспомни с болью стих мой этот, дух мой —
и очнись, и позови меня...

2002

ЭТОТ ЗОВ...

О, счастье милое, мечта столетий,
ты где? Всю жизнь лелея образ твой,
с надеждой, умирающей последней,
я разговор веду, ещё — с живой.

И сам ещё я жив, но есть надежда
стать вдруг, внезапно мёртвым, неживым.
О, где ты? Где края твоей одежды?
Хочу ловить я их, как пьяный в дым.

Хочу я плакать и смеяться... Счастье,
живое, нежное такое, ты
неужто не придёшь и в одночасье
из сказки в быль не превратишь мечты?

И, появившись в праздничном уборе,
не пронесёшь меня через года?
Ужель я должен захлебнуться горем,
похоронив надежду навсегда?

Иль должен в светлой радости бескрайней
одежды белые твои надеть
и ниц склониться перед вечной тайной
не меркнувших столетьями надежд?

Зов к счастью... Счастья зов... Волшебней нету
снов на земле, весной дышащих снов.
Средь тишины иль шума всей планеты
живёт всегда бессмертный этот зов...

2002

* * *

Хотели мы, всегда хотели, чтобы
свои предназначения судьба
преподносила нам открыто, чётко,
и не была коварна и слепа.
Чтоб не было неясности и тайны,
и не напоминала бы разбой
пред вечною разлукою с тобой.
Чтоб смог я крикнуть всё же: «До свиданья!»,
а не сказать: «Прощай», хоть все мы жертва
к нам подступающих смертельных сил.
Ещё никто, никто не встал из мёртвых,
но каждый с думой о бессмертии жил.
Жизнь тихо разрушается, бесстрастно,
но так же тихо воскресает вновь.
Прощай, любовь! — кричу. И снова — здравствуй,
любовь, неугасимая любовь!
Любовь есть бог, и потому — бессмертна.
Поэт от бога — он и сам как бог.
Всё так. И возвещаю я всесветно:
я, смертью смерть поправ, воскреснуть смог!

2002

МАВЗОЛЕЙ

Веет ветер, угасает пламя.
И, угаснув, угли не горят.
Веет ветер времени над нами,
юность обречённая моя.

Боль свою с трудом преодолевая,
я кричал и бился пред тобой,
умолял остаться, в чём не каюсь
и поныне, как поэт любой.

Но ни стоны, ни молитвы бурю
эту странную не отвели:
юность пала и исчезла, будто
на закланье юность увели.

Я искал её потом повсюду,
доводя до крайностей себя.
Рвался я к несбыточному чуду,
жизнь свою терзая и губя.

Ветер времени меж тем над нами
дул и дул в содружестве стихий.
Боль моя давным-давно, веками,
превращалась в песни и стихи.

Потому я старческой рукою
больше не цепляюсь уж, бог с ней.
Из стихов ей мавзолей я строю —
обречённой юности моей...

2002

* * *

Так мало жил я, вроде бы и не жил,
впрямь будто некий произвол царит:
смех, слёзы, бунт... ругал кого-то, нежил...
всё-всё — как сон! И я уже старик.

Ни имена, ни точность хронологий,
ни сожаленья стали не нужны.
Вся жизнь моя — в теперешнем итоге.
Лишь нынешние страсти мне важны.

Сквозь дрёму лет увидеть я пытаюсь
улыбку милую, которой нет
ни здесь, ни там — мираж! И я хватаюсь
за сердце старое — сквозь дрёму лет.

Откуда эта страсть и ощущение
любовное, последний сердца вскрик,
когда проходишь ты сам перед собою тенью
и средь теней, что были тут, старик?

Наверное, прощаясь, обращаюсь
к потомкам я невольно и горю —
чудесно в молодого превращаюсь
и речи страстные им говорю...

2002

ЗЛОСЧАСТЬЕ

Во сне, в бреду иль наяву
казалось мне, казалось: счастье —
в делах всеобщих соучастье,
и к счастью верно я плыву.

Но это ложь. Я мысль ту выбросил,
не стал искать путей иных,
подумал: счастье это вымысел,
туман, и нет его в живых.

Не стал я сердце рвать на части.
Плутать мне долго не пришлось,
так как я скоро понял: счастье
лишь там, где умирает ложь.

Оно и не в любви. Любовью
не будешь счастлив никогда.
Свяжись хоть с девою любою,
а что за бл... — не угадать.

И где ж счастливые избранники,
со счастьем дружные земным?
Вы где, грядущего посланники?
Вы в дружбе с будущим самим.

Над чьей стезёй жар-птица кружится
и славит правду без конца?
Чьи руки честны и натруженны?
В чьих нету хитрости сердцах?

Где б счастьем быть? Вопрос большой.
И глянть, какое в нём злосчастье.
Я не бегу, друзья, за счастьем,
как дьявол за чужой душой...

2002

ГОСТЬЯ СМЕРТЬ

Здесь она! Но, видя приближенье
гостыи, с жизнью не слабеет связь.
Жизнь моя, моё самосожженье,
удалась ты иль не удалась?

Как в конце пути хотелось мне бы
вспомнить всё же юность, юный пыл!
Или не было тебя, жизнь, не было?
Домыслы, фантазия ты? Пыль?

Отчего такое наважденье
странное, но — с музыкаю чар?
Что же, что же жизнь на самом деле?
Жизнь, не ты ли высший божий дар?

Было всё — и хлёсткий ветер в поле,
и кромешной ночи чернота,
и бескрайность материнской боли,
и печаль, сковавшая уста.

Были грусть и боль в глазах иссохших,
и — смятенье горестной души:
нас любили матери, хороших, —
и умерших, и всех тех, кто жив.

Мнилось: в жизни — больше чёрной краски
и засилье нудных чёрных мук.
И стонала юность в дикой пляске
душу раздирающих разлук.

Разорвать хотелось жизнь на части,
но несли, несли свой тяжкий крест.
Жизнь была! И это было счастье.
И теперь жизнь есть. И счастье есть.

Пусть меня простит за песню небо,
пусть простит и скорбная земля.
Был ли я на свете или не был,
ну а юность у меня была.

Вот оно — её изображение,
в памяти ожившее теперь.
И оно — моё самосожженье.
И дарю его я, жизнь, тебе...

2002

* * *

Прошу тебя, ответь мне, ради бога,
неужто жизнь не жизнь, а только сон,
просмотренный ничтожным и убогим
халдеем — сон с трагическим концом?

Неужто юность, и любовь и песня,
ночь лунная весною — лишь мираж?
Неужто, старость жадная, стал весь я
тобою? И тех дней мне не отдашь?

Незыблемость твоя как смерть, которой
не то что я, сам сатана не рад.
Казалась юность вечною, но скоро
судьбою начат был другой парад.

О них теперь и говорить излишне,
ведь так творится испокон веков.
Но, сопричастный юности и жизни,
войду в последний час свой в стан богов.

И попрошу: ответьте мне, о боги,
чем доказать, что жизнь не только сон,
а смысл великий, радостный, глубокий
для всех людей, народов и времён?

2002

* * *

Я всё забыл, и всё смешалось:
любовь и юность, сад, скамья...
Скиталец вечный, вечно жалость
испытывал к скитальцам я.

Мелькали дни, как быстрый поезд.
Мелькали дружба и вражда.
Своё, чужое и родное...
Мелькали горе и нужда.

Скитальцу, кроме корки хлеба,
что нужно? Воздух, божий свет —
простор полей, леса, синь неба.
Без них его как бы и нет.

Как ни старайся, ни пытайся
перехитрить свою ты жизнь,
конец у нас один, признайся,
ни в чём упорствовать не тщишься.

Как ни подсчитывай дотошно
все «за» и «против», всё равно
одно мы знаем: безнадёжно
всё это — впереди темно...

2002

* * *

О, сколько лиц и сколько лет, как тени,
ушли во мглу, развеялись, как пыль!
Я их зову сквозь время и метели,
считая не ушедшими как бы.

Ни трели соловья, ни Паганини
вернуть не могут мёртвых, разбудить.
Но, зная это, всё ж зову поныне.
И странно: голос стал мой доходить.

Друзья мои с поблекшими глазами
и с неизбежной смертною тоской,
в загробном горе я незримо с вами,
храню ваш вечный мертвенный покой.

Так тихо в темноте порой ночьюю.
Я тихо речь веду, кляня судьбу.
Вы, как живые, спорите со мною.
Как мёртвые, лежите вы в гробу...

2002

* * *

Какие это дни теперь!
Ах, что это за ночи!
Ни прежних юных чувств тебе,
ни жарких, светлых строчек.

Ах, день какой! Какая ночь!
Ах, что это за лунность!
И прочь, хандра! Унынье, прочь!
В душе моей вновь — юность.

Не спится мне. Я не могу.
Участья не просил я.
Я сам не свой, я берегу
утраченные силы.

И жду я, жду... чего-то жду.
Серебряной свирелью
сирень поёт в моём саду,
и болен я сиренью.

Звени, сирень, цветы, сирень,
вплетаясь в мои строчки.
Ты глубь души моей задень.
Ах, что это за ночи!

Ты веру в жизнь во мне упрочь,
вернув ей светлоструйность.
И прочь, усталость! Старость, прочь!
В душе моей вновь — юность...

2002

ПОЭТ

Я не могу и вас я призываю
понять меня, что просто не могу
я бросить пить ни к марту и ни к маю,
коль уж не смог на всём своём веку.

Который раз земля оделась в зелень,
и нас приветствует который раз
своим приветом радостно-весенним?
И в лес зовёт, в поля, угрюмых, нас?

Не всё ль равно, я пью или пою я.
Какой мой стих — не всё ли вам равно.
Хоть пей до мая ты, хоть до июня,
понять меня нечутким не дано.

Когда пою, жизнь кажется другою,
весна — иною, лучше и светлей.
Я не могу себя ж своей рукою
ни задушить, ни сбить, о соловей!

Я не могу, с душой воспринимая
твои рулады, просто не могу
не петь в лучах луны ночами мая —
прости, не смог на всём своём веку...

2002

СОЛОВЬИ...

Поют соловьи... Соловьи
и вашего, и нашего сада
весну называют «отрада».
И эта отрада — в любви.

Пою о цветах я... Цветы
и вашего, и нашего луга
лишь то называют «заслуга»,
коль ласково светишься ты.

Пою я хвалу голубым
озёрам — и эти озёра
лазурны как нежные взоры
у тех, кто влюблён и любим.

Поют соловьи, соловьи...
И мы, гости вешнего сада,
весну называем «отрада»:
и эта отрада — в любви...

2002

КОГДА ВЕСНА...

Когда весна и отцветает сад,
где лепестки черёмух, как снежинки,
летают и блестят, я без заминки
могу сказать: пусть кружат, пусть блестят,
ещё найду в грядущее тропинки.

Пусть дни бегут, торопятся, спешат.
И пусть огромные у нас потери,
ещё душа надеется и верит,
что поправимо всё и что наш сад
нам верен будет — не закроет двери.

И жизнь моя ещё передо мной
весенней радостью благоухает.
Хоть взор мой отсверкал и потухает,
душа горит, ожившая, весной —
и сердце, как у юного, пылает.

Ещё не всё осталось позади!
И лепестки черёмух — не снежинки.
Хоть и в очах моих дрожат слезинки,
хоть я устал, но жизнь моя в груди
ещё жива и бьётся без ошибки...

2002

СЕНТИМЕНТАЛЬНОСТЬ

Ах, как жаль, что я sentimentalен
становлюсь по истеченьи лет.

И не те уж голубые дали,
и не тот уж синий лунный свет.

Звук ли нежный где услышу — плачу.
Добрую улыбку, добрый взгляд
восприму как радость и удачу.
Недруг, друг... Всем, всем теперь я рад.

Милые! Меня вы не любили,
но а я люблю вас и ценю.
Больше вы меня, как помню, били,
проявляя так любовь свою.

Милая! Люблю тебя я очень.
Хоть банально это, сладкий вздох
и восторг рождают твои очи.
Не шучу, шучу коль, чтоб я сдох.

Дымкой серебристой сад окутан.
Словно соловей в саду ночном,
я пою, не я пою, а будто
жизнь поёт моя — пред вечным сном.

Песни эти с вашими не схожи.
Света в душах ваших не найдёшь.
Милая! Люблю твой запах кожи
и неосязаемую дрожь.

... Ах, родные голубые дали!
Ах, весенний синий лунный свет!
Нет, не жаль мне, что sentimentalен
стал я чуть по истеченьи лет.

2002

ОН И ОНА

Когда мне будет нечего сказать,
когда и вы уже всё-всё сказали,
друг другу не посмотрим мы в глаза,
разлуку получая в наказанье.

И разойдёмся мирно вы и я,
помашем на прощание рукою.
Как мир стара была любовь моя,
ведь не могла же быть она другою.

И потому шепчу, шепчу слова
не вам и не себе, а ночи лунной:
хоть и стара любовь, но вечно юной
она слывёт — она права, права.

Нам силы не найти нигде сильней,
чем юности незыблемая сила.
Любовь бессмертная стоит за ней.
С любовью я бесстрашен, как Аттила.

Но как холоп я жалок без любви.
Я жалок и противен, как последний
бездомник и изгой. И я убит —
бестрепетных и мертвенных наследник...

2002

ПУСТЕЕТ ЖИЗНЬ

Пустеет жизнь — тоскую и скучаю,
как будто с глаз упала пелена —
гляжу на мир я с тихой печалью,
печалью вся душа напоена.

Как будто понял: жил и ошибался,
и в заблуждении прожил всю жизнь —
не с теми пил, не с теми я сшибался,
не тех любил, не тот путь совершил.

Но так ли это? Странное безлюдье
на долю выпало мне, как и вам.
Людей полно — бредут толпою злющей:
глухи к чужому горю и словам.

К любви и ненависти равнодушны.
Их, видно, пропили, как и страну.
Как больно было мне всегда, как душно,
зреть над толпой не бога, сатану.

И словно сами все осатанели
те люди, то есть нелюди, в стране —
и алчностью и кровью опьянели,
продав за деньги душу сатане.

И с кем я пил и с теми, с кем сшибался,
я всё ж дружил, людьми их всех считал,
любил, порою хоть и ошибался,
им всем не врал, всего себя отдал.

И совершил я путь, друзья, тот самый,
который должен был и совершить.
Уходит жизнь, грустнее вместе с нами,
друзья уходят и пустеет жизнь...

2002

* * *

Ни к кому нет веры,
не на что надеяться,
полюблю кого?
Люди словно звери,
некуда им деться,
грянет бунт вот-вот.

Где-то уже режут,
где-то уже душат,
вой со всех сторон.
Песнь — всё реже-реже,
песнь — всё глуше-глуше,
воплъ — всё звонче, стон.

Жизнь — одна нажива,
алчность, мельтешенье,
жульничество, ложь.
Чем мы всё-таки живы?
В чём мы утешенье
ищем, братцы, всё ж?

Даже мысль продажна,
а любовь корыстна,
вместо чувства — прах.
Что же будет дальше?
Жизнь течёт без смысла, —
ужас это, страх.

Все мы словно звери.
Некуда нам деться
в круге роковом.
Ни к чему нет веры,
не на что надеяться,
плюнуть б... но — в кого?

2002

ТОЛЬКО ТАК...

Я прожил жизнь, не мудрствуя лукаво,
был не похож на занятых людей
всей неизменной простотой своей.
Твердили мне, что не чета ораве,
но всё-таки-де сволочь, лицедей.

А те, кто знал меня почти полвека,
мне говорят: «Мы знаем хорошо,
что ты один такой средь нас с душой
и незлобивой, и простой — поверь-ка,
поверь хоть раз... Ты — человек большой».

Большой иль маленький — не мне судить-то...
Отдав всё вдохновенью своему,
я создавал творенья, посему
обман, бездушье ненавидел дико,
и — ложь, непостижимую уму.

И в жизни был естествен я и светел.
Хоть в бурях, в грозах жил, а не в тиши,
хранил я чистоту своей души,
чтоб юной оставалась, чтоб и дети
могли б ей позавидовать в глуши.

Пусть и в глуши звучит соната света.
Пусть в нас звучит и в детях... Я, чудак,
ведь жизнью восторгаюсь только так,
ведь жизнь и счастье истого поэта
в кипенье бурном лишь стихов всегда...

2002

* * *

Волшебное влечение лунной ночи...
Неясное влечение лунных снов...
Всё временно, и каждый миг уносит
частичку жизни, каждый миг суров.

Успею ль насладиться красотой,
ведь красота — святыня для меня.
Так, значит, я чего-нибудь да стою.
Без красоты мне не прожить и дня.

И не случайно я смотрю на звёзды,
мерцающие в синей вышине.
Живительны они, нужны как воздух.
Мне очень горестно, когда их нет.

Меня приводят в трепет и волненье,
особенно когда я тих, уныл,
и лунных снов неясное влечение,
и ясное влечение луны...

2002

БОЛИТ ДУША

Прости, болею. Болен я. Хоть целы
и голова, и руки-ноги, шаг
шагнуть нет сил с утра — болит душа.
Душа болит: какой-то тайной цепью
обязан будто — звон стоит в ушах.

Незримо и так тонко заковали...
И никому нет дела, подыхай.
Коль раньше нас открыто мордовали,
то нынче пей свободу до отвала,
но помни: кто ты? И не забывай.

А ты есть червь иль гнида, потому как
ты нищий, то есть ты никто, ничто.
Ты есть поэт? Забавно! Ну и что?
Проводишь жизнь в страданиях и муках?
Зачем? Исправь её иль изничтожь.

К чему такая жизнь? Такой к чему ты?
Не сварись супа, милый, из стихов.
Ход жизни нынче, дорогой, таков,
что надо поступать не глупо — мудро.
И это самый лучший, верный ход.

Ну а душа? Я болен... Я болею...
Болит душа. И не проходит боль.
Но чувствую, что боль я одолею.
А вам не верю, потому что верю
в поэзию — как в жизнь и как в любовь.

2002

* * *

Я один — страшнее нет судьбы.
Счастье до меня не долетело.
До конца так будет, стало быть:
буду одиноким до предела.

Кто смягчит, рассеет боль мою?
Мне никто не обогреет сердце.
Светлых дней у жизни не молю,
хоть и вижу: некуда мне деться.

Я пойду, наверно, в тёмный лес
удивлять его своей судьбою:
биться в судороге, словно бес,
плакать и смеяться над собою.

В смертный бой вступить с самим собой,
чтобы до положенного часа,
как повешенному за разбой,
на осине горькой не качаться...

2002

ОСЕННИЕ ЦВЕТЫ

О, георгины, осени цветы!
И астры! Что ж цветёте вы? Увяньте...
Не пойте мне о горестном таланте,
о злой судьбе и жажде красоты.
Засохните, замёрзните, уважьте, —
живя, я мёртв, мертвы мои мечты.

Был молод я... надеялся, страдал.
Была весна. Весна благоухала.
Я ждал любви. Она не шла, пропала,
нашлась не тою, о какой мечтал.
Её отверг я, гордый, но не пал я
от пошленькой любви, лишь крепче стал.

А как хотел сердечно я любить!
Хотел её я всю, не только тела,
мне и её души постичь хотелось,
чтоб радость чувствовать, цвести; чтоб жить,
но вместо этого моим уделом
отчаяние стало, стыд, — надежды бич.

О, георгины, осени цветы!
Не увядайте всё ж вы, пойте, свет свой,
нет, не гасите, бойтесь жизни мёртвой
и сохраните светлые мечты, —
ведь я ж живу в юдоли беспросветной
на склоне лет всё — в жажде красоты...

2002

К ЗАКАТУ ЖИЗНИ...

Зарёю жизни, в юности туманной,
я светом грезил, о любви мечтал —
о настоящей, пылкой, безобманной, —
о счастье, о земле обетованной...
А жизнь была сплошь горе и нужда.

Но всё равно я был и смел, и весел:
сияли очи — я горел огнём
и, радостный, всё думал о невесте.
А жизнь несла о днях дурные вести,
хоть я и бредил долгим, вечным днём.

Наивен был, ох до чего наивен!
На жизнь глядел как малое дитя.
Меж тем стал мир не дивен, а противен,
где укорачивали дни ретиво
и, в беззаконии, прервать могли шутя.

Туманна жизнь. Иду к закату жизни.
Порывы стихли, сердца жар погас.
Отчизны нет уже в краях отчизны,
как нет в них счастья и любви. Лишь тризну
мне остаётся править в этот час.

Не стало света... Я ль не грезил светом?
И я ли не мечтал? Ушла мечта.
Мечтам и грёзам, снам моим, ответом
одни страданья, беды в мире этом,
в нём жизнь кругом — сплошь горе и нужда...

2002

НА ОПУШКЕ

В минуты тяжкие, мгновенья,
печальная моя душа
лишь хочет тишины, забвенья,
сжимаясь с болью и дрожа.

Не знаю, что со мною случилось:
быть может, прошлого мне жаль?
Быть может, властвует усталость
и поражает как кинжал?

И поражён я, и зарезан,
но тут усталость ни при чём.
Вздохну и обращусь к берёзам —
печалятся они о чём?

Вздохну и выйду на опушку.
И лес усладой будет мне
такой забвенною, радушной —
в забытой богом тишине.

Упьюсь усладой мгновенно.
И вновь вздрожит и примет вновь
душа, познавшая забвенье,
в себя и грёзы, и любовь.

Но вновь наступит миг печальный,
и тяжело будет вновь до слёз,
ведь будет он мой час прощальный —
без леса, без любви, без грёз...

2002

* * *

Снега... Опять снега... Их белизна.
И призраки ушедших лет в них бродят,
виденья к нам давнишние приходят,
палящим жгут огнём нас, как весна.

Осыпят цветом, дождичком зальют.
Мы снова молоды. Мы, изумляясь
их сказочною силою, на зависть
своим завистникам, кричим: «Салют!»

И праздничен нам этот славный час.
Ни с чем волненье наше не сравнимо.
Хоть сердце молодое и ранимо,
о том мы забываем, в вечность мчась.

Нет, не молю остановить свой бег
судьбу я, уж мольбы своей не слыша,
о юности моей тоскуя бывшей.
Я знаю: жизнь уйдёт, а с ней — и век.

Снега... Мои стихи ты, их вина
в тяжеловесности, прочтёшь с сомненьем.
Любовь неразделённая, волненье —
всегда как хлеб насущный для меня.

И тайну ту не объяснить никак.
И самого себя не понимая,
я чьи-то руки с трепетом сжимаю.
Рука моя — надёжная рука...

2002

НЕ ВЕРЬ...

Не верь — не жду на той неделе...
Не верь, что дальняя звезда
следит сквозь частые метели,
как близится ко мне беда.

Беда... Кому она приятна?
Козе понятно — никому.
Любя, на мне ты ищешь пятна,
непостижимые уму.

Любя же, растерзать готова.
Не потому ли, по снегам
летят твои желанья снова
к недостижимым берегам.

Прощай. Скажи ты: «Не приеду».
Прощай навеки, и — салам.
Не верь мечтам, не верь и бреду.
Не верь ты собственным словам...

2002

НАЧАЛО И КОНЕЦ

В начале жизни я жизнью бредил,
я строил планы, я жить хотел,
хотел учиться, в любовь я верил,
в счастливый верил я свой удел.

Душа пылала, а сердце бурно
воспринимало чужую боль.
Но получалось всё так сумбурно,
что гибли грёзы, ушла любовь.

Мир оказался совсем не дивный.
Жизнь проходила совсем не так.
В начале жизни, юнец наивный,
я был ребёнок, я был простак.

На склоне жизни дышу я тихо,
жизнь наложила свою печать.
Уж не запляшешь с друзьями лихо,
ведь смертный чей-то уж близок час.

Придёт в свой срок он, придёт, задушит:
уйти, остаться — надежды нет.
В начале жизни — вся жизнь в грядущем.
В конце же — в прошлом, всему конец.

2002

* * *

Душа заныла к непогоде,
душа тщетою занята.
Душа, как и любовь, проходит,
она уже не та, не та.

Во мне тщета меня заглушит,
в душе не станет больше чувств.
Уж больше я не стану лучше,
не вздрогну оттого ничуть.

Не задышу мечтой большою,
не задышу любовью впредь.
И, сравнивая с той душою,
на эту больно мне смотреть.

Кто разжигает это пламя,
кого мне в этом упрекнуть?
Не сам ли я стопы направил
на тёмный этот, чёрный, путь?

В душе — и мрак, и непогода.
Не жду от них добра, тепла.
Всё-всё течёт и всё проходит.
Вот и жизнь наша утекла...

2002

Я ПРИДУ...

Прощай, весна с вечернею зарёю,
с листвою пахучей, с тёплой травой,
обрызганной сребристою росой,
сверкающей с тревогой вековой.

Прощайте, сны, любовь. Прощай, и тяжесть
земных вериг! Мрачней вас не найти.
Прощаясь с вами, с жизнью я прощаюсь
пред тем, как в вековую даль уйти.

Но я, уйдя, всё ж не уйду бесследно,
не затеряюсь в тьме. Я к вам приду
не раз... И вновь, и вновь... Зимой и летом...
Властителем я буду ваших дум.

Приду весной... А осенью прибуду
на праздник листопада и ветров.
Я, души ваши озаряя, буду
к вам, как всегда, и нежен и суров.

Сквозь тьму времён приду я, как спасенье,
как ангел света, не как ангел тьмы.
И все печали ваши, потрясения,
моим приходом будут сметены...

2002

ЧУВАШСКАЯ ПЕСНЯ

Как зацветёт черёмуха,
лесочек весь засветится.
Хочу увидеть милую,
хочу я с нею встретиться.

Как улыбнётся милая,
душою весь светлею я.
Как милая нахмурится,
молчу — дышать не смею я.

Зазноба своенравная,
не часто улыбается.
Во всём всегда ей угождать
мне, видно, полагается.

Как зацветёт черёмуха,
лесочек весь засветится.
Как отцветёт — мрачнеет лес,
туманной мглой завесится...

2002

ПРОЩАНИЕ С ОТЦОМ

Был строг порой, но справедлив.
Ты там теперь, мы — здесь.
Через себя всю скорбь земли
ты пропускал, отец.

Тебя любили мы всегда.
Ты был для нас как свет.
Погасла ли твоя звезда?
Нет, не погасла, нет!

Она восходит и горит
в душе твоих детей
и о бессмертье говорит
твоих годов и дней.

Оставил нас, ушёл в миры,
жалеешь всех и там,
свои душевные дары
даруешь сверху нам.

Оставил нас стенать, кричать
со дна пустых сердец.
Отец, прости, прощай, прощай,
прости, прощай, отец...

*2002 год,
августа день седьмой*

* * *

Я в деревню эту не вернусь,
мне обратно нет пути сюда.
На душе тревога, страх и грусть,
а на небе, надо мной, — звезда.

В ранней юности пришлось уйти,
мне сюда обратно нет пути.
А звезда горит моя, живёт,
и меня зовёт вперёд, зовёт.

Я скитаюсь по краям чужим.
Не сюда лежит теперь мой путь.
На чужбине жизнь моя — не жизнь.
Ах, деревня, будь со мной, побудь.

На погосте соловьи поют,
тут лежат мои отец и мать.
Нет, вернусь в деревню я мою,
я вернусь в деревню умирать.

А пока приходится пройти
мне земные все круги-пути.
А звезда горит всё и горит,
о мирах, бессмертья говорит...

2002

* * *

В память дальней идёт волною
юный пир, волшебство дара.
И мой путь, завершаемый мною,
освещает чудных лет заря.

Пусть сейчас не чернявый я, сивый, —
кто из нас в наши годы не сед?
Странный я, и в душе счастливой —
юный дух и струится свет.

Что же ждёт нас за перелеском?
Что же ждёт нас в днeй глубине?
Юный мир меня радует блеском.
Дряхлый мир сердце рушит мне.

Я внимаю сердцу высоко:
как цветок цедит в искристый слой
сквозь себя все звуки, все соки —
будто в поисках воды живой.

Будто гулкое, сердце, и слышит
трепет мысли и крови ток,
без мечты — увядает, не дышит:
беззащитен по-детски — цветок...

2003

* * *

Цветок в груди, цветок нетленный,
цвети и сил ты набирай.
Цветок-любовь не к всей вселенной,
а к уголку, где отчий край.

О Родина! О это поле!
О этот лес, овраг, река!
Напевом радостей и болей
вы будете мне, жив пока.

И я, придя на землю детства,
им снова душу всколыхнул.
И снова молодеет сердце.
И слышится весенний гул.

И — прочь, осенний знобкий холод,
уйди в свою ты сторону.
Я снова молод, снова молод!
В весенних радостях тону!

И неужели мы забудем
в час горестный, постыдный час
тебя, земля? Жестоки будем?
Ты... поглоти тогда всех нас.

2003

ИНТЕРМЕЦЦО

Телега не электричка,
признанная всем миром, —
поезд быстрее бежит.
Забавна мне кличка,
данная вам эмиром, —
кличка «народный пиит».

Уж как все старались вы,
льстили и угождали —
оду строчили и гимн.
Забыли уже разве мы:
был сталинизм и Сталин —
страшный кровавый режим?

Кого мы восхваляли,
пламенно возносили?
Монстра и палача.
Обман и всё, что сваяли:
лесть остаётся в силе.
Званья тебе? Получай!

Забавна всё ж кличка,
данная вам эмиром, —
кличка «народный пиит».
Телега не электричка,
признанная всем миром, —
мир не в телегу бежит...

2003

* * *

Душе родные мерещатся тени.
В душе родная звенит сторона.
Мы эти дни, дни большого смятенья,
жгли попусту, о мой друг, старина.

Родимый край умирает, брошен,
брошен люд, в нищете — земляки.
Прийти, помочь вас просил бы я очень,
хоть вы давно от корней далеки.

Мой край родной! Как душа замирает,
тебя увидев, твой образ хранит.
И мне глядеть на твоё умиранье
здесь всё равно, что себя хоронить.

Душе печальной мерещатся тени...
В душе родная звенит сторона.
Мы эти дни, дни большого смятенья,
жгли попусту... Будь здоров, старина!

2003

* * *

Доволен будь ты тем, что есть.
Доволен будь и тем, что было.
Нам сил судьбы не одолеть,
неодолимы эти силы.

Промчатся годы, дни уйдут,
последней муки час предстанет.
Угаснут жизни там и тут.
И наш прощальный час настанет.

О, неизбежный час крутой!
Грустит душа в тоске печальной.
Какое горе, страх какой!
Я стражду днём, дрожу ночами.

И днём, и ночью (при луне)
творит природа обновенье.
Жизнь теплится ещё во мне.
И верю в жизнь я на мгновенье.

Люблю я жизнь! Я жив. Живой.
Её, как радостное слово,
на небо я возьму с собой —
как отзвук счастья былого...

2003

* * *

Сказав, что ты из светлых душ,
наверно, тебя не обижу?
Я снова луну среди туч —
лицо твоё — в сумраке вижу.

Меж нами лежат дни, года,
а ты мне всё машешь рукою:
иди, мол, я здесь, подь сюда.
Приблизусь — ты где, за рекою?

Приблизусь — где мир молодой?
Пойду ли тропинкою давней,
найду ли тебя? Иль пустой
лишь отзвук ты в памяти дальней?

Ведь в шелесте мягком весны
другие поют и играют.
Им наши пути не ясны,
они в мире грёз пребывают.

Но там пребывали и мы —
среди юных чувств и веселья.
Теперь среди вьюг, среди зимы
любви и весны захотел я.

Без веры не жить мне и дня.
Я верю. Об этом кто знает?
И будь ты звездой для меня,
будь вечной звездою, родная...

2003

* * *

Я вспомнил, как истинно, славно
плыла в голубой ты мгле.
И было это... недавно:
тому назад сорок лет.

Был воздух синий, а травы
дышали во мгле голубой.
Хотел я истины, славы,
краснея перед тобой.

А ты краснеть не смела.
Звездой мерцала ты.
И на меня глядела
с небесной своей высоты.

Я вспомнил... Млели ивы...
Ни звука — над головой.
Я вспомнил... Плыл молчаливо
весенний мир голубой.

И были ещё ворота,
а у ворот — ты, звезда.
Печаль моя и забота.
И боль моя. Навсегда.

Ах, мир голубой, чудесный!
Он вечно сводит с ума,
звения мне славною песней —
воистину как жизнь сама.

2003

* * *

Не ведаю, как долго протяну я.
Но чувствую, что на пути моём
ещё не раз иуды поцелуют
меня в ночи, а, может быть, и днём.

Иуды в юбке иль в штанах! Неважно.
А важно главное: все предают.
Кому поверить? Никому. Как страшно...
Так сколько ж развелось тогда иуд?

О, милая! Твой слышу шёпот: «Милый».
Туманится рассветный тихо дым.
Благодарю, счастливо ты водила
меня по сонным улицам пустым.

Шептала что-то нудное при встрече,
как никогда болтливую была,
такие мне придумывала речи,
порой вилась на месте, как юла.

Не спорю я с тобой, неправ, быть может,
не говорю я на пороге дня,
а только думаю: «Иуда — тоже.
Оставь меня и не люби меня...».

2003

* * *

Встречаться с тобой — просто жуть.
Оковы готовишь рабу ты.
Тебя обнимая, стыжусь,
навекы прощаюсь как будто.

А было — ты, словно луна,
плыла среди ночи весною.
Казалось — светла, влюблена
и счастлива вместе со мною.

Мы в пенных шептались садах.
Бродили, как в юности нашей,
забыв и про смерть, и про страх.
Бродили... А как же иначе?

Не шла, ты летела ко мне,
доверчиво речи шептала
о том, что нет друга родней.
И тихо к груди припадала.

Всё в ложь превратилось, всё — жуть.
Рабом, хоть убей, я не буду.
Себя самого уж стыжусь,
во всём виноват сам как будто...

2003

* * *

Услышал голос, чистый голос...
И день был ясный, светлый день.
И, неженатый, был я холост.
Не находил любви нигде.

Мгновенье ветра дуновеньем
дохнуло — голос, зов судьбы.
Был он нечаянным спасеньем,
горячим обещаньем был.

Кто знал что через день случится?
Так кто же я перед людьми?
Ведь счастье, гад, такая птица, —
порхнёт вдруг и исчезнет вмиг.

Порхнула, взмыла и исчезла...
Хоть и по-юношески смел
тот голос счастья чистый, честный,
не в добрый час он прозвенел.

И больше не звенит, не слышен
ни в пасмурный, ни в ясный день.
Уж никогда не ждать мне свыше
мгновенья — нет его нигде...

2003

* * *

Во мгле падучая звезда
сверкнула чисто и исчезла.
Ушёл и я, ждать перестав.
Что было бы, остался если?

Падучею звездой была
ты для меня в моей печали.
Всю жизнь я ждал, ты не пришла.
Все дни я ждал, я ждал ночами.

Как песня, вспышкой огня
мелькнув в душе, незло, лукаво
всю жизнь преследуя меня,
моею стала тенью как бы.

Не виновата, не вини
себя ни в чём ты — безупречна.
Летишь мечтой сквозь ночи, дни,
моей мечтой, — всё жду я, грешный.

Я жду. Нет света впереди.
Пусть нет. И пусть истлеет тело,
мечта свободно — как летела —
в веках (душа моя) летит...

2003

* * *

Зрение меркнет,
глохнет и слух.
Плоть моя сохнет,
тревожится дух.

Тенью уйду я,
тенью, однажды,
не утолив ни желанья,
ни жажды.

Не возвращусь,
о кремнистый мой путь,
я на тебя,
сны живых чтоб спугнуть.

Крепко заснул я,
снов я не вижу.
Я от кого...
ах, от вас я завишу.

Люди хорошие,
люди мои,
мне не проснуться,
как не моли.

Но есть надежда:
взойду на ступень,
если вы вспомните,
примете тень...

2003

* * *

Стал я с годами не лучше.
Плюйтесь — ругайте, вина.
Что же вы скажете, люди,
если не будет меня?

Гаснут, уходят уж силы.
Чую — тускнеет и свет.
Рад ли тому я, что было?
Рад! И доволен... Привет...

Я ухожу... Друг, ладони
мне на лицо ты положь.
Глянь: мир в сияние тонет,
в дух превращается плоть.

Неотвратимый, прощальный —
час этот вечно крутой.
Всё же в тоске ты печальной
в скорбь не впадай, о друг мой.

Слово любви, моё слово
радостью дышит живой.
Счастья не встретив земного,
в вечность иду сам не свой...

2003

* * *

Не сказка это и не вздор.
Вы мною можете гордиться,
легко учуяв, что за птица.
То — я, я крылья распротёр.

Свечою на пиру сгорев,
заставил вас чуток поплакать.
То, что я умер, не секрет,
как не секрет любая пакость.

Но я не пакостник, друзья,
и даже не нахал, простите,
тем более не шкурник я.
Не демократ. Уж как хотите.

Хоть иногда и спотыкался,
я вас любил, не предавал,
властей и женщин не пугался.
Как вы, себя не продавал.

Ни окрика и ни приказа
подобные мне не поймут.
Я ни во сне, ни наяву
ни от кого не отрекался...

2003

* * *

Неутомимо и неутолимо
брожу и гляжу как незримо
играет-поёт предо мною
среди шума, среди мглистого дыма,
проходит волна за волною
жизнь моя, моя жизнь — мимо, мимо.

Несравнимо и неутаимо,
хоть истина и очень зрима,
что ты мне на вид — сама юность,
среди шума, среди мглистого дыма
как весна мне, как яркая лунность,
но — в ушедшем, но — в прошлом...
Любима...

2003

* * *

Иду непокорённый,
достоинство храня.
Светло и озарённо
глядишь ты на меня.

Храни ты мягкость речи,
но делай твёрже шаг.
Твоё простосердечье —
богатство чуваша.

Я знаю — жизни жёрнов
всё давит, трёт тебя.
Одолевай упорно,
шёл веселей чтоб я.

Но, так идя по свету,
ты, как и я, сгоришь.
И, всё-таки, чем эту
ты землю одаришь?

Доверчиво, открыто
что скажешь мне, споёшь?
И впредь смелей твори ты
заветное своё.

Чтоб созданное другом,
как в песне, каждый звук
с необходимым звуком
живя, запело вдруг.

Чтоб было как корона,
как свет, как волшебство
душе непокорённой
созвучий торжество!

Твердит мне мыслей стая:
не доверяй властям —
вот истина простая,
что не даётся вам.

И лжи не покоряйся!
Пусть дни идут, года,
перед народом — кайся,
пред властью — никогда...

2003

* * *

Я был как соловей в саду.
Я пел. И близкий друг меня
послал из сада в ад, в аду
чтоб пел, забыв сиянье дня.

Я пел, сиянье дня забыв...
Но помня мой весенний сад,
и т а м как соловей я был —
в сад вешний превратил свой ад.

2003

* * *

Себя — подобного лучу,
себя, в подземный мир сойдя,
увидеть я себя хочу!
Потом, потом, а не сейчас.

К себе, к себе лишь я стремлюсь.
К другим стремленья больше нет.
Я верю, что не обманусь,
что буду для людей как свет.

Жить, умереть — не всё ль равно!
Как луч сияю я, скользя.
И мы с природою — одно,
нас разделить никак нельзя.

Приду — услышат песнь мою:
как в жизни, громко запою.
Духовно жажду уголю.
Сияньем души опалю...

2003

* * *

Светятся в небе села родниковые звёзды,
тонкорунный клубится туман над водой.
Тихо костёр светит дальний сквозь воздух
холодеющий, плотный... Спешу я домой.

Солнышко село, кругом всё слилось воедино.
Не различишь — где ветла, где мостки, где река.
Где-то запел соловей, и раскат соловьиный
ясно слышался издалека.

Сон исчезает... Над белою пеною клавиш
будто парят две руки, пробуждая меня.
Радуя... Мучая... О, соловей, кого славишь?
Полон раскат и мечты, и надежд, и огня.

Зорко во тьму я смотрю — очарованный путник, —
будто увижу кого-то, увижу вот-вот.
Некто весёлый, безропотный — рядом он будто,
только мне темень увидеть его не даёт.

Светятся в небе села родниковые звёзды,
где-то горит и моя именная звезда.
Небо! Земля! Как прекрасно всё, тихо и просто!
Просто и тихо. Спокойно. От века, всегда...

2003

* * *

Я, чтоб не чувствовать чужим
себя среди земли родной,
чтобы возвыситься душой
для новых дел, чтоб звучно жить,
ищу, ищу уединенья
в аллее клёнов, вязов, лип,
внимая листьев песнопенью:
вверху — звезда, в душе — волнение,
вокруг луны — неяркий нимб,
в душе — любовь и вдохновение.

2003

* * *

В глаза мне время весело глядело.
Я грезил, думал: сбудутся мечты
все-все. Гудел огонь души и тела.
Я слышал шелест крыл и высоты.

Я с детства полюбил простор, свободу.
И был я в их сияющем плену.
Испытывал вниманье и заботу
я как бы... Жизнь свою я не кляню.

Незамутнённый образ, образ милый
мерещился мне всюду и везде:
в сирени, что под солнцем притомилась,
в летящем белом лебеде, в воде.

В душе бурлила буйная свобода!
Желал я жить и яростно творить!
Но юный мой порыв друзья народа
решили грубо приостановить.

О как они сурово поглядели
в мои глаза — сквозь злобы серый дым.
И сразу стих огонь души и тела
под этим взглядом мертвенным, немым...

2003

* * *

Затмится взгляд, замкнётся слух —
угасну плотью я.
И не угаснет лишь мой дух
за гранью бытия.

Наверно, в ад не попаду,
духовный свет храня.
Что делать мне, друзья, в аду?
И ад — что за фигня?

Я буду лучше тихо спать,
земную жизнь забыв.
Зовите — буду я молчать.
Напрасен ваш призыв.

Земля была хоть и родной,
безрадостной была.
Пусть всё ж шумит над головой
чувакская ветла.

Почувствую себя в саду
весной в сиянье дня.
Заройте, коли упаду,
надёжно вы меня.

Но пусть звенящий небосвод
запомнит голос мой,
мне сверху в радость дождь свой льёт —
живой кропит водой...

2003

* * *

День метельной непогоды!
День сомнительных надежд!
Позади — вся жизнь, все годы.
Впереди их нет. А где ж?

Из окошка — вид убогий.
Над полями — воздух сед.
К ночи клонятся глубокой
белый день и белый свет.

Где ты, девушек смешливых
стаяка? Где весёлый снег?
Где рассыпчатый, счастливый,
звонкий, белозубый смех?

В юные вернись ты годы,
в молодые те края,
день метельной непогоды!
Возродись, мечта моя!

Глянет дева — жарко, гулко
сразу всколыхнётся грудь,
сразу вдаль от переулка
свет проляжет — жизни путь...

2003

* * *

Тень тревоги и страх случайный
пролетают — как и дни, года.
Я спокоен и — чрезвычайно.
Почему? Зачем? Не угадать.

Не улыбкой и не духами,
не умильно голоском звеня,
входишь ты молодым дыханьем,
тихо-тихо входишь в меня.

Пусть согласие наше неровно.
Может, я становлюсь староват?
На меня как посмотришь — словно
вешней ночи дохнёт аромат.

Это — правда. И тем чудесней
пахнет воздух и сводит с ума.
Ты мне кажешься светлой песней.
Ты и песня, и жизнь сама.

И помилуй ты, и утешь ты:
эта жизнь у нас — на двоих.
Ненадёжная надежда —
в молчаливых глазах твоих...

2003

* * *

Жил сам в себе, не напоказ.
И кто ж спасал меня и спас?
Наверно, бог? Мечта? Надежда?
Любовь, наверно? Дух мятежный,
что и поныне не погас?

На свет роптать причины нет.
Пусть вьюга мой завьюжит след.
Мне утешением послужит
вой голосов метели жуткой —
в полночный час мятежный снег.

До самой крышки гробовой
без бури не прожить, друг мой,
как не прожить нам друг без друга,
когда в душе такая вьюга,
что дух мятежный рвётся в бой.

В тоске, в надеждах и снегах
вздыхать о бывших временах
под бесноватый вой метели
мы разве, друг мой, не хотели,
забыв и благодность, и страх?!

2003

* * *

Здесь временен, невечен
любой из нас, мудрец.
Я мечен и ты мечен,
здесь каждому конец.

Тогда зачем и жить-то,
коль всё равно умрём?
Жить — черпать воду ситом,
а, может, — решетом?

Коль жизнь идёт к закату,
что нищ ты, что богат,
походишь на собаку,
что гонят на закат.

Я тоже как собака
пред вечностью в ночи.
В глазах — лучи заката,
последние лучи.

Не любо жить, не любо!
Другого не дано.
Серебряные трубы
поют уже давно.

Неужто прожил много,
неужто срок — уйти?
В закат идёт дорога.
Мрак ночи — впереди.

Я не богач, я нищий.
И не мудрец. О нет!
Мудрец, а кто ж не ищет
ни славы, ни монет?

Кому, как сыну неба,
излишки не нужны,
нужна лишь корка хлеба
без золотой мошны?

Мы в мир пришли на время,
оно почти прошло.
Ты в почву бросил семя,
оно давно взошло.

Ни радостям, ни бедам
не закрывал свой дом.
... Путь господен неведом,
не говори о том.

2003

* * *

Налево и направо ни за грош
разбрасывали время мы — бывало.
Стал я скупой, всё кажется мне мало:
но разве время в вечность унесёшь?

Раздаривал его и обнищал.
И опустил усталые я плечи.
И на пустом и тёмном фоне вечера
кому-то крикнул: «Ухожу. Прощай!».

Но не ушёл, раздаривал свой день.
Раздаривал как на безделки — гений.
Отчалил мёртвый груз моих мгновений,
чтоб кануть в Лету в мертвенной воде.

Мне вечность-скаредница скупю слух
отмерила, дыхание и зреньё
и осязанье, чтоб не чуял зелень
тоски увядших чувств, был слеп и глух.

Боюсь, боюсь! Ах, капли б не разлить!
Бегу я по закатам, по рассветам.
Нисколько не жалею я об этом,
что скуп: хочу чуть дольше, больше жить...

2003

* * *

В каких ты снах ни витаешь,
мерцают не только звёзды.
Сквозь сладостный свет различаешь
беды неминуемой весть ты.

И весть трагедии близкой
пугает и убивает.
Паришь высоко иль низко,
легко не бывает.

Мне помнится, умирал я
от горя, что друг мой умер.
И умер он очень рано,
был добрый мальчишка, умный.

И страшными ночами,
жалея, сны дичали.
И чувства мои кричали
пронзительно и печально...

2003

* * *

Не говори ты мне «прощай»
и не вини меня, прощаясь,
ведь я, обидев невзначай,
люблю тебя, в тебе нуждаюсь.

Немало у земли даров,
ты — дар случайный, дар бесценный
как жизнь... Тобой я жив-здоров,
тобой я счастлив — друг твой верный.

Не понимаешь, стало быть,
имея странную природу,
что можешь так любовь убить —
умрёт и не воскреснет роду.

Смогла обнять и не обнять.
Где научилась ты лукавить?
Смогла понять и не понять,
и вознести, и обесславить.

И говоришь теперь «прощай».
Такою я тебя не видел.
Тебя обидев невзначай,
себя я навсегда обидел...

2003

* * *

Сказал «забудь». И «позабудь»
сказал тебе, нашёл я смелость.
А ты б могла ещё раздуть
огонь, чтоб память отогрелась.

Но не раздула. Как зола
костра, остыла ближе к полдню.
Не просто я не помню зла,
но и добра уже не помню.

Живу печально среди тревог.
О горе горькое — разлука!
«Чужой», «неласковый» — не мог
любить тебя, любил «от скуки».

Добра и зла я не боюсь,
и не боюсь противоречий.
Пусть плачу я и я смеюсь
над тем, что человек не вечен,

над тем, что холодно вдали
от непонятной мне подруги —
один на полюсе любви,
один на полюсе разлуки.

Непонятым быть нелегко.
Знобит чуть-чуть... И слёзы льются...
Я от тебя так далеко,
так далеко, что не вернуться...

2003

* * *

Не дожил до покоя —
не отбродит в крови
колдовское, хмельное
зелье горькой любви.

Ах, душевные раны
как болят, боже мой!
И уходят туманы
будто на водопой.

На звериных на тропах —
утром солнечный блик
да тяжёлый да топот.
По ночам — плач и крик.

Иногда — редкий случай —
вдруг услышишь — поют.
Раны ноют — замучат.
Раны кровь мою пьют.

По ночам — кисть созвездий.
Пусть умру скоро, пусть, —
лебединою песней,
уходя, отзовусь...

2003

* * *

О эти снега! Всё — снега
недоброе льдистого взгляда.
Ничто не подружит, пока
во мне не увидишь ты брата.

Трясёт лихоманный озноб,
а бред — как небесная кара.
И снежный проклятый сугроб —
он тянет смертельным угаром.

Убежище дай и ночлег!
Убежища нет, нет покоя.
Обид, самолюбий есть снег.
Я знаю, что это такое.

Рассветы хоть и не красны,
нет щели меж мраком и светом,
приснятся мне вещие сны,
но сам не узнаю об этом.

Я мёртв. Не поднять мёртвых век.
Уста мои окаменели.
Белее, чем выпавший снег,
кровь кажется в каменном теле.

И в сердце, свернувшись змеёй,
вражда залегла вековая.
И между тобою и мной
нет связи, есть спесь роковая.

Не в силах душа превозмочь,
стряхнуть с себя оледененье.
Всё — ночь, только чёрная ночь
и снег без конца, сновиденья...

2003

* * *

Не знаю — много ли ещё пройду,
но знаю — на тропе моей земной
и друга встречу, и любовь найду.
И муза будет как сестра со мной.

Земля моя! А кто того не хочет?
Полна душа и света, и огня.
Хочу сравниться я с землёю в мощи.
Пойми меня и не ругай меня.

Душа, душа... Бездонна и безмерна.
Пред ней, земля, почтенна мощь твоя.
В глуби моей души неимоверной
мечта заветная живёт, таясь.

Но, покидая твои реки, рощи,
светись, скажу, просторами маня,
не смог я равным быть с тобою в мощи.
Прости меня, не осуждай меня...

2003

* * *

Всё, что было, ушло, запропало.
Всё, что есть, тихо сводит с ума.
И жизнь кажется мне — вся! — опалой.
И тюрьма она, жизнь, и сума.

Стали вновь запрещать слово правды.
Горек стал хлеб насущный наш вновь.
Власть любая поэту не рада,
а у этой как смерть — нелюбовь.

Голодом душит нас, непризнаньем.
Ни копейки за труд не даёт.
Без поэзии власть и без знаний
тщится двигать Россию вперёд.

Наш эмир и того хуже, странный,
фейерверки он любит, ловкач.
Круг идей у него иностранный,
хоть и не иудей, а чуваш.

И, великий поэт, я, чтоб выжить,
собираю бутылки всю ночь
от знакомых тайком и всё выше
поднимаюсь душой, слава мощь...

2003

ЗАКАТ

Не жди новостей от заката:
на зов не откликнется твой
прохладой весеннего сада
и чувством, что ты молодой.

Не зря несчастливые души
все знают, что радостей нет
ни в нынешнем дне, ни в минувшем,
пропавшем как розовый цвет.

Не будет цветения гуще,
любви — соловьиной и злей.
Закат не поёт о грядущем,
забыл о печали своей...

2003

* * *

Всё глуше жизнь, темней...
Пред вами я, друг мой,
из света и теней
возникну как живой.

Что жизнь и что желанья?
Что слава предо мной?
Не слава, а бесславье
удобнее порой.

Вам скажет взгляд поэта:
поэтовы глаза
приятны жарким светом,
и в них всегда — гроза.

Весёлый и красивый —
поэт вам всем знаком.
Я с вами — светлый, сильный, —
над вами, высоко.

Сурово жизнь моя
идёт здесь без меня.
И вроде умер я,
а жив вот... Как понять?

И понимать не надо!
Для духа смерти нет.
Я — дух. Я — как награда,
из света и теней...

2003

* * *

А был ли долго я в пути?
Недолго. Так вы не бывайте.
Всё позади, а впереди
играют Гайдна и Вивальди.

Я вспомнил, вспомнилось потом:
был — долго, чуялось — недолго.
Играли там, в пути крутом,
не Гайдна и Вивальди только.

Звучал Бетховен, Бах и Григ.
Чайковского играли, Листа.
Сквозь пытки доносился крик.
Жизнь сумрачна была и мглиста.

Теперь же, временно, пока,
всё это не звучит о с т р о ж н о .
Твердит напев издалика,
что невозможное — возможно.

И — открываем в сад окно,
где свет закатный чуть алеет.
И пьём мы белое вино,
поём и пьём и не пьянеем...

2003

МОЕЙ СУДЬБЕ

Пока достиг по воле рока
конца пути, о сколько раз
встречаться мне пришлось с упрёком
твоих суровых, зорких глаз!

Ты упрекала, ты смотрела
своими чистыми — в мои,
забегавшие угорело,
смотрела, полная любви.

Но где, когда, решив угробить,
как буря, как девятый вал,
твоя нечаянная строгость
меня сразила наповал?

Молчишь... Как будто это тайна.
Судьба... При имени твоём
душа моя грустит печально
и плачет... Горе, беды — в нём...

2003

* * *

Прощай, прощай! И пой со мною, пой!
Ты, как и я, не знал в судьбе покоя.
Неслись ветра судьбины плача, воя,
и бушевали как! Держись, друг мой.

В просторе жизни мысль меня насквозь
пронзала жгуче: на просторе этом
хотел сверкнуть я, друг, слепящим светом.
Хотел. Не смог. Не смог я. Не сбылось...

2003

РУССКИЙ ЯЗЫК

До того, как в райцентр пришёл,
с русской речью я не был знаком.
Мне пятнадцатый год уже шёл,
как схлестнулся с чужим языком.

Вскорости овладел им вполне...
На извилины весело, лихо
он ложился — и я, хоть и тихо,
на лирической мчался волне.

Мчась, в пути осмелел — как пострел
полетел я, мужая в пути.
И в конце тут так заматерел,
позабыв, что мне скоро уйти.

Пред уходом не радостен дух.
Пред уходом с извилины слог
неродной испаряется, друг,
засыхает, почти уж засох.

Что ж... Орудовал ловко вполне.
Может быть, даже — весело, лихо.
Что ж, пора... Отойдём... И смиренно, и тихо...
на лирической — всё же — волне!

2004

* * *

Жду — окажет погода мне милость
на закате дождливого дня.
И, действительно, как удивилось,
чуть взглянув из-за туч на меня,
солнышко! А я крался вдоль улиц,
торопясь, задевая других,
чтоб и милая оглянулась —
мимо нужных и дорогих.
Знаю, знаю, мне некуда деться,
отшумели годы вдали.
Ах, не пей ты пчелой моё сердце,
милая, оглянись, утоли...

2004

* * *

Ах, вновь бы мне — в детство, вот это да!
И — в угол бы свой, потаённый,
то вслушивался бы я тогда
в ночные приятные звоны.

Сидел бы тихо — ведь жить мне и жить.
И мысли мои нетревожны.
Сидел бы я долго, глаза смежив,
а тени вокруг — осторожны.

А звуки, я чую, летят на свет,
несёт их ветер и обвевает.
За лесом ходит уже рассвет,
а времечко не убывает.

Вот так бы рос я и рос,
о плечи бы стучались звёзды.
Ни гроз никаких и никаких угроз, —
лишь звуки и свежий воздух.

А в выси, отделившись, душа парит,
ничто её пока не тронет.
Звезда со звездой обо мне говорит,
не падает, в реке не тонет...

2004

У РУЧЬЯ...

С судьбою у меня плохие отношенья,
мне даже руку некому подать.
Не удалось с далёкого рожденья
мне лик судьбы сквозь сумрак угадать.

Сижу ли я спокойно-просветлённый
на пне убогом — сам убогий пень —
у светлого ручья, и лист кленовый
к воде слетает как пустая тень,

иль сам себе кажусь застывшим звуком
в прохладном горле синего ключа,
я не живу — неужто пал я духом? —
я тлею, схоронясь под сень луча.

Что — луч? Что — звук? Какие очертанья
для сердца воскрешают иль таят?
В тиши слышны как будто бы летанья,
а чьи — не угадать и не понять.

Уж не пора ль вернуться мне под крышу?
Случился, видно, где-то сдвиг большой:
все эти вздохи крыл воздушных слышу,
но сам давным-давно бескрыл душой...

2004

ВСТРЕЧА НА ЛЕБЯЖЬЕМ

Чтоб не жить средь недобрых людей,
мы — на озере: я и Талвир —
на Лебязьем, где нет лебедей,
есть зато соловьи, чудный мир.

Где нас встретил лёгкий, как лист,
мальчик-старец — Туфан-ага.
Он сказал: «Смастерил... удались...
семь скворечников... хватит пока...»

И ещё он сказал: «Расцвели фиалки...»
На столе — чёрный хлеб, лук и соль.
Для богатых душой мудрецов, однако, —
лучшая в мире еда... средь лесов.

Слушали песни — поэт напевал:
«Сандугач», «Аллюки» да «Сарман».
Ах, как я и Талвир, не все зная слова,
пели вместе «Кара урман...»

Где теперь эти дни? Как мы все далеки...
Давности застилает туман
нас и песню печальную «Аллюки»,
и задумчивую — «Кара урман».

2004

ХАСАН ТУФАН

Сосед мой по аулу... Был
он чутким, благодным при этом.
Хасан Туфан меня любил
как земляка и как поэта.

На языке небесном петь
умел он, с вечностью брататься.
И перед ним — бессильна смерть,
убить его сколь ни пытайся.

Ни тюрьмы и ни лагеря,
и ни замалчивания века
не смерть ему — старались зря:
он жив. Как богочеловек он!

Поэзии его — хвала! —
зовя к себе, ведёт как в Мекку.
Прости, что не тебя, аллах,
хвалю, а друга, человека.

И я его стихи пою
за доброту, за человечность.
Уйду, наверно, следом в вечность,
чтоб жить там вместе с ним в раю...

2004

СЮЮМБИКЕ

Легенды кружат ваши головы...
Легенды нахально история грабит,
нахально налёт голубой очищает,
твердя чётко и прямо: «Дурни, что ли вы,
что верите: с яруса кинулась храбро —
она, полонённая, в Москве скучает...»

Не нравятся нам бредни ваши,
до них нам нету никакого дела:
её не увезли московские лошади,
не бросилась она с яруса башни,
а лебедью белую улетела,
чтоб жить в веках свободной, не заложницей.

2004

НАД АКСУ...

Над Казанью солнце светит.

Равиль Файзуллин

Над Казанью светит месяц,
над Аксу грустит луна.
Стал я стар, и это бесит
вечноюного — меня.

Я ропщу? Я дурью маюсь?
Кто меня не узнавал?
Резковат, на крик срываюсь?
Я и падал, и вставал.

Слушал совесть не вполуха,
голос совести моей!
Ощущаю твёрдость духа
и богатство — всё сильней.

Значит, я не старый вовсе.
Мысль пусть будет всем ясна:
старость — не зима, не осень,
вечноюная весна!

И вот мне такая старость
для чего и кем дана?
... Над Казанью — солнца ярость.
Над Аксу — горит луна.

2004

КТО ЧТО СКАЗАЛ...

Я не был воробьём среди пернатых,
был соловьём, был розой среди роз.
Пугать татарами меня не надо,
среди них родился, вместе с ними рос.

Хайдар сказал мне: «Ты, чуваш, предатель».
Туфан сказал, я помню: «Друг, сынок».
Хасан Туфан — счастливый обладатель
души великой и волшебных снов.

Хайдар — ничтожество, псевдотатарин,
не знаю, чем в Казани знаменит.
Фаиз сказал: «Писака он... без дара...»
Равиль сказал: «Себя поэтом мнит».

В Казани я немало кушал каши,
бог даст, и дальше кушать буду рад.
Шайми сказал: «Чуваши — братья наши»,
да и он сам, Минтимер, нам — как брат...

2004

МЕЧЕТЬ

Одна была и одинока
мечеть ажурная тогда
в Казани и лицом к востоку
стояла. Месяц и звезда
шептали ей издалека:
«Как хороша ты и легка».

Одна была и одинока.
Теперь их много. Хороши.
И все стоят лицом к востоку
для добрых помыслов души.
Услышь нас в небе, о, аллах,
услышь, где месяц — в облаках...

2004

ДЭРДМЕНД

Превыше золота ль ты, фу ты,
Поэзия? Что за шайтан?
И что есть истина? Что — смута?
Ответь же, не молчи, коран.

Пусть — день, весна, но в сердце — ночь.
Прииск мой, дервишу — лишь хлам ты.
Смогу ль себя я превозмочь?
Смогу иль не смогу, но — надо.

Крупица золота иль слова
дороже станет сердцу впредь?
Какие тяжкие оковы
нести придётся, перенести!

Поэзия есть жизнь, дар неба,
не золото на чёрный день.
Ах, не богатства мира мне бы,
а скорби мира бы хоть тень.

Скорбь мировая всюду бродит,
как много же теперь её!
В любом краю, в любом народе
чадит дыхание своё.

Как дервиш, в плохонькой одежде,
как самый тихий и простой,
о погибающей надежде
споют пусть вздох мой и мой стон...

2004

* * *

Как сильно ряды поредели!
Как дрогнуло наше сообщество...
Но надо ли оживлять тени
и прекращать одиночество?

Родные могилы... Я слышу
над вами безрадостный реквием:
то — клин журавлей ли курлычет
иль память внимания требует.

О, солнышко, солнышко памяти!
Свети ты для мёртвых, свети ты
и тем оживи их, пусть явятся —
речистые и все чистые.

Пусть плачут и пусть смеются...
Хоть вниз только идут ступени
к развёрстой бездне и прервутся,
всё ж надо, надо оживлять тени...

2004

КАЗАНЬ

Чуть прикрою глаза, предо мною — Казань.
И на месте мне не усидеть.
Что Казань для меня? Alma mater — Казань:
юный пыл и университет.
Я поеду в Казань словно в юность свою,
встречу девушку Лалу, любовь.
Лале новые песни свои тут спою,
в них я выражу грусть мою, боль.

Я заплачу, увидев её — алтынчеч*.
Буду милую я обнимать, целовать.
Поведу о любви с нею тихую речь,
но слова будут знойны, слова...
И поверит мне девушка вновь.
И, подумав, я вновь усомнюсь
в её верности... Прочь ты, любовь!
Водворитесь в меня, боль и грусть!

... С этой болью прожил жизнь свою.
С этой грустью я уж никогда
не поеду в Казань, не спою
новых песен о юных годах,
потому что уж много мне лет,
и мне нечего больше сказать;
потому что и Лалы той... нет,
и Казань без неё — не Казань.

2004

---

* *Алтынчеч* — золотоволосая (татарск.).

* * *

Тишь. И зыбкий мерещится свет.
И тоска, от которой не скрыться.
Слышу шёпот и тайный завет.
Тишь. И листья шуршат, как крысы.

Жизнь моя — непосильный сон
на краю катастроф и тумана.
А глаза — фиолетовый стон,
и, конечно, глядят ненормально.

И, как плети, висят крыла.
И я загнан в рубаху смиренья.
Раскалённое добела,
скорбно тлеет в ночи озаренье.

Ведь и души теперь — как гробы.
И сидим мы везде — как у гроба.
Чьи мы — бога или чёрта — рабы?
И какого порядка уроды?

2004

ПЛАЧ ПО ЗЕЛИМХАНУ

Убили. Жить не дали... Спи, поэт...
Ты был отличным другом, человеком.
За правду ты погиб, сражаясь с веком:
тому, кто за народ, пощады нет.

Ты, сын гармонии, хотел воспеть
родную землю и её свободу,
дав независимую жизнь народу,
хотел... чуть смог, чуть-чуть... и принял смерть.

Враги ликуют, поднимают вой,
клеветают, лгут и нагло обзывают,
но, мёртвого позоря, забывают,
что жив вайнах ещё, он рвётся в бой!

Как ты сказал, есть истина одна,
хоть, может, правды в мире сём и нету:
всех призовет Всевышний нас к ответу,
и твой ответ — свободная страна.

Я, друг твой и потомственный тархан,
твой подвиг и твой образ восславляю,
твои дела и жизнь благословляю.
Я за тебя так горд, о Зелимхан...

*13 февраля
2004 года*

ПРОЩАНИЕ С ЗЕЛИМХАНОМ

Я знаю, друг: ты смерти не боялся.
Я знаю также: презирал её.
Кто будет убивать — и это было ясно
тебе давно: друзья-враги, жульё.

Предатели-иуды... Друг, мне страшно...
Их ходит сколько и вокруг меня!
Ни на кого надеяться... Ужасно...
Шепчу о том я, душу кровеня.

Ты говорил, что всё уходит прахом.
Ты говорил о смысле бытия.
Ты встретил смерть, как должно, и без страха.
Тебе подобен в этом буду я.

И к скорби мира, к горестям тем ближе
ты был, что Правду Бога ты постиг.
Ты знал: всем сущим вера в Бога движет,
над нами — Бог, имеем шанс спастись.

Пусть царствуют и руководят ловко...
Ты — Правды подданный; тем выше тех господ.
Над всеми вечна длань Его. Неплохо.
И всем судья — один лишь Бог, Господь...

*15 февраля
2004 года*

СЕНИЭЛЬ-ХАН

Я отныне — Сениэль-Хан.
С именем твоим я созвучен,
незабвенный мой Зелимхан, —
с именем твоим певучим.

Светлой памяти Зелимхана,
светлой памяти поэта —
этот мой взгляд на «хана».
Дух мой плачет об этом.

Спи же... я тебя не предал,
нет, не предаю вовеки.
Песнь моя — о друге редком.
Жизнь моя — клятве проверка.

Как я судьбе благодарен!
Богом мне случай был дан
слиться с тобой, с божьим даром,
брат мой родной, Зелимхан...

*15 февраля
2004 года*

УБИЙЦЕ МОЕГО ДРУГА

Шпион ты бывший или ты урка,
за сколько же трон свой купил?
Убив моего лучшего друга,
ты всё равно что меня убил.

Я проклял тебя, моё проклятье
на весь твой собачий род
до сотни колен и дальше —
на тысячи лет вперед.

Поверил я в слово ислама,
а в ваше давно не верю я.
Пока слово божие с нами,
господь не покинет наши края.

А с богом мы всех одолеем —
и явных, и скрытых наших врагов.
Мы стали мудрее, твёрже, не злее,
то значит: победа — ведь с нами Бог...

*15 февраля
2004 года*

* * *

Зазря ль прожил я много лет
под полною иль узкою луной?
Узнал: нет счастья на земле,
хоть бейся ты о камни головой.

Не литься месяцу светлей,
о камни головой не биться мне.
Не будет счастья на земле,
особенно — на нашей стороне.

И не было его за тыщу лет
под полною иль узкою луной.
Но отчего ж тогда дух на земле
парит, покинув тело, друг ты мой?

2004

* * *

Пусть ты думой земной удручён,
неземная тоска тебя гложет.
Жизнь — мгновенье. И ты обречён.
Но впадать в истерию негоже.

Как впадёшь, так считай, что пропал:
враз порвутся все светлые нити.
Лучше бы к устам милой припал —
обмануться и призрак увидеть.

Хоть и призрак, и то веселей —
без тоски неземной и печали:
друг любви — месяц льётся светлей,
освещающая равнины и дали.

Ходит ветер свежо, налегке.
И ручей не тоскует, смеётся,
день и ночь всё журча в тростнике.
Будет время: жизнь в радость совьётся.

2004

* * *

Нам мёртвое дано ли оживить?
В каком-то смысле: да. Слезой задышит
простая капля. И совьётся нить
вьюнком из камня. Дали расколышет
воспоминание. Над временем слепым
всевластным можно стать: из горстки пыли
его слепив, шутя, цветком простым,
вновь в жизнь живую превращая были.
И ново будет превращенье, ново!
Оно — той жизни вечно юный лик.
Тем хороши и жизнь моя, и слово.
И тем когда-то буду я велик...

2004

ОРДА

Шла орда, сметая всё, сжигая,
золотая, гордая орда.
И дорога падала, мотаясь
языком разорванного рта.

«Смерть. В ней истина заключена», —
думал злобно узкоглазый беркут.
Хан есть хан, душа его черна.
Даже боги перед ним померкли.

Он их презирал, они — рабы.
И поныне слух такой бытует:
будто те хотят его убить,
в горло нож загнав. Его. Батья.

Шли слепые. Хан их ослепил.
Шли поэты, тихие как тени.
Шли — считали головы в степи.
Головы валялись словно дыни...

Что мы видим в двадцать первом веке?
Видим — никаких различий нет:
те же войны, те же и набег,
иль затравлен, иль убит поэт.

2004

АЗИАТ

Что же, что ж, если я — азиат.
Я из гуннских кровей. Я гремел
до того, как случилось родиться, крылат,
на коне ветрокрылом... И сердце-кремень,
как огонь под золой, разжигало меня.
Я тогда ещё пращуром был,
загонял над степями жестоко коня,
задушив синей далью как бы.
Под золой всё не гаснет огонь —
и сейчас, вскинув морду, заржёт
в полусне ветрокрылый мой конь
и дыханьем висок обожжёт.
И за шею гнедого обнимет рука...
Не травите меня — разразится гроза,
кровь взорвётся... И издалека
зоркий взор мне вопьётся в глаза,
померещится вдруг Матерь гуннов... Её
встречу под голубою луной.
... По ночам полусон своё кружево вьёт,
тьнь Атилы встанет предо мной.

2004

ГАРАЮ РАХИМУ

«Бисмилляхи рахмани рахим», —
шепчут будто и мои уста.
Твой аллах, о Гарай Рахим,
он нисколько не лучше Христа.

Ты не бывший мой друг, ты любим,
будешь другом во веки веков.
Ты не ангел, я не херувим,
у обоих так много грехов.

И обоих теснят нас враги,
за талант и корят, и винят.
Бисмилляхи рахмани рахим...
В рай возьми ты с собой и меня.

Я, конечно, не лучше других,
как не лучше Христа твой аллах,
но обоих их я, Гарай Рахим,
признаю: им обоим — хвала...

2004

* * *

Жизнь прошла, как во сне, одиноко.
Я не добрый сегодня, не злой.
Сколько лет отаукалось? Много.
Пепелища мои простывают золой.

Лучшей женщине — тихой Чувашии
я чувашские песни пою,
но она песнь мою не уважила
и не стала вникать в жизнь мою.

Били всяко меня и без стука
в мою душу врывались не раз.
Я, терпя непосильную муку,
видел как слёзы льются из глаз.

Был подобен испуганной птице...
Это всё мне, как свет, как струя,
на последней черте пригодится,
чтобы тень не вилась, как змея...

2004

* * *

Всю зиму под метелями
провёл за печкой я, добрел.
Волк прятался под елями,
всё свирепел и грустно пел.

Шабашат и хохочут ведьмы
в лесу, где волк тот, по зиме.
Не серебром, так хоть бы медью
успеть мне в жизни дозвенеть.

Горю! Какая ярость бега
над тонкою в тиши строкой!
Давно уж за спиной — полвека.
До полного — подать рукой.

Всю зиму под метелями
добрел за печью я, горел.
Поблизости, под елями,
волк прятался и грустно пел...

2004

* * *

Без огня сию, без света,
на глазах моих слеза.
Будто песня моя спета —
мгла. И нечего сказать.

Через мглу, земную муку
слышу души вдалеке.
Слышу голоса и звуки,
будто скорбь держу в руке.

И, душою весь изранен,
я сию в ночи один.
Кто там, кто во тьме за рамой
зорко на меня глядит?

Друг мой, друг ты запоздалый,
что глядишь, куда зовёшь?
Мгла. Бессветно в мире стало.
За стеклом — то снег, то дождь...

2004

* * *

Пока живу, стерпеться с болью
могу и буду горе гнать
в болото, и по высшей воле
любить ту боль и понимать.

Послушная своим законам,
вся кровь во мне огнём горит.
Весна стучится в подоконник,
светясь, о чувствах говорит.

Пусть боль всегда подругой будет,
подругой верной из подруг,
сойдясь со мной, пойдёт по кругу,
покуда не замкнётся круг.

Душа кричит, мутится разум.
Добру ли обернуться злом?
Вот как уйдёт, жизнь станет разом
нежизнью в нищенстве пустом.

Не дай-то бог, но боль покинет
тебя когда-то... Без неё
тогда: ты — тень. И где отныне
твоё земное бытие?!

2004

* * *

Юдолью плача жизнь назвали,
юдолью я печали назову.
Страдая, мучаясь, мы с вами
из глуби на уста выводим звук
и говорим — гортань трепещет
и горло плавится, а страсти жар
бросает в дрожь, пожара хлеще,
и бьётся, вся в крови, душа;
мы говорим, глухой враждою
жизнь называя, понося любовь;
мы говорим, что жить не стоит...
Так говорит из нас почти любой.
А на последней же черте вот с вами
другой из глуби уж выводим звук:
юдолью жизнь мы, может, и назвали,
но не тебе в упрёк, о, Господи, Исус.

2004

* * *

Не спрашивай: какая в том печаль
смотреть нам, как давнишнее кино,
картины скудной жизни, канувшие в даль,
где каждый был несчастен, одинок.

Так рос я, постигал нутром, хребтом,
что значит рабский труд, вода и хлеб.
Должны все знать — печаль какая в том.
Такая, что мы дети этих лет.

Мы шли, росли сквозь голод, холод, смерть,
свистели мимо грозные валы.
Но и сейчас я должен жить не сметь —
не защищён от бед и от хулы.

Всех нас пустили по беде пешком,
чтоб харкать кровью, согнуть молодым,
чтоб вшей ловить под мелким гребешком,
чтоб каждый стал из нас впредь золотым.

Но золотым не смог я стать, не стал.
Прости меня, давнишнее кино.
Лишь знаешь ты, какая в том печаль —
я и теперь несчастен, одинок...

2004

* * *

Вновь озабочена муза.
Вновь звуки лирные тонут
в гуле, похожем на мусор;
в шуме, где плачут и стонут.

Вновь не до лирики людям:
мрачно — на новом изгибе.
Вновь жизнь — малина лишь лютым,
честным и смиренным — погибель.

Мать ли, побитая сыном?
Иль ты жена, иль сестра ты?
Но — не звезда в небе синем.
Гонят тебя — так не рады.

Вновь притулилась к порогу,
слышишь вдали человека,
веришь: найдёт он дорогу
к лирике нового века...

2004

* * *

Нет, я свет не покину немедля,
век мой скорбный да будет продлён.
Умудрён ли я жизнью, нет ли,
ну а в жизнь вот навечно влюблён.

Никогда не ходил я в начальствах,
сам себе я начальником был.
Слова доброго слышал не часто,
может, слышал, не помню, забыл.

Сколько помню, усердно трудился
не за страх, а на совесть всегда.
Не любил средь начальства крутиться,
мне противна вся эта среда.

Я трудом капиталов не нажил.
Не умею ловчить, воровать.
Не умели — родители наши:
ни отец не умел и ни мать.

Я пред ними и чист, и свободен
от духовной беды, видит Бог.
И сгорел я в труде, на работе,
а горел сколько мог и как мог...

2004

ПАТРИАРХ

Вымирали мы якобы,
не спасала страна.
Хорошо, что был Яковлев,
без него б нам — хана.

Просветил нас, дал разум,
поддержал патриарх.
Мы не сразу, не разом
поднялись — риск был, страх.

К русской вере прибились,
чуть смягчился русак.
Бились так мы и бились,
попадали впросак.

Ведь смягчился недаром
шовинист в те года:
уходили в татары
мы, чувашаи, тогда.

Спесь татар приумножить
мог от русских уход.
Это очень тревожит
даже ныне господ.

Нам готовят усердно
на Москве чёрный час:
тогда не обрусели,
обрусеем сейчас.

Все манкуртами будем.
Будет пусто в душе.
Патриарха забудем
и не вспомним уже.

На распутье мы снова:
нас уводит страна.
Где ж ты, Яковлев Новый,
без тебя нам — хана?...

2005

ПУСТОТА

Давно не видел я мучений
такой ужасной пустоты.
В ней нет ни звуков, ни свечений,
ни глубины, ни высоты.

Нет ни приливов, ни течений...
И даже нету суеты.
Нет муз, поэзии священной
во мгле душевной пустоты.

Есть от потери горизонта,
от смерти чувств есть пустота,
но эта мучает грозово,
на смерть похожа, как всегда.

Не чую внутреннего пульса
биения — пакостно в душе.
И пакостно, и пусто-пусто...
Не мёртв? Живу ль я вообще?

2005

ПРИЗРАКИ

Призраки, как и все мы, уходят во мглу.
С ними тут я — один, в одиночестве.
И порою, в ночи, выть мне хочется,
я кричу: эй, вы где, больше я не могу?!

Может, это стенает души нагота?
А нагой неуютно тем более —
беззащитна нагая от боли,
не привыкнуть ей к боли такой никогда.

Кто избавит, о боже, кто не оскорбит?
Будет оберегать, не ударит?
Тишина. И я ей благодарен.
Лишь она, лишь она нас спасёт от обид.

Одиночество дарит душе тишину.
Пытка это нагой, пытка, — чую.
«Мне не больно!» — под пыткой кричу я.
Раз — не больно, то — больно... Не умер, живу.

2005

ДРУЗЬЯ НАРОДА

Без угрызений совести, невроза
друзья народа в старости бредут...
Антисоветчик — это враг народа.
Я был им в семьдесят восьмом году.

Друзья сии как раз и объявили
в угоду верхним липовым друзьям
по их приказу, злобно заявили,
что я — не я, что враг, прощать нельзя.

Не помню точно, кажется, в июле,
кричали на меня: «Ты подл, ты лжив!».
А уберёг поэта, видно, Пюлех,
чувашицкий бог судьбы — не мёртв я, жив.

Лет через десять ли, перебежали
к противникам соввласти, все, подряд.
Их было больше двадцати, пожалуй, —
предателей идеи. Злой отряд.

Друзья народа... Мерзкая порода...
Кого угодно вечно продадут
без угрызений совести, уроды, —
без бога в сердце к господам бредут.

2005

КАЗАНБАЙ

Говорят: Казанбай... Ну и что ж тут такого?
Подражатель. Завистник. Хитрец. Славолюб.
Молодой — им я был много раз атакован, —
выстоял. И за то сам себя я хвалю.

Потускнел его лоб. И кудрявость былая.
Рано он опустел. Был он весь уж пустой.
У него и поэзия вся «лобовая».
Всё не ново — и ритмы, и образный строй.

Многое у него до того всё банально:
просто диву даёшься — как можно? Нельзя!
Не умел мыслить образно, оригинально,
и лукаво мудрил, плесень в души внося.

Говорил, что он любит народ и державу,
любит Сталина, мир, социализм, коммунизм.
Я не верю... Любил лишь себя величаво,
лишь себя он считал новизной из новизн.

Лишь себя он считал в прямом смысле талантом...
Есть талант да не в том, не в поэзии, нет-с!
Каждую в теле клетку, всю кровь, каждый атом
обожаньем к себе пропитал он — стервец!

2005

МИЛЛИ

Простите, Милли Алексей Прокопъич,
пред вами я в долгу не по моей вине.
О скорбной вашей доле в этот год лишь
смогли узнать мы чуть, а раньше — нет.

Почти сто лет в запрете ваше имя.
Вы, истинный народа сын, как враг,
как враг народа, враг непримиримый,
считаетесь, а клеветник — всё прав.

По-ихнему, всё национал-фашист вы
лишь только потому, что на заре
эпохи большевистской страстно, живо
взялись за чувашей и биться, и гореть.

Родной народ! Душа болит и ноет.
Ведь тыщи лет стереть его хотят
с лица земли... Он от шумеров, Ноя
идёт из глуби мрака как бы в ад.

Вы заступились, а в ответ — проклятье.
Чуваши же и сдали вас как сор.
Собой пожертвовав, вы за закланье
за ваше получили смех, позор.

И — полное забвенье... В этот год лишь
немного дали знать нам, как аванс.
Простите, милый, Алексей Прокопъич,
простите, что не знали вас, про вас...

2005

ТРОЕ

Трое их было в нашем сообществе,
может, не знаешь ты, знай:
в боли прожили жизнь, в одиночестве, —
Юрьев, Митта и Рзай.

На беду, были слишком талантливы.
И завистливая мошकारа
стала их неосторожность подлавливать —
доносить чтоб и покарать.

Первым объявлен врагом, придавлен
Юрьев — махровый националист.
Рзай — кулацкий звонарь и так далее.
А Митта — и троцкист, и фашист.

Не давая творить, держа под прицелом,
душу хотели убить.
Коли ты без души, в общем и целом, —
можешь ещё пожить.

Коли — с душой и не бросил, а пишешь,
марш! — в одиночку, в тюрьму!
Трудно представить — как смогли они выжить?
Непостижимо уму.

Двое известны теперь, любимы.
Юрьев всё так же «забыт».
Странно это, и странно и нетерпимо:
мёртвый, он дважды убит...

2005

* * *

Превратен у тебя, о дорогой мой, путь.
Коммунистические проститутки —
хамелеоны, превратясь в полититутки,
играясь в демократию, хоть как-нибудь
хотели бы поэзию твою ругнуть
иль запихнуть куда-нибудь подальше,
иль запретить, иль уничтожить даже.

Поэта вне народа и эпохи нет.
Уж коли он от них свободен — не поэт.
Как должен и о чём писать — не спрашивай.
Подскажет в поэтическом бесстрашии
твой голос внутренний — и ты в ответ,
горя, захочешь, словно подвига,
не слова ложного, а слова подлинного.

Превратен у тебя, но красен путь.
Как совесть — до конца ты будь с народом,
не подчиняясь никаким круговоротам,
его душой и голосом ты будь.
А то, что жизнь — цепь катастроф и бурь,
душе мятежной — радость и удача.
И только так, лишь так, а не иначе...

2005

* * *

Ужасно это: нету Родины —
ни малой нету, ни большой.
К чему стремясь, так много пройдено?
К чему стремились мы душой?

К чему пришли? Пришли к развалу.
А кто пришёл сюда извне,
страну насквозь уворовали.
Не стало Родины в стране.

Отняли Родину. Нет Родины —
ни малой нету, ни большой.
Россия — чужеземцев вотчина.
А мы — изгой. Боже мой!

А мы — в могилу кандидаты
безвременно и наяву.
Вот почему я — псих поддатый —
в последний будто день живу...

2005

* * *

У нас в России нынче — беспредел.
Когда ему конец? Спроси у тех,
кто взорван, кто застрелян, кто — в могиле.
То раньше было — есть всему предел.
Теперь же беспредел есть наш удел.
Предотвратить его мы не смогли вот.

И что тут ухмыляться, чуть дрожа?
Где у тебя — где совесть, где душа?
В России беспределу так просторно,
что у него всё тверже, шире шаг.
Никто его не может удержать.
О, как отвратно это и позорно...

2005

* * *

Ивану Егорову

Позабудут тебя? Так нас всех позабудут.
Сил всё меньше? Так все мы давно уж без сил.
Отдохни, прояви о себе ты заботу,
сбрось вериги, которые столько носил.

Успокойся. Грустить, горевать тебе рано,
есть ещё у нас время — поджечь и успеть.
Это только усталость, а не умиранье,
и, тем более, подлинно не сама смерть.

Тихо-тихо вокруг... Ты не стал полоумным.
Ты не веришь в любовь. Ты привык к чудесам.
Мир прекрасен вокруг в освещении лунном.
Свет прекрасен, дома. И прекрасен ты сам.

Грусть прекрасна, она не последняя в жизни.
Горе — также прекрасно. Прекрасна любовь.
Всё прекрасно... но всё ж на себя положишь ты,
как выдавший виды печальник любой.

А «стишата» твои — не бумагомаранье.
Есть в них что-то, пока — не застыла рука...
Успокойся. Грустить-горевать тебе рано.
Есть ещё у нас время, а смерть далека.

2005

МОЕМУ СЕРДЦУ

«Сердце бессердечное моё!» —
так я в ранней юности всё пел.
А сегодня старость так поёт,
бессердечно относясь к тебе.

Не дают всю жизнь ни отдохнуть
и ни успокоиться... Спешат.
Рвутся все куда-то, будто кнут
хлещет их по заду — швы трещат.

Успокойся. Усмирюсь и я.
Не желаю полоумным стать,
мчась во мглу. И страсть моя сия —
бессердечна, пагубная страсть.

Не желаю, отложив спешить,
я желанья, а пережелать
уж совсем опасно — хочешь жить,
ты оставь смертельные дела...

2005

* * *

Мы, жизнь называя излишне суровою,
готовы и плакать, и тосковать.
Я понял: не надо её истолковывать,
ведь ясно же — невозможно истолковать.

Величие жизни — в её величии.
Поддельных величий жизнь не признаёт.
Твоё унижение пред жизнью — лишнее.
Бахвальство твоё — как бескрылый полёт.

Не лги никогда, будь ты выше пророчества,
и так уже ложью всех нас утомил.
Тебе изменить всё немедленно хочется,
не сразу суровый изменится мир.

Ликует душа, становясь незлобивою,
яснеет она, и способна понять,
понять и простить вас: тебя, о, любимая,
тебя, о, друг милый, предавших меня.

Жизнь необъяснима. И жизнь не бессмыслица.
Вас чувства мои удивлять не должны.
Ведь чувства цена не понизится и не повысится —
бесценна она, ведь ей нету цены...

2005

* * *

Не тороплюсь, мне некуда спешить,
к костлявой — рановато, подождёт.
Я ото всех, у всех за труд, за жизнь
полнейший получил расчёт.

Я не в долгу ни перед кем, и мне
никто не должен ровно ничего.
Хитрее становиться, поумнеть
уж поздно, будет лучше без всего.

Я есть иль нет меня — не всё ль равно?
Я — вне игры, не нужен никому:
а как был нужен-то не так давно!
Теперь всё это стало ни к чему.

Я стар. И, видимо, я устарел.
Теперь бездушье, наглость и обман —
наиважнейшие среди важных дел.
Я не бездушный. Не гожусь. Болван.

Вот потому и не спешу играть
ни в прятки с вами, ни в любовь, ни в жизнь.
Не тороплюсь обманывать и врать.
Спешите — вы. Мне — некуда спешить...

2005

* * *

Роптали тихо раньше: власть плохая.
Твердили: нет свободы никакой.
Теперь они же новую все хаот —
ругают и тоскуют о другой.

Свобода им нужна... Им всем... Какая
и для чего? Ведь власть на то и власть,
чтоб обуздать людишек, кто ругает, —
как вшей иль как червей, втоптать их в грязь.

И это хорошо — ведь не убила ж...
В грязи ты всё же сможешь уцелеть
и милость от неё, гляди, увидишь,
как вдруг начнёшь ей аллилуйю петь.

Изменится вся жизнь твоя так дивно,
что не захочешь власти ты другой,
забудешь, что любая власть противна,
не вспомнишь о свободе никакой...

2005

СИРАНО

Летала в сферах и мирах
душа моя над дольным миром.
Был Сирано де Бержерак
в дни юности моим кумиром.

Не Овод и не Кошевой,
и не Корчагин, а гасконец
сей бурный, странник и герой,
мне подавал свой странный голос.

Откуда-то — из-под земли
иль с неба — голос раздавался.
Со света сжив, на нет свели
его, а он не поддавался.

Он жил. Бессмертен дух его.
Не раз поэта убивали.
Хоть он и умер, но живой.
Он жив, он жив — мой друг бывалый!

С бывалым другом и теперь
надёжно мне... О, друг мой верный,
как благодарен я тебе!
Ты мне помог неимоверно...

2005

ТЕВЕТКЕЛЬ

Есть у нас Теветкель. Небольшого росточка.
Беспокойный и вьедливый тип.
Автор трудных стихов, чуть похожий, немножко,
на Рембо и на По, нравом — дик.

Не спастись никому, если прыгнут повыше
в стихотворстве, чем этот чужак.
Уж считай, из рядов вас он вытряхнул, вышиб:
вы — бездарны, он — гений всегда.

Казанбай и Аксай — мертвецы, а иные —
звук пустой. Поздравляем! Виват!
Только есть два таланта в поэзии ныне:
Теветкель и Егоров Иван.

Я гляжу на него с сожаленьем и с жалостью,
о стихах, о поэтах — молчок.
Как и я, мой собрат мерин сивый лишь, к счастью,
и забавный такой старичок...

2005

СОЙДИСЬ...

Мы были счастливы, сойдясь.
Была любовь, а где сейчас?
Не любим. И терпеть нет сил.
Когда и кто нас подменил?

Я не могу, я не могу!
Я на край света убегу.
Скажите, где у света край?
Не там ли расцветает рай?

А если края вовсе нет?
И здесь, и у других планет
одни лишь дали, горизонт
без райской жизни и красот?

Тогда что делать? Пропадать?
Под гнётом дуры подыхать?
Ведь не смогу же, как ни жаль,
я на край света убежать?

Зачем край света, дорогой?
Зачем бежать? Сойдись с другой.
Зачем с такою дальше жить?
Одна кукует пусть, жужжит...

2005

РЕВНОСТЬ

Какое горе и печали —
чтоб безутешно так рыдать?
И в чём клялись, о чём кричали?
В удачах — кто? Кто — без удач?

Иль это так шумливо счастье?
От счастья одурев, орут
и разрываются на части?
А может, перед ними труп?

Но для меня всё то не диво,
нейронично, несмешно,
не в первый раз происходило,
в последний раз произошло.

Ужасно как меня любила
терзать ревнивая змея.
Любила и по харе била,
но был... но это был не я.

2005

* * *

Вижу: грустен, задумчив всегда ты,
даже солнце не в радость тебе.
Солнце тоже погаснет когда-то.
Безнадёжно всё в мире, в судьбе.

Вижу также — кто в чём преуспели.
Но иной преуспеть не успел —
помешали судьбы карусели,
порождая сплошной неуспех.

Да и тот, кто успел, преуспел ли,
сомневаюсь, в итоге — всё тлен.
Эта песня моя — не капелла,
не поднимет ничтожных с колен.

И богач, и бедняк — все ничтожны
пред всемирным распадом, друг мой.
Как коту под хвост всё — это точно.
Бытие — как кошмар, сон дурной.

И обман всё, обман, всё обманно
и жестоко в пределах земных,
а для избранных — обетованно.
Я других и не знаю иных...

2005

* * *

Бедная ты моя, бедная!
Я, может, и тебя бедней.
Пассия моя последняя,
радость моя на склоне дней.

Мило с тобой погуляли,
мило с тобой разошлись.
Стали мы с тобой нулями.
Станет скоро нулём и жизнь.

Не безобразно, красиво
мы погуляли, слились.
Милая, за всё спасибо, —
мы не дрались, не спились.

Сверху свет лился мило.
Взор этот свет ловил.
Ты красоту любила.
Я красоту любил.

Ты, как луна, прекрасна
в памяти светлой моей.
Где ты в жизни ужасной,
радость моя, на склоне дней?

Полная луна в ночь летнюю
светит в душу — нет, не усну.
Как на любовь мою последнюю,
я гляжу и гляжу на луну...

2005

* * *

Я другом считал его, впрочем,
и долго считал, целый век.
Просил он меня быть хорошим,
а сам был плохой человек.

Худых, нас, поэтов патлатых,
от шлюх иногда укрывал.
Он всех ненавидел талантов,
но это умело скрывал.

От голода тоже спасал он,
давал по рублю под процент.
Бесплатно одаривал салом.
Невинный такой прецедент.

Со мной о матерьях высоких
любил сей дружок толковать.
Любил о глубинных истоках
болтать, помечтать, тосковать.

А был я как волк в поле чистом —
кругом обложили мой бег.
И друг, обзывая нацистом,
сдал вскоре меня в КГБ.

Но там, посмеявшись, сказали:
«Какой ты нацист, ты — Нарцисс, —
глазами на дверь указали, —
не враг-диссидент ты, ты — чист».

С тех пор бывший друг мой стал недруг.
В нём чёрная зависть сидит.
В нём злоба кипит, в его недрах.
Бог сверху всё видит, следит...

2005

* * *

Старость для поэта — катастрофа.
В сердце — глухо, струны не поют.
Замерла строка, застыли строфы.
Кровь последнюю сомненья пьют.

Что же так я вдруг засомневался
и в себе, и в людях, и во всём?
И давно ли мчался в вихре вальса,
говорил, что жизнь есть чудный сон?

Нет, недавно — там, за горизонтом
догорают золотые дни.
Я гляжу вослед им идиотом,
вижу беды, горести одни.

Жизнь идёт, сомненья нарастают,
нет уверенности уж ни в чём.
Без надежд, без мыслей — силы тают
и в себе, и в людях, и во всём.

Где, когда духовно мы убиты?
В душах — пусто, чувства не живут.
Старость ли причиной? Нет, уйди ты.
Нас сомненья пьют, сомненья жрут...

2005

* * *

В сутолоке нынешних времён
трудно нам за жизнью уследить,
ум теряем мы, кто был умён,
и дурак на дурака сердит.

Те, кто звал топить нас как котят,
и поныне гибелью грозят.
Недрузи друзьями стать хотят,
а друзья давно уж не друзья.

Нет друзей у нас, одни враги.
Гибнем мы, и гибнем на глазах.
Бить врага теперь нам не с руки,
в путах мы, безмолвье на устах.

Видим мы: всех гнать бы их взашей
сих непрошенных, но дух потух.
В мире нет коварней и страшней
супостата, чем наш мнимый друг.

Пропадём мы, нам не устоять.
Опоздали... не проснулись мы.
Глупо, горько над собой смеясь,
в тьму идём — не выходя из тьмы...

2005

* * *

Духовного здоровья нету!
Откуда быть ему, скажи?
Ищи везде, ищи по свету —
повсюду бездуховна жизнь.

Духовное здоровье — повесть,
в которой жизнь напролёт
горит талант, бунтует совесть,
пропасть надежда не даёт.

Когда заблудишься, изверься,
иным окажется твой путь:
духовное здоровье — ересь,
сомнения раздирают грудь.

Сомнений бес есть бес увечный —
теперь с твоих не слазит плеч.
И сдружишься ты с ним сердечно,
чтоб слушать вкрадчивую речь.

Открой глаза, раскрой их настезь
и правду ощути в одном:
ты должен жить здоровым насмерть
на этом свете проходном!

Пока, когда на этом свете
свирепствует болящий дух,
духовного здоровья нету,
но ты не отступай, мой друг...

2005

* * *

Я остался давно в дурачках.
Ни к чему теперь честность признаний.
Что с того, что я умный, в очках —
и к чему одержимость призваний?
И любовь, и стихи, и вообще
всё печально, безрадостно стало —
бездуховное время настало.
Обречённость и темень в душе.

Что грустнее мгновений в саду?
Что чудесней грядущих мгновений?
«Вы подобие бога, вы гений!» —
шепчет бес — ваш двойник — на беду.
Всё одно — нет пути впереди.
Есть вопросы к себе без ответа.
Есть банальная гибель поэта.
Холод мёртвый есть в тесной груди...

2005

* * *

То же небо, солнечное небо.
Тот же свет, неоспоримый свет.
Удивляюсь: был я или не был?
Не пойму: живу я или нет?

Колются лучи — не ощущаю.
Колют всё сильнее они, сильнее.
Азраила профиль чёрный часто
чудится мне в каждой из теней.

Скоро ль заберёт? Смерть поперхнулась.
Я гляжу с надеждой малой в даль.
Чтобы чутя солнце, юность, юность
мне нужна, чем солнечная паль...

2005

* * *

Лишь увяданье. Увяданье!
Увянем напрочь, навсегда.
Жить никакого нет желанья.
Вот-вот сгорит моя звезда.

Всё преходяще, всё мгновенно.
Где миг свиданий и разлук?
Где сердца жар, где вдохновенье?
Где радость от сердечных мук?

Во сне всё будто, мимо, мимо,
сквозь дни и месяцы, года
уходим неостановимо.
Уходим — падает звезда...

2005

* * *

Полдневный зной. Вовсю играет лето.
Изнемогая, падаю в траву.
Но для того, чтобы не делать это,
я слишком жив, покуда я живу.

Устал я чуть. Есть нервная усталость.
Но всё равно я помню столько лет,
как мысль во мне рождалась-развивалась,
чтоб повести меня туда, где — свет.

Да будет свет! И свет всегда пусть будет,
как время, воплощённое в цветке.
От этого ведь солнца не убудет.
С цветком, с пространством я накоротке.

И потому есть радость, есть и горе.
Есть липа, птицы, солнце, синева.
Я погружаюсь в жизненное море.
Я буду жив, покуда жизнь жива...

2005

* * *

О сколько встреч и расставаний
случайны были, дальний друг!
Меж нами нынче — расстоянья
и призрачный порочный круг.

Я ждал — никто не приближался.
Я сразу понял — это сон.
Я ждал — кого-то стало жалко.
Я слышал звон, закатный звон.

Тем звоном души все ранимы
и отлетают в смене лет.
В рай улетал я вместе с ними,
но оставался на земле.

С самим собой я не прощался
и с теми, кто меня жалел.
Но вижу: так несчастно счастье,
что мне тоскливо на земле...

2005

* * *

Склонюсь над неудавшейся судьбой
я, зная, что скажу, о чём заплачу.
Заплачу я над чёрною бедой,
отчаянно крича, зовя удачу.

Удача! Наяву ты и во сне,
как жизнь моя, желанна и сурова.
Святую жизнь нашептывает мне
душа, воспламеневшая от слова.

О, слога пламенного волшебство!
Как огненно тревожишь и глубоко
ты душу мне — и просто, и светло.
Извечно и навек не одинок я.

И на бумаге белой жизнь сама,
мне кажется, рукой моею водит,
такую дичь и странности выводит,
как будто я давно сошёл с ума...

2005

* * *

Стихотворцев — тьма. Все пишут, пишут.
В мире грешном всё и вся воспето.
Может быть, и я среди них не лишний,
хоть отчасти и кажусь поэтом?

А когда я, исписавшись разом,
отхожу от них, спокойный, смертный,
за спиной хихикают, заразы.
Ухожу я в полумрак рассветный.

Сад звенит, поёт, полупрозрачный,
как и прежде; череда мгновений
пролетает — я дрожу, мне страшно:
ведь убьют, хотя я и не гений.

Свет рассветный, полный нетерпенья,
про меня безмолвно песню сложит,
всё кругом мою лёгкой тенью
оживит, но жизнь спасти не сможет...

2005

* * *

Как долго продержусь я на миру?
Серьёзность дел душой воспринимая,
ни полностью, ни частью не умру
до января, а может, и до мая.

О, Пюлех! Подари ещё ты дни,
а может быть, и месяцы, о, Пюлех!
Чтоб я не умер летом — ни в июле,
ни в августе. Продли мой век, продли!

И убери с меня свой острый взгляд.
Я, как дитя, боюсь его, проклятый.
Я щедро раздавал когда-то клятвы,
оставь теперь для исполнения клятв.

Затем, что, всех смущая нас собой,
в мечтаниях униженной Отчизны,
терзают душу, мозг наперебой
зов мёртвой жизни, зов бессмертной жизни!

2005

* * *

Моё бывшее счастье! Пели звонко свирели.
Пело сердце моё. Пела жизнь.
Ах, как быстро увяли юной жизни сирени
на чужбине под небом чужим!

Моё бывшее счастье. В дней ушедших тумане
ничего разобрать, различить уж нельзя.
Ну и всё ж юность нас так и манит и манит,
хоть и знаем мы все: нам туда не вернуться назад.

Это для сердца — как будто ножа остриё.
Осень... Туманы... Бывшее счастье моё...

2005

ОДНОМУ ЗЕМЛЯКУ

Ты не земляк мне, ты чужой,
как чужеземец, даже хуже:
бездарный, зол ты, пуст душой —
твой взгляд на мир всё площе, уже.

Ты — как болван иль как вандал,
без никаких духовных качеств.
Нет, я не думал, не гадал
найти в тебе следы землячеств.

Ни ощущенья близости,
ни ощущения землячества,
друг дорогой, ты уж прости,
в душе моей пока не значатся...

2005

* * *

Свысока, не свысока —
относительно печали
говорю я вам пока,
хоть вы и не намечали.

Рядом с ней, наверно, — грусть,
может, даже горе. Горе.
Душно. Приозябла грудь.
Дух наш горе переборет.

Относительно печали,
что не новость старикам,
всё же мы не умолчали —
но добра желаем вам.

Были юны все вначале,
а теперь вот — старики.
Хоть и в грусти мы, в печали,
горевать нам не с руки.

Иль не мы сдвигали горы,
охлаждали пыл врага?
Горе... Ну какое горе,
коль ты жив-здоров пока?!

2005

* * *

Соорудил стишок... Всё просто.
Но не просто сознать,
что ты в нём не вышел ростом,
нужно лучше создавать.

Грёзы... Лунные качели...
Уж теперь подобный бред,
коль мы постареть успели,
не во благо нам, во вред.

Как вы там, о, человеки,
библию раскрыв, нашли
бога, истину? Иль ветхо
это всё для вас, нули?

Бог есть бог. Мы — нуль. Понятно?
Уже время сознать,
что пора идти попятно
к богу — дух свой создавать.

Вышел ты, не вышел ростом,
то — не главная беда.
... Соорудить стишок не просто,
не создашь, коль бог не дал.

2005

* * *

Что с того — нет спроса на стихи?
Раньше тоже не ахти как был он.
Искорка чуть тлеет в сердце стылом,
тлеет — за какие за грехи?

Всё остыло, в прошлом всё, одни
рикошеты от деяний сникших,
дум высоких, сладких мук, чувств низких.
Я теперь ушедшим всем сродни.

И враги уходят, и друзья,
все подвержены с лица земли стиранию,
обитают, бедные, за гранью.
Никого послушать уж нельзя.

И меня не смогут, и меня...
Хоть стихи, быть может, и мученье,
для меня они как бы свеченье
ночью тёмной и при свете дня.

Мне они... Как воздух мне они!
Не смогу без них... Без колыханья
сердца... Без свободного дыханья.
С ними я живущим всем сродни.

2005

* * *

Не понимая, словно впопыхах,
на что способен иль во что горазд,
бежал, но убежать не смог никак,
бежал я от себя не раз, не раз.

Прошла, давно прошла пора девиц.
Не из-за них бежал, судьбу решал.
Из-за друзей, из-за враждебных лиц,
чтоб не бороться с ними, я бежал.

И — от властей... Но, бедный, от себя
куда ты убежишь, куда? Бог мой...
Видать, мне отдалиться не судьба,
судьба — сражаться, выигрывать бой.

Какой бы ни был на дворе режим,
то неопровержимо, что всегда
мы с музой от борьбы не убежим,
бороться будем, будем побеждать.

И путь у нас, наверное, один —
к вершинам от бескрылой суеты,
чтоб вечно возвращаться от вершин
к долинам — в мир вражды и пустоты...

2005

О, ЗНАЛИ Б ВЫ...

О, самозванство и плебейство духа!
О, знали б вы, что мой духовный сан
превыше вас и вашего недуга,
превыше гимнов всех и всех осанн.

Никто не будет обо мне скорбеть.
Никто меня в бессмертные не прочит.
Для вас, завистливых и злых, как смерть, —
мой блоковский, патрицианский профиль.

Лежать спокойно буду я в гробу,
покоиться презрительно и сухо
всё с блоковским величием на лбу.
Нет, не плебей, аристократ я духа.

Был юный, на эстрадах всё орал,
а образумившись, оставил ту затею:
натужно багровея, на ура
уже не шёл — тем дурь свою рассеял.

Я не в раскат стал верить — в тишину.
Я научился тихо прикасаться.
И темой, и отделкой не сверну
с того пути — не стоит опасаться.

Не воробей я, но и не орёл.
Как в таинство оттенков вдруг поверил,
давным-давно уж не ору, как зверь, я.
Орёт — дурак, а мудрый — не орёт...

2005

* * *

Не стоит жизнь переиначивать,
не быть мне юным, молодым.
Похож я стал на пса бродячего,
не стал ни умным, ни святым.

Веди меня, веди ты за руку,
как пса, на цепь ты засади,
со старостью вступая в заговор,
тихонечко с ума своди.

Ты не ходи ко мне накрашенной
ни ночью, ни при свете дня,
противной, мною наигравшейся.
Пригрей, возвесели меня.

Быть может, радость, цель появится,
хотя теперь мне всё равно,
но вряд ли молодость поведится
ко мне заглядывать в окно.

Ты ж знаешь, что зубами этими
ту цепь я не перегрызу.
Смерть нашу, гостью, вместе встретим мы
в низинах где-то там, внизу...

2005

* * *

Под старость, бог — это серьёзно.
Не веришь, веришь, но тебе
поможет бог; пусть — тьма, беззвёздно
в душе, он есть в твоей судьбе.

Тем боле — песня не допета
ещё твоя, ты над землёй
несёшься, как на крыльях, где-то
самим собой, самим собой.

Себя ты возомнил поэтом,
пророком — разве же не так?
Но не раскаялся при этом.
Чудак, а может быть, дурак.

... Не щедро очень и не скудно
помог он нам — неплох итог.
Роскошно жили иль паскудно —
велење бога... С нами — бог!

2005

* * *

В объятых у распада находясь,
молю: распад, помедли, не убий
меня так скоро — продержи в гостях,
когда я жизнь как юный полюбил.

Распад всеобщий есть... Всемирный... Да.
Естественно... Но всё же как по лбу
дубиной то, что умертвят года
мою сакраментальную мольбу.

Я верю в дух. В бессмертие — увы.
Душа, взлетая в небо, не найдёт
прописки там — в пространствах синевы,
лишь в людях вечный обретёт оплот.

А люди — на земле. Во снах земли
мы были счастливы, а наяву
и рай, и ад — всё сразу обрели,
где, глупый, я и до сих пор живу...

2005

* * *

Те, кто из вас немножко «гений»,
как наяву, так и во сне
мелькаете как злые тени —
в самоубийственной возне.

Куснуть больнее бы друг друга,
при случае и вовсе съесть.
Страшней, чем враг, как понял вдруг я,
друг милый — злость в нём, зависть, спесь.

Друзья мои всегда мне милы,
и я им мил, по их словам.
Мы не с дубиною громилы.
И всё же... кто мне жизнь сломал?

Покинь меня, о чувство мести!
Хоть я и гневался не раз,
прощать друзей есть дело чести:
жалею и люблю я вас...

2005

СУМЕРКИ

Не добр ты в сумерках, не зол.
Зажги свечу. Кутнём.
Не сожалей, что день ушёл,
живи грядущим днём.

В шкафу твоём — бутылки вин.
А я принёс шыртан.
Сидит в бутылке добрый джин
иль яростный шайтан.

Мы выпустим их — пусть снуют
меж небом и землёй.
Пусть низойдёт к нам тишь, уют,
не вечный, но — покой.

... «Уюта нет, покоя нет», —
когда-то Блок сказал.
Их нету и среди планет,
так бог нас наказал.

2005

ГНЕЗДО ЭМИРА

Отчёты пишут, байки бают,
кричат — пугают слабака.
Живые трупы в жизнь играют,
не доигралися пока.

Но доиграются и — скоро.
Шумит бездельников орда,
не думая о том нисколько.
В делах — полнейший кавардак.

Главарь — ногайская собака —
своею цепью дорожит:
гнездо эмира зло, зубасто
и преданно он сторожит.

Играют в жизнь азартно трупы —
в бессмысленный, напрасный труд.
Играется им всё же трудно —
хоть и живой, но труп есть труп...

2005

СУИЦИД

Памяти Чермакова

В мир вечный, лучший из миров,
поэт уходит за поэтом —
им было тесно в мире этом,
для них он слишком был суров.

Поэт поэту — не кунак.
И человек для человека
давно уже не друг, а враг:
вопрос «как быть?» — вновь без ответа.

И ложь, обман шутам в угоду
вновь пышным цветом зацвели.
Шуты духовную свободу,
чуть приоткрыв, на нет свели.

Несокрушимою стеной
нам гибель шлёт свои приветы —
и оскорблённые поэты
наш покидают мир земной.

Стал модным ныне суицид.
Дурные нас тиранят вести.
Чувашия — на первом месте
в России, что — позор и стыд.

Шутам не стоит гимны петь —
встряхнись, из спячки выйди, кореш!
Позорно жить среди сокровищ,
когда сокровища ткнут смерть.

2005

ДВУСМЫСЛЕННОСТЬ

О чём ты? О чём? А всё — об одном:
о жизни и смерти, о крае родном,
о людях родных, о чувашском народе.
Во сне все, во сне мы как будто в дурном:
есть будто народ и нет его вроде.

И призрачно всё на просторах земли.
Мы были как пыль, времена нас смели.
О людях родных, о чувашском народе —
слыхать? Не слыхать! До чего довели:
есть будто народ и нет его вроде...

2005

ДУАЯЗЫЧИЕ

О самом сокровенном и интимном,
как о таинственном и основном,
я говорю тепло и эффективно
на языке чувашском, мне родном.

О неприятном в мире, о приятном,
чтоб петь симфонию в ключе одном,
я говорю на языке понятном,
но — на нижегородском, неродном.

Когда я выражаю спесь, гордыню
в спектакле глупости очередном,
не думаю о божьей, о святыне,
не говорю на языке родном.

Когда я вспомню маму, мать родную,
о божьей вспомню с нею заодно,
всё говорю о них, о них тоскую
на языке чувашском, на родном...

2005

* * *

Я продолжаю расставаться
со своим прошлым.

Я продолжаю сражаться
со своим настоящим.

Я продолжаю готовиться
к встрече с будущим.

Я продолжаю волноваться:
а есть ли у меня будущее?

Но как виртуально всё —
в ночи, в тьме молчания...

2005

* * *

Я люблю белый мой Шубашкар.
Я люблю Президентский Дворец
и залив, омывающий водами
тихо ноги Дворца.

У залива стоит Наша Мать,
над заливом, светясь, как орлица парит,
с распростёртой рукою
нас она дожидается, ждёт.

Я люблю Нашу Мать и свою.
Моя мать тоже любит Её,
любит страстно прощаясь,
в мир иной уходя...

2005

* * *

Беседую сам с собой
в темнеющей неизвестности.
Не глупый и не злой.
И на губах — жажда вечности.

И обитаю в тишине
я в клетке укоризны.
Тьма отравила душу мне,
напомнив о скорой тризне.

На бунт, видимо, обречён
пред теми, кто бездушен.
Я верю в жизнь горячо
и вижу, что ещё ей нужен.

Струиться, жизнь, позволь
сквозь пальцы трудного счастья,
в судьбе принимая участие,
корнями прорастая в боль...

2005

* * *

Ночь, уходящая в прошлое.
Я, уходящий... в смерть.
Слово несветлое, пошлое —
вслух его ляпнуть не сметь.

В ночь головою зарыться,
скромно её коротать.
В замкнутом круге бесстыдства
стыд не живёт никогда.

Ночью совсем исчезает...
В мёртвом чаду городском
стонет душа, замерзает —
в смрадном дыханьи людском.

Чем люд срамной дышит ночью?
Пьянством, разбоем — вот чем.
Видеть всё это воочью —
значит свихнуться вообще.

В ночь, уходящую в прошлое,
в смрад окунуться страшишь:
жизнь ненормальная, пошлая
истинно — смерть, а не жизнь...

2005

* * *

О, ласковые объятия неизвестности!
А в неизвестность уносит мечта,
где — обыкновенная пустота.
И неизвестность соткана не из вечности.
А что невечно — суета и тщета.

Вблизи от нашего прошлого
царапает ветер тень.
Приносит мне божий день
заботы и немного хорошего.
А стих этот мой — дребедень...

2005

ТОСКУЮ...

Я тоскую, я тоскую
по Саврушам, по Аксу.
Эту смертную тоску я,
видно, не перенесу.

Нас в строю так мало, редком,
многих, многих уже нет —
всё слышнее голос предков,
всё суровой божий гнев.

Мы забыли, мы забыли
нашу землю и богов.
Опозорили не мы ли
имя славное отцов?

Мы не чтим благословений
старых, добрых матерей.
В смертной череде мгновений
мы похожи на зверей.

Всё идёт ко дну и краху...
Души как же я спасу:
на поклон святому праху
я за всех один спешу?

2005

ПОЕЗДКА НА РОДИНУ

Ещё неблизко до односельчан...
Меня встречает просто и радушно
Саврушка, тихая и кроткая речушка,
впадающая в Малый Черемшан.

Её холмы — в безмолвном цепененье.
Её луга — в пестреющих цветах.
Зелёный уголок! Я слышу пенье
души моей и разных милых птиц.

В ласкающих созвучьях я купаюсь
под вешнюю бессмертной синевой.
В былых грехах и в будущих я каюсь,
весь отдаваясь песне огневой.

И этот день, и путь, подобно чуду,
несут на крыльях путника домой.
Передо мной — поля и добрый труд повсюду.
Родная сторона — цветёт передо мной.

Тебя, мой край, вовек не позабуду!
Я не совсем ушёл... На склоне лет
вернусь, вернусь! Навеки счастлив буду
покоиться в моей родной земле...

2005

НА МАЛОЙ РОДИНЕ

В глаза годов, судьбы вглядеться
сквозь мёртвый свет, сквозь странный шум
на землю предков, на землю детства
пришёл я, полон горьких дум.

И снова синий, знобкий холод
мне душу всколыхнул, твердя,
что был я юн и что был я молод,
а ныне — старость на путях,

и что пройдёт всё быстро, разом,
и что придётся мне лежать
под этим небом, под этим вязом —
лежать и тлеть и не дышать.

И пусть... Я не забыл жестоко
в час горестный, постыдный час
о родине, земле, истоках.
Я прокляну в могиле вас...

2005

* * *

Родной земли неслышный звук
родился где-то в отдаленьи.
И вот уже душа — в волненье.
И я зову его, зову.

Войдя в меня, звук трепетал
и зазвенел вдруг словно птица.
И мне гармонией упиться,
звук в слово превратив, бог дал.

И стало чудно в вышине:
я перед собой увидел бога.
Светло, таинственно, глубоко
запело сердце в тишине.

Земли божественная суть
и лёгкий вздох её мгновенный
зажглись во мне цветком нетленным.
И мощью задышала грудь...

2005

* * *

Давно я, друг, на всё готов.
Ведь ясно: есть конец всему.
Давно я молодых годов
одним лишь отзвуком живу.

Я слышу шелесты весны.
Я вижу: льётся лунный свет.
Но где напевы той струны?
Но где мои семнадцать лет?

Всему, всему есть свой черёд.
Прошли часы, прошли года.
Беспечно мчались мы вперёд:
игра ушла, пришла страда.

А скоро, видно, и страде
конец придёт, как ни верти,
на божьем встретимся суде.
Нет впереди для нас пути.

Но милы отзвуки годов!
Осколки молний их — слепят.
Я ж говорю, на всё готов:
готов и воскресить себя...

2005

* * *

Пройдя по жизни неумело,
в конце задумчиво стою
не на краю я ойкумены —
у бездны мрачной на краю.

Среди людей... Но их не чую...
Мне кажется, что нет людей
ни здесь, ни там... И не хочу я,
чтоб были... Лучше — без затей.

Затейливы, неблагородны
людишки... вороваты, злы.
Нрав изменился, вкус, народный —
субъект срамные видит сны.

И лезет в срам... Труд любит слабо.
Есть оправданье — се ля ви*.
И бога он бесстрастно славит —
без вдохновенья, без любви...

2006

---

* *Се ля ви* — такова жизнь (франц.).

* * *

Потухнут звёздочки в зрачках —
мир очертания теряет.
Я, на усталость невзирая,
бреду в том мире в дурачках.

И я не просто дурачок,
а дурачок со стажем, старый.
Уж надо мной хихикать стали
всё те же звёздочки, снежок.

Ведь поздно, ты куда идёшь?
Попрытались собачки даже.
Сам чёрт тебя, наверно, тащит
туда, где сумрачно, где — ночь?

Ведь опоздал ты, не ходи.
Ведь в дурачках ты, ты обманут.
И мир другой теперь, и манит
тебя не Та... О, господи...

2006

* * *

Не суеверной верою я верую.
И плодотворна суть моя, светла.
И есть у сердца моего заветная,
недостижимая в миру мечта.

Я с верою моей хочу постигнуть
всё совершенство бога, смысл его.
Я верую и бога не покину,
не обману свет сердца моего.

Орудуют в стране убийцы, воры.
Округу лихорадит от вражды.
Темнеет лик от ужасов тлетворных,
а сердце лишь светлеет от мечты.

Есть бог. И с богом есть великодушие.
Бессильна злоба перед ним, как бес.
Бессмертны станут в вере наши души,
взглянув на воссияние небес...

2006

* * *

Храмы взрывают — это нехорошо.
Жгут иконы, кресты — ой как нехорошо!
А священников бьют и сажают в тюрьму,
убивают — как плохо, как плохо.
Тот, кто так поступает, подобен дерьму,
на последнем счету он у бога.

Рощи священные рубят — ах, как хорошо.
Киреметь разоряют, в ключ плюют — хорошо.
Мячаваров бичуют, сажают на кол.
А народ мой родной в водоёмы гоняют.
С этой бедой пять веков он знаком:
вешают крест, снимешь — в гроб загоняют.

То, что вам хорошо — не совсем хорошо.
Поступала особенно нехорошо
мужеубийца нерусская, внутренний враг
Катька Вторая, внешне — матушка-матка,
зорко стоявшая у адовых врат.
Катька — блядина с бешеной маткой...

2006

АТНАКӀЛ

Хоть и была жизнь без просвета
у чувашей, у них всегда
есть гениальные поэты —
АтнакӀл, Сеспель и Прга.

АтнакӀл погибла в девятнадцать,
ушла, в поэму воплотясь.
Я ей — племянник и, признаться,
в поэзии чувашской — князь.

То бишь — тархан... В поэме душу
оставив, вечною, живой
осталась... Я помнил чутко
обет, пред нею данный, свой.

Я, лет восьми, дал обещанье
не забывать её вовек,
добиться книжечки изданья,
как стану взрослый человек.

И напечатал, и озвучил
я и поэму, и стихи —
никто ещё сильнее, лучше
не написал, у всех — плохи.

Она одна на небосклоне
поэзии уж столько лет
звездою яркой взор наш ловит,
лия божественный свой свет.

... Ушла, оставив в душах раны,
что до сих пор их боль остра,
сестра двоюродная мамы,
моя духовная сестра.

* * *

Сверкнула молнией Людмила,
на миг один, пронзая грудь,
потом всю жизнь мне образ милый
путь освещал, тернистый путь.

Запомнил я лица сиянье
и удивительную речь
о том, что жизнь есть состоянье,
в котором мы должны прозреть.

Прозрел ли я иль не прозрел ли,
Людмиле уж не рассказать.
... О как уста её горели
и — гениальные глаза!

2006

АЙДАШ

Я не скажу, что друг он мой большой,
но всё же — друг. В поэзии — педант.
Айдаш — поэт с нечистой душой,
зарывший в землю яркий свой талант.

Непостоянен. Может и предать.
Бывало — и меня он предавал,
как предавал свою родную мать,
твердя, что прав, что мама не права.

Кто прав, а кто не прав — рассудит бог.
Я так скажу: ты должен мать любить
как сын, а, как мужчина, ты бы мог
поласковее с нею просто быть.

Не такова у Айдаша душа.
Жестока у него она, черства.
Во гневе друг перестаёт дышать,
не лопааясь от ярости едва.

Беда... Но всё ж не главная беда...
Не эта иссушила-извела,
а зависть чёрная к талантам — да!
Талант пропал. Он где зарыт, земля?

2006

ОДНОМУ ПИИТУ

Дерзкий... Шум поднимаешь...
Душу за славу отдашь.
Рано освоил, ты знаешь
что за приём — эпатаж.

Свару затеешь — мир тесен, —
скажешь, что жизнь — как в аду.
Чувственные эксцессы
к скорой славе тебя приведут.

Слава... Такая хреновина...
Брось души наши пытаться.
Жизнь, говоришь, теперь новая.
Брось в эмпириях витать.

Жизнь... Хуже нет этой жизни.
Только тебе и мила.
Люди в стране стали лишние,
будто страна у нас мала.

Много накатал ты виршей, —
хлещут, удержу нет.
Мнишь о себе, что видный
деятель ты и поэт.

Ждёшь бессмертья... Не жди же.
Это — как призрак, мираж.
Нужно вести себя тише.
Нужно... мужественно умирать.

2006

ГОНИТЕЛЬ

Гонитель мой подлец был классный,
растерянным меня застал.
Я от его дурного глаза
потел, заикой чуть не стал.

О как меня он ненавидел,
мои все преграждал пути!
А на него я не в обиде —
потел и продолжал идти.

Гонитель, слабый стихотворец,
всю жизнь у власти на виду —
в обкоме как бы царедворец.
Всю жизнь лукав и завидуец.

Счёл, что высокого полёта
я птица, рвущая рывок.
Хотел убить во мне поэта,
но вскоре умер сам, не смог...

2006

ВЕК МОЙ...

Век мой — моё поле,
поле перейдённое
в горестях и в боли.
Дни — как ночи тёмные.

Что же в этой темени
разглядеть успелось-то?
Что творилось-делалось
с вдохновенной смелостью?

Злость, обман и гибель
зорко разглядел я.
И ещё увидел,
как враги нас делят.

Во главе с шутами,
хитро и умильно,
не творят, а давят,
разрушают мирно.

Век мой — моё поле,
поле перейдённое.
Нету жизни боле.
Дни и ночи — чёрные...

2006

НОВОГОДНЯЯ ЭЛЕГИЯ

Ирине

Ты огонь, но — бенгальский огонь:
есть мерцанье, горенье, нет жара.
Тихо трону твою неживую ладонь,
чтобы ты тем же мне отвечала.

Посмотрев же в лицо, загрущу невзначай.
Может, ты и похожа на фею,
говорю я: «прости», говорю я: «прощай»,
думая: «Не должник перед нею».

Замела все пути дней ушедших метель.
На пороге — не ты, никого — на пороге.
А в углу... а в углу — новогодняя ель
тихо плачет и грезит о боге.

Не люблю я теперь и тебя, и себя.
Я лишился всего, я любви лишился.
Стало быть, ты — не ты, стало быть — не судьба:
ты не стала мне праздником жизни...

2006

* * *

Как сквозь сон я живу.
И мне нечего больше сказать.
Тебя «милрой» уж не назову.
Ты — бесхозная будто коза.

В добровольной тюрьме
я лет тридцать, поди, нахожусь.
Исписавшийся, бедный, тебе
ни в мужья, ни в друзья не гожусь.

Будто умер, и прах
мой развеян ветрами давно.
Будто (кажется): это лишь страх
осознать, что уже всё равно.

Затаённые сны
под подушкой всю зиму лежат.
Я от них не уйду до весны —
нет причины, нет смысла бежать...

2006

* * *

Я рано понял, что я слеп без знаний,
как нахватался — заболел живот:
определяет бытие сознание,
небытие не признаёт его.

И очень нудно так определяет...
Становишься невесел и угрюм.
Предвидишь: впереди — судьбина злая.
На что тебе тогда таланты, ум?

Тем более — небытие проглотит
всё-всё и всех: и друга, и врага.
И потому печальные выводит
слова дрожащая моя рука.

Я рано понял, что умру когда-то,
как спохватился — заболел живот:
сознание хочет отвертеться как-то,
небытие не признаёт его...

2006

* * *

Мы в незаметном плавимся распаде:
уходит мир — деревни, города.
Скорбящий дух страшнее, чем распятые,
ведь знаем: не воскреснем никогда.

Скорбящий дух — нет мук сильнее в мире.
Тьма поколений превратилась в прах.
Как будто жизнь не жизнь, проходит мимо,
в нужде ль её проводишь иль в пирах.

И как мне быть, поэту? Промолчать бы,
да не могу, пойми меня, о, бог.
Я, веруя в тебя, об этом алчно
и исступлённо бормочу — убог.

Убогий и раздавленный, прошу я:
прости, прости, что в скорби занемог,
о, бог, прощающий, карающий бесшумно;
всемиловитиво всех казнящий бог...

2006

* * *

Вы любите меня... Вас много в зале,
так много, что кружится голова.
Как не хочу сказать вам «опоздали»,
как не хочу я делать больно вам.

Но опоздали вы, нет-нет, не надо,
не надо ни любить, ни презирать:
уж я — не я, и мне какая радость
от вас любовь такую принимать?

Ведь я — не я, ушёл давным-давно я
туда, где нет ни музыки, ни стихов —
исчезло нечто близкое, родное,
и ныне ход судьбы моей таков.

Теперь не тот, а этот вас дурачит,
который умер, но кричит: «Живой!»,
так жалко и напрасно силы тратит,
играя в жизнь, кривляясь... боже мой...

2006

* * *

В любви ко мне вы поздно признаётесь.
Не оживляет поздняя любовь
ни чувства, омертвевшие, измучась,
ни мысли, ставшие как стайки блох.

Любовь мне не нужна. И свет не нужен.
Сижу вот в темноте, и — хорошо.
Плоть грубая моя живёт-не тужит,
а дух иссяк — он из меня ушёл.

О как я чувствовал гармонию когда-то,
притом — сквозь тело музыка текла.
Как молод был, как светел был тогда ты,
о, Сениэль, — плохи теперь дела.

И пусть... Я проживу без вашего участия.
Любить меня? Какого же рожна?
Я без лукавства говорю вам, честно:
любовь мне никакая не нужна...

2006

* * *

Свет и тени моей легенды!
Вижу, вижу, как она нужна.
Сказано же когда-то кем-то:
жизнь поэта поистине страшна.

Сказано: поэт — пассионарий,
роковая на поэте печать.
Если не попал в тюрьму, на нары,
можно его в вакууме держать.

Пусть не вздохнёт и не дышит...
Делать-то что? Такова судьба.
Видно, не только законы — дышло,
но и судьба, неверие в себя.

Кто причастен ко мне, не вы ли,
недрузи мои и друзья?
Вы восторженно, вы мрачно выли,
надо мной, кулаками тряся.

Воздух сотрясали, прошли как тени.
Вы, коснувшись моего огня,
мне по-своему добра хотели
и, наверно, верили в меня?

... Круг людей, в легенду превратившись,
круг теней — друзья мои, враги —
вост в памяти... всё — тише, тише.
И давно уж нет рук никаких.

2006

* * *

Надо мной, над вами, над Россией —
вечный дух трагических легенд.
Возрастали мы во тьме насилий —
в тьме телесных и духовных бед.

Весь наш путь как Via Dolorosa.
Шли мы на Голгофу все почти.
Даже шли иуды-отморозки,
палачи — любимые вожди.

Вождь для многих и сейчас — икона.
Плюнуть бы нам на таких икон.
И поныне именем закона
нас казнят — чудной у них закон.

И всегда вверху — искириоты.
Скоро ль им за казнь держать ответ?
Никогда. Коль — на таких высотах.
Кинул Бог нас, кинул Вечный Свет...

2006

* * *

Кто страдания, пытки перенёс
стойко и погиб в том состоянни,
озаряют всех мильоны звёзд
по ночам божественным сияньем.

Но забудут стойких как-нибудь
в мире этом окаянном, божьем.
Ведь напрасны жертвы, крестный путь,
всё напрасно и не нужно больше.

Любит рабство «золотой мильярд»
и не любит дух свободы очень.
Нам о нём забыть совсем велят,
в рабстве жутком рай земной пророчат.

На скрижалях неба и земли
высечено: «Бейся за свободу!»
Мы добыть свободы не смогли,
пропили её шутам в угоду...

2006

* * *

Ведь наш удел — Вселенская Свобода!
Проснитесь, встаньте, падшие рабы.
Борьба, восстанье — трудная работа.
Мучителен, опасен путь борьбы.

Как тяжелы вериги и наветы!
Час смертной казни — твой счастливый час:
ты победил — свободен. И навеки
свободен, славен будешь, как сейчас.

Ты будущего мира рыцарь верный.
Таких, как ты, наверно, больше нет.
И на высотах горних — lux aeterna,
что яростно сияет. Вечный Свет...

2006

* * *

Дни Гнева и Печали — дни России.
И ночи — тоже... Будет смертный бой.
Притихли мы, молчали, словно силы
уж нет восстать, пожертвовать судьбой.

В аду нам стоит ли мечтать о рае?
И не мечтай, и больше не молчи.
Погибнем мы, сражаясь и сгорая;
погибнем мы, восставшие в ночи.

Нас пули ждут, застенки каземата.
Замучат и отравят нас, убьют.
От инквизиторов нам нет возврата.
Мы знаем это — враг кровав и лют.

Свободы мы хотим. И вот — расплата:
не смей хотеть, надеждам всем — конец.
Уйдём во тьму как рыцари заката.
Уйдём, приняв Сияющий Венец...

2006

* * *

Соловьи на рассвете поют.
Знаю, знаю, что это такое:
не дают вам ни сна, ни покоя,
снам присниться весной не дают.

А по вёснам я плакал не раз
от восторга и радости светлой
даже в жизни глухой, беспросветной —
был на странности парень горазд.

Это им так казалось, друзьям,
им не плакать, а плакаться проще,
ведь их не соловьиные рощи
волновали, волнуют, дразнят.

Для бездушных весна не поёт,
не цветёт, не блестит, не сияет,
её будто бы и не бывает.
Для бескрылых полёт — не полёт...

2006

* * *

Взойди, истома вызревшей весны.
Не жмитесь у дверей пугливо, сны.
Хоть вижу вас туманно и тревожно,
мне странно видеть то, что невозможно.

Но вижу... Помню то, что не должно.
Давным-давно оставил круг порочный.
И он в далёкой памяти давно.
Таинственно всё в поздний час полночный.

Но из далёкой памяти плывёт
ко мне круг этот, в душу мне плюёт
как девка падшая и как богиня —
царица мира и его рабыня.

Незрелых чувств, незрелых слов боясь,
молчу я: не решаясь в час урочный
в лицо ей бросить резко, грубо «б...!» —
в таинственный тот поздний час полночный.

2006

* * *

Жизнь наша — непрерывное прощанье,
прощание с первоначальных дней.
Нет ни надежды нам, ни обещанья.
И с каждым днём разлуки час видней.

Простились с детством, с юностью простились.
И молодость, и зрелость позади.
Прощаясь с жизнью, в ней остаться силясь,
ей должное за что мы воздадим?

За свет и воздух, за любовь, свободу?
За белый снег, зелёную траву?
За смелый дух, любимую работу?
За всё, чем я дышу, тревожусь и живу?

Воздать сторицей надо бы за милость,
за строгость и жестокость, рай и ад.
За то лишь только, что мы появились
на божий свет, чтоб мыслить и страдать...

2006

* * *

Всё снега и снега... Не беда!
Это лебеди сели — сугробы.
Как же вышло, что я, сквозь года
проносясь, оказался у гроба?

Бес ли шепчет, иль кто: «Не тужи...
В мире столько таких же вот судеб
и в больших городах, и в глуши,
а потом, а потом сколько будет...»

Всё дожди и дожди... Не беда!
Всё темней и темней... Я пронёсся
сумасшедше... куда? В никуда.
Не заметил, как с вечностью сросся.

А пока... пока вышла луна,
видно, день завтра солнечным будет.
И в округе стоит тишина.
Грешен я. Пусть меня бог осудит.

2006

* * *

Ритм во мне бормочет, стонет, свищет.
Я совсем другой, я обновлён.
Так любви и славы ждут и ищут.
Так стихами был я возрождён.

Обжигаясь пламенем стихов, вы
взволновались и сказали мне:
хлёстко будто, но старо, не ново,
тщетно говорить о глубине.

Я не возмутился, согласился,
зная ваш завистливый язык.
А язык сей ветх, он обносился.
И к тому ж... к нему я так привык.

Я почти прошёл свою дорогу,
жизнь была как неродная мать.
Что жалеть — покорствуем мы року.
Всё пришлось увидеть, испытать.

Скоро буду тихими глазами
сквозь могильный тлен смотреть на вас
из глубин своих земных сказаний,
чтоб и дальше жечь и волновать.

2006

ИСТОРИЯ

У неё хоть и приливы есть, отливы,
но история пока — враньё.
Победители хитры, несправедливы
и жестоки, как судьба времён.

Пётр Первый был бандит и душегубец,
летописи все переписал:
булгар, нас, унизил, стёр, всю грубость
и нахальство проявляя, обоссал.

И таких примеров — миллионы.
Сталин был такой же прохиндей.
«Краткий курс» иль «Полный» — лишь для трона,
а не для трудящихся людей.

Ныне тоже ту же песню тянут —
более двух тысяч лет обман
о «Писании» болтают, уши вянут:
не из скифских книг, мол, сей «роман».

На приманку лжи она нас ловит —
лжеистория — на мыслящей земле,
но когда всё на свои места становится?
Сколько ждать нам, сколько тысяч лет?

Бог плюёт на подлость их так честно,
что его суд и суров, и прям,
только долго, очень долго, но чудесно
возвращает честь земным делам...

2006

РЕНЕСАНС

Стал восходить чувашский ренессанс.
Но тут же, как зараза, большевизм,
как некий дым, пустился вылезать
из всех щелей... У коего девиз:
народ надуть, надуть и растерзать.

Вы были первыми, мы помним вас,
Алюнов, Милли, Рубачёв, Юман,
Гаврилова, Хури... Мы любим вас...
Замучены... Расстреляны... Мир вам.
И с вами, в вас убит наш ренессанс.

А имитация была... чуть-чуть...
как видимость... Была и — раз! И нет!
И что тут началось! Геенна! Жуть!
О, ужас... Содрогнулся белый свет.
Цель удалась: надуть, потом согнуть

в дугу, в бараний рог... Герои, мы
вас будем помнить вечно... Большевизм
для человечества страшной чумы,
а для эпохи — пыль, анахронизм.
Восходит — ренессанс. Бессмертны — вы.

2006

ПОЛИТЭМИГРАНТ

В семидесятых, в Праге, у отеля
не появился даже, а возник
старик какой-то, тихо то и дело
шептал он что-то... и, дойдя, притих.

В костюмчике не новом, но опрятном,
в штиблетах старых, с посохом в руке,
он выглядел не дряхлым, а приятным,
стоял от нас совсем невдалеке.

Я подошёл к нему: «Вы из России?»
Ответил: «Из России. Я чуваш.
Мне девяносто. Покидают силы.
Полвека здесь, язык забыл я наш».

«Салам!» — сказал ему. Заулыбался.
«Вёс, вёс, куккук!» — спел. Тихо зарыдал.
Похлопав по плечу, спросил: «А, дядя Вася,
кому привет, приехав, передать?»

Ответ: «Всем чувашам, от Николаева...
Алюнову был друг я, друг и брат.
Сгорели все, давно уж не пылаем мы.
Семён я. Николаев. Эмигрант...»

2006

КОМИССАРЫ

Комиссары, комиссары,
лжегерои, палачи.
Никакие не гусары,
тати страшные в ночи.

Куртки кожаные, шпоры...
И наганы, сапоги...
Не противятся им, споря.
Их уверенны шаги.

Безнаказанно и грозно
устремляют хищный взгляд.
На будёновках не просто
звёзды крупные горят.

Звёзды эти злы, кровавы —
к жертве в комнату судьёй
входят для ночной расправы,
входят горестной судьбой.

Молча собираясь, жертва
и в дороге всё молчит —
в ту же ночь в миры ушедший,
на том свете будет жить...

2006

СЕМЕНДЕРУ

Ты, изгибаясь, прислуживал.
Ты, извиваясь, льстил
и предавал при случае.
Это — вполне твой стиль.

Знаю я вашу породу.
Знаю и сыт по горло.
Все вы в любую погоду
точно как эта погода.

Власть хоть какая, советская
или другая, но власть, —
должен юлить ты усердствуя,
врать, наслаждаясь властью.

Рожа твоя приятельская,
всё, что угодно, подашь,
а вся душа предательская,
всё, что угодно, продашь.

Буду служить я истине,
буду служить бескорыстно.
Были вы все коммунистами,
вам комфортно, не стыдно.

Сколько бы мне ни мучиться,
буду я твёрд до конца:
нет, из меня не получится
подленького льстеца...

2006

* * *

Поэзия — моё призванье,
не ряженье она, не фальшь
великая. Она не с вами,
со мною любит воевать.

Смертельные бывают схватки.
Понять вам это не суметь.
И для меня, коль быть мне кратким,
поэзия — и жизнь, и смерть.

И жизнь души... Душа же богу
принадлежит, ему и мне,
не так, чтоб сбоку я припёка,
а полностью и наравне.

Ведь кто я? Что я? И зачем я
пришёл в сей мир? Всё для меня
имеет равное значенье,
терзает, душу кровеня...

2006

* * *

Я не хочу, чтобы звали Чувашином,
я не хочу, чтобы звали Дурашливым
русы меня, а чтоб звали неложно,
так, как положено звать, как положено —
среди нужд, среди бед, среди дел.

Я не хочу, чтобы звали Россией,
я не хочу, чтобы звали Мессией
люди меня, а чтоб звали по имени,
так, как положено звать нас, а именно:
Сениэль, Михаил Сениэль...

2006

* * *

Отречься от старого не спеши,
и в старом немало полезного есть.
Ты, прах его с ног отряхнув, для души
готовишь, поверь, неминуемо смерть.

Без старого в новое не войдёшь,
и новому старым со временем быть.
Боюсь, у меня страх в душе, страх и дрожь,
что скоро умру — время хочет убить.

По прошлым грущу временам,
и нынешний день будоражит меня.
И буду я помнить их и вспоминать
о них, как о лучших моих славных днях.

... Понять не могу: кто кого подкузьмил?
Повсюду так много убийц и жулья.
Разрушился будто бы старый наш мир,
а новый — как смех над такими, как я.

2006

* * *

Благодарю, она меня вскормила —
Мать-Родина, и крылья мне дала.
Я сотворил из Родины кумира.
Вы — предали. Она — не предала.

Вы предали, она не виновата.
Вы продали её врагам Христа.
Тягаться с дьяволом нам трудновато,
опасно даже раскрывать уста.

Вам вовсе незнакомо чувство родины.
Вам чуждо оно и чужда любовь
к родному краю в сушь иль в непогодину.
В нас видите вы не людей, рабов.

Ресурсы лишь любимы вам, что в недрах,
богатства наши лишь любимы вам.
И Бог в сём деле вам не Бог, а недруг:
смеясь, вы поклоняетесь врагам...

2006

* * *

Он ни при ком не смог бы тут пропасть.
Он жополиз, и лижет он так чисто,
что покорит всегда любую власть —
и славных монархистов, и марксистов.

Пусть рушится всё, пусть госбеспредел,
не ощущает он гражданский трепет.
Так высоко в карьере залетел,
что из него теперь героя лепят.

Мы, из разора вновь попав в разор,
вновь в нищете, вновь в крови и вновь в ранах.
Вогнали в дрожь народ — какой позор!
Вновь выдвинули «молодых да ранних».

Вновь будет наводнение, мор, дефолт.
Вновь будет бездоглядно и убого
тонуть надводный и подводный флот,
продолжится война, умрёт свобода.

Погрязли в жульничестве, в воровстве.
Но жульничают и воруют, может,
не все, конечно, далеко не все,
не все льстецы и подлецы мы всё же.

Но жополизу не дано попасть
в ватагу нашу, лижет он так чисто,
что ублажит всегда любую власть —
ключ подберёт он даже к маоисту...

2006

ХУЗАНГАЙ

Прощенья прошу заранее,
коль малость нескромным стал.
Я был молодой да ранний,
но этого тогда не знал.

Хвалёного превзойти желал я
пиита и превзошёл.
А в школе, в классном журнале —
колы. Ах, как нехорошо!

Но дело кой-как поправил,
четвёрки стал получать.
Стишки свои отправил
в Республики Татарской печать.

Я был молодой да ранний —
дебют был в пятнадцать лет.
Не знал я, не знал заранее,
что будет мстить пиит-подлец.

Сперва подножки стал ставить,
потом и за горло взял —
задача у него простая:
чтоб больше я не писал.

И сей стихотворец-сальери
сумел бы и вовсе съесть
меня, уж скольких съели,
не смог — помешала смерть...

2006

РЗАЙ

Жизнь он чувствовал глубоко,
мыслию взлетал орлом.
Рзай наш был поэт от Бога,
тайно выжженный огнём.

Тайно выслеженный другом,
как кулацкий сын, звонарь;
на всю жизнь он был запуган —
как и, впрочем, вся страна.

Но никто не раскулачивал:
видно, кончился сезон.
Рзая изнутри раскачивая,
чудный в нём родился звон.

Но другой «сезон» у власти
на носу, и каждый раз
Рзай наш подавляет страсти.
Только так себя и спас.

Видя подлость и безвкусию,
он влагал в нутро стиха
и безгрешность безыскусную,
и застенчивость греха.

Не терпел он самозванства,
знал, что сам совсем другой,
что поэтом называться
может гаврик не любой.

Проводя его в могилу,
я увидел: наша власть
Рзая в путь не проводила,
помогла упасть, пропасть.

С юных лет почти до гроба
содержав под колпаком,
без речей, без некролога
хоронить велел обком...

2006

* * *

Был мерзопакостным наш прошлый век.
Уж есть приметы — этот будет хуже.
Людей, ресурсы жрать ещё живей
он станет, всем придётся много туже.

Причиною однополярный мир.
К господству мировому он стремится.
И во главе, как правило, — семитство,
что пахнет Третьей Мировой, пойми,

где облучимся, где дотла сторим...
Иль вновь прольётся кровь неудержимо
и установится режим, что несвержим,
что пострашней чекистского режима.

Уже не будут вешать чад мятежных,
расстреливать лишь будут и взрывать,
играясь в демократию потешно.
Не дуйся — демократия права.

И скажем на том свете: нас сварила
история в котле, где кровь и грязь,
где вместе, обречённые, сварливо
кусались мы, всё рядышком варясь...

2006

МАНКУРТЫ ВЫ...

«Мы, русские...» — любимый вами трёп.
Татарством брезгуя, латышество круто
отринув, вы придумали хитро:
«Мы — русские...». Вы русские? Манкурты.

Ахата дочь, когда ты стала русской?
Сын Гангнуса, когда ты русским стал?
Вы оказались в промежутке узком:
не принимает вас ни тот, ни этот стан.

Манкурты вы, примазались к величью
славянской музыки, про свою забыв.
Укоренились в вас повадки лисьи.
Есть злоба в вас, нет добрых чувств святых.

Другой ваш трёп — о чистоте души.
Скажите, о какой такой душе вы,
бездушные и хитрые, в тиши
заморской распинаетесь так щедро?

2006

ЕВТУШЕНКО

По Гангнусу тоскую (Евтушенко),
как будто он и есть надежды свет.
Про сахар он писал и про тушёнку,
когда не стало их в его Москве.

Он жаловался... А потом узнали,
что за бугор любимец укатил.
Всего там, видно, вдоволь: мёду, сала...
Он укатил творить, набраться сил.

А мы остались здесь же... Мы в России
привычны и без сахара пить чай.
Мы также и тушёнки не просили, —
без хлеба не остаться б невзначай.

Иль без картошки... лебеды... без соли...
Уж вот тогда — хана, тогда — конец:
не запоёшь ни группую, ни соло
хвалу советской власти наконец.

Его стихи читал лет сорок с лишним я.
Притворщик. Лицемер. Всю жизнь — пострел.
Теперь сей господин, для лжи родившийся, —
музейный экспонат... Он устарел.

2006

* * *

Что больше славы? Совесть, стыд, конечно.
Стоял на том, на том всё и стою.
Тем, кто бубнит, что мысль моя копеечна,
я двуязычно отповедь даю.

Кому в особенности лавры снятся?
Тому, кто так бездарен, но нахал.
Хотят все славы, все за ней гоняются, —
нет совести, стыда у тех, кто хам.

Таких вот уйма и в литературе,
а особенно — с музами где связь.
Порою статуя — литая дура.
И что ж? Они не прочь все ею стать.

Ещё не умерли, а нужен памятник.
При жизни ждут — с ума сошли совсем.
Все рвутся — кто мошенник и кто пакостник.
На пьедесталы рвутся все со сцен.

Не знаю я, где мне могилу выроют.
Наверно, в Татарстане, где мой дом.
Что больше славы? Совесть с честной лирою.
Стоял на том я и стою на том...

2006

ДЕВЯТИДЕСЯТНИКИ

Вы — потерянное поколение.
Вы потеряны для всей страны.
К наслаждениям, праздности стремленье
исказило в душах ваших сны.

Нелюбовь к труду, любовь к деньжищам,
добытым без честного труда,
непочтительность к другим, к их жизням —
это подлый вражеский удар.

У вас есть ленца непочитанья
даже к матери родной, отцу.
Может перейти она — читал я —
даже в похоронную ленцу.

Девятидесятник не читает.
Девятидесятник не поёт.
И сплясать не сможет ни черта он,
пьёт и жрёт, куражится, блюёт.

Глохнет он в поповщине бездарной,
нищий духом, нравственный урод,
позабыв о песнях легендарных,
кои помнит, любит весь народ.

В девятидесятниках нет веры.
Нравственно убитые, любить
и надеяться они, наверно,
просто не сумеют, стало быть.

И пишу кому и для кого я?
Ведь невежеству стихи — ничто.
Я свободен, без друзей, конвоя.
Я свободен, не карябать чтоб...

2006

* * *

В Чувашстане эмир благородно
поступает — не делает зла:
где так много поэтов народных,
а поэзии нет, умерла.

Были, были у нас всё ж поэты!
Сеспель, Прга, Рзай, Атнакӑл, Айги...
Смотрят грустно сегодня с портретов,
как ни смотрят — не видно ни зги.

В тьме кромешной возможен ли гений?
И как скоро наступит рассвет?
Что хранится в теперешних генах:
зло, добро? Иль добра уже нет?

Без добра нету жизни, поэзии.
Нет поэтов теперь, есть шпана.
Чувашстан не воспрянет, в нём если
будут те же пестреть имена.

Я считаю себя всё ж поэтом,
не «народным», кем, бог упаси,
мне не быть, и уверен я в этом.
Я — поэт Чувашстана, Руси...

2006

ОШИБКА

Говорят, что тогда мир кипел бурно, дико,
план захвата Москвы был готов уж вчерне,
всё равно счастлив, что чувашом уродился
при совдепии строгой в прекрасной стране.

Возрастал я в войну, в мраке послевоенном,
но остался живой, еле-еле живой.
Беспрерывно дрожа, были ночью и денно
пред голодную смертью — хоть хнычь ты, хоть вой.

Но не это меня унижало, губило.
И не то, что я был весь в лохмотьях, в лаптях.
«Прочь, чувашин слепой!» — окрик был, то убило
уважение к русским во мне, как и страх.

С ранней юности стал презирать я всё русское,
а когда вдруг узнал, что прабабка моя,
баба Дарья, была из села Енорускино,
была что ни на есть стопроцентно майра,

понял, что ошибаюсь: не в русских причина,
а в наследии прошлого... А вор-пахан
был мордвин, но шатался под русской личиной.
А потом я узнал, что мой пращур — тархан...

2006

* * *

И Шамиля убили... Всех убили...
Чечения осталась сиротой.
Одно ворьё жирует — псы-дебилы.
Народ чеченский стонет под пятой.

Другой Шамиль, царя почётный пленник,
был оценён достойно, не убит,
царёв поступок и его — нетленны
в согласии друг с другом и любви.

Не нравится мне слово «уничтожен»,
не надо никого уничтожать.
Тот, кто толкает к этому — ничтожен.
Не ликовать он должен, а дрожать.

Ведь лишь Шамиль убит, а не идея.
Идею, дух свободы, не убьёшь.
Убийца главный, жалкая затея
твоя мертва, ты скоро сам умрёшь.

*10 июля
2006 года*

* * *

Памяти Зелымхана

Все, все убиты, нет ни одного,
который б жив остался в эти годы.
Всемирному Хозяину в угоду
был поднят дикий истеричный вой.

На их Свободу целая армада
обрушилась (мерзавцев, подлецов!),
их одолела всё ж в конце концов
и ныне беззаконию так рада.

Ей кровь и слёзы, смерть — как смех, отрада.
С душою мёртвой, страшная беда
висит над миром — миру не видать
свободы духа в тьме земного ада.

... Они держались до последних дней —
мои друзья, кумиры и герои.
Теперь в раю свою державу строят
растерзанные тени, круг теней.

2006

* * *

Горько на душе, но тихо в роще,
чутко к шорохам прислушаться изволь.
Пелось многое мной — и хорошее,
и плохое, ну а выпелась боль.

Больно же, люди, ох как больно
видеть как мы стали все срамны,
видеть как злорадно и упорно
разлагают молодёжь страны.

Гибнет, гибнет наше будущее,
ведь погибнет — не будет его.
Всё равно лечу не водкой душу я,
в рощу ухожу от всех тревог.

В роще славно, мирно в этой роще...
Тихо... Утихает в роще боль.
Только о хорошем, о хорошем
думать и мечтать, душа, изволь.

Ведь и не такое мы видали.
Били нас тогда сто раз больней.
Быют теперь — но выдержим удары.
Мы прочней их, мы сильней, умней...

2006

* * *

Был же светлым и ласковым май.
Свил же гнёздышко дрозд — не снимай.
Дать дрозда не спеши — не ругай,
не печально глаза подымай.

Знаем мы, мерседес — не трамвай.
Ты, когда говорю, не встревай.
Я во гневе так грозен, ай-вай.
До свиданья, ушёл я, бывай.

Ясно, ад ведь никак уж не рай.
Впредь словечки ты всё ж выбирай —
и в аду жить мне чуточку дай,
с панталыку совсем не сбивай.

Помним: школа — дворец, не сарай.
Я воспел её с радостью, знай.
Будем петь «Школьный вальс», запевай,
не печально глаза подымай.

Харакири, я не самурай.
Я жалею себя — не взывай.
Если вру, бог, меня покарай
и возьми к себе в рай, только в рай...

Сениэль я, а не Казанбай,
не, как этот пиит, разъебай.
Время, время, всем спать, всем — бай-бай,
не печально глаза подымай...

2006

* * *

Тебе я не люб, соплеменник.
Чуваш чуваша не уважит,
охает его непременно.
Не дружные люди — чувашаи.

Всегда неподкупен мой голос.
Не верите вы его пользе.
Терпя весь свой век холод, голод,
не льстил, извиваясь, не ползал.

Пока жив-здоров, не убит я.
Лишь друг мой, не сладив с судьбою,
от вашей смертельной обиды
покончил в пылу сам с собою.

Не смог оказаться я возле.
А вы осмеяли, ругая,
когда он был жив, ну а после —
совсем песня ваша другая.

Но это ж двуличие, люди.
Зачем вы нас губите, люди?
Любители сплетен, наветов,
вы скольких убили поэтов...

2006

ВЕЛИКИЙ ЮНОША

Ему всё — двадцать два... Из дальней дали,
став юношей великим всех времён,
презрительно взирает на медали
и ордена людей — пустых имён.

Пустые имена плодятся густо,
когда авантюристы и шпана
Россией правят и орут стоусто,
что расцветет свободная страна.

Шутам гороховым, комедиантам,
обслуге банды, правящей страной,
даются звания, награды к датам,
дорвавшимся до власти сатаной.

Ни уважения, ни пиетета
к себе «элита» не внушает, нет.
Бездомно, беспризорно плачет детство,
а юность гибнет столько лет в Чечне.

И молодость, и старость непотребно
ведут себя и тонут в нищете.
А те, кто шарлатан, снуют победно,
воруют и жируют между тем.

А в Чувашстане нагло торговали
великим именем — какой позор!
И Сеспель, видя всё из дальней дали,
брезгливо отворачивает взор...

2006

* * *

Как дьявол сумел под Христа обрядиться,
сумел и засел в старом русском кремле,
воскресла двуглаво поганая птица,
и стало темно на российской земле.

Нельзя спать иль нить в это смутное время,
нельзя говорить «не хочу», «не могу»,
нам вместе нести наше тяжкое бремя,
нам вместе готовить отмщенье врагу.

Отмщенье, родные, отмщенье, держитесь!
Пусть грянет отплата — священная месть.
Свободу и честь каждый дом, каждый житель
добудет, восстав. И свободу. И честь.

Скорей просыпайтесь, внимлите, все к цели
спешите быстрее — враг на нашей земле.
Все — к бою! Чтоб в нём автоматы пропели
победы салют в старом русском кремле!

2006

* * *

Будто вчера мы простились у школы,
жизнь пролетела как сон.
Буду скоро, очень уж скоро
в дали времени унесён.

Думал, мечтал, подрастая, мальчишкой:
стану мужем своих времён.
Вижу сегодня: я, как мелочишка,
жалко звеню средь великих имён.

Может, еще наберусь я силы,
выдвинусь и уйду далеко вперёд,
чтоб не памятник соорудили,
а сказали: он твой, народ.

Нынче, в таком же жалком виде,
во грустнейший впадая тон,
на судьбу я в глухой обиде,
будто судьба виновата в том.

Верю, проживу ещё на свете,
и не клином сошёлся свет.
Верю, что пока — в расцвете.
Верю, что я поэт. Поэт.

2006

* * *

Страшно... Всё в нас будто разрушалось...
И война, и тень крыла войны
убивали милосердье, жалость.
Были мы жестокости полны.

К супостатам внутренним и тайным
ненависть бессильная была.
Тайно нас и брали, и пытали.
В душах стыли обморок и мгла.

Жили мы под страхом новой казни,
вживе умирали сотни раз,
всё же в душах, вопреки боязни,
искра неприятия зажглась.

В пламя превращаясь, наша искра
мужество, любовь вернула к нам.
Сталинисты хуже, чем фашисты.
Жизнь при них не жизнь — дурдом, бедлам.

2006

* * *

Здравствуй, ночь беспросветного мрака!
Как мне сумрак души превозмочь?
Остаётся молиться иль плакать,
зная, что скоро — вечная ночь?

Умереть — раствориться в природе.
Умереть, чтобы жить без конца:
при любых горестях и погоде
будоражить умы и сердца.

Подними ты меня, вдохновенье,
до высот, где есть свет, нету тьмы,
где не знаем ни зла, ни смиренья
в поединке соперников мы.

И бессмертье забвенью оборет —
и дорогу, и силы найдёт,
потому умиранье любое
у творца воскресеньем взойдёт...

2006

* * *

Тоска гложет. Снедает тоска.
Жизнь такая бесцветна, тускла.

Жизнь такая — с отравой смесь.
Жизнь такая — не жизнь и не смерть.

И висит она на волоске,
в неизбывной сгорая тоске.

А давно ли я был в вышине
весь в земном и небесном огне.

Был свободен, как солнце и ветер.
Были свет моя песнь, мой привет.

А теперь в мглистых сумерках мук
я в предчувствии новых разлук.

Я в предчувствии, что я умру —
что я в смертной тоске и сгорю...

2006

ЛЕТОМ

Хоть я и в смятенье душевном,
хоть сутью как пламень и лёд,
живя как святой, как отшельник,
собрался всё ж в вечный полёт.

Ах, старость, за мною ты вволю
гналась неотступно вослед.
Я молод, и в старости молод —
в мой самый последний расцвет.

Хочу надыхаться я лугом
и лесом, свет чувств воскреся.
Мы, лето, так любим друг друга,
что, друг, и помыслить нельзя.

И вспомнится юности лето,
что с солнцем и с вспышками гроз.
Но я не ослепну от света,
но я всё ж устану от слёз.

Хоть плачь, хоть не плачь, на исходе —
все знаем — конец настает
всему, навсегда... И уходим
мы в вечный, в последний полёт...

2006

* * *

Знал, что я мечен, что невечен.
Жил сам в себе, не напоказ.
До гроба с музою обвенчан,
в душе луч света не погас.

А жизнь, гляди, всё длится, длится.
Не обманула жизнь меня,
и счастье моё — жар-птица —
мне сердце радует, звеня.

Я счастлив, что поэт. Я верю
в мечту о лучших временах,
имею к лучшему доверье
в тоске, в надеждах и во снах.

Пусть тихие пою я песни,
пусть голос мой не громовой,
служить бы верно правде, чести
до самой крышки гробовой.

И сожалеть тут нет причины,
ведь было выдано сполна
любви, веселья и кручины,
и даже водки и вина...

2006

* * *

Ложатся тени, призрак тает...
Я столько отдаю огня
тебе, о муза, о святая,
бери, не отвергай меня.

Несу, как дань, живую душу
тебе одной, как никому.
Твоё признание и радушьё
со светлой радостью приму.

В тебе есть что-то человечье —
встаёшь, раскачивая дом,
и, видно, прижилась за печью
надёжно, как всегда, притом.

В душе — приятная истома.
Ночь ворожит, поёт петух.
Все звуки, сны родного дома
твой ловит, муза, чуткий слух.

А в небесах горит звезда
не от любви, не от обиды.
Ещё мы живы, не убиты,
убьют — воскреснем навсегда...

2006

* * *

Есть много разных славных дел.
Творцы их славны и прилежны.
Из тех я, кто не заболел
проклятой звёздной болезнью.

Господь, знать, разум уберёг
от затемнений, уклонений.
А злые страсти и злой рок
увидели, что я не гений.

И потому теперь всегда
мне через щели дома видно,
как в небесах горит звезда
не зло, не строго, не обидно.

Пуускают пусть дурной слушок,
шипят, как в бабьих пересудах,
мой ум за разум не зашёл,
нормально действует рассудок.

Гори, звезда, гори, гори,
твой свет для сердца так полезен,
всем людям добрым говори:
не болен звёздной я болезнью...

2006

* * *

Каким я был? Учти, потомок,
учти и никому не верь.
И деликатен он и тонок
вопросик сей, но не подонок
я был, ты по стихам проверь.

Каким я был? Не скажешь сразу,
а скажешь, то ведь лишь слова.
Не предавал всю жизнь ни разу.
Любил Тамару я, заразу,
любил, и даже целовал...

2006

* * *

Тебе я смог бы счастье дать,
обрадовав счастливой встречей.
Смогла б меня ты вечно ждать,
любить, ко мне стремиться вечно?

Жизнь разделить со мной, а смерть
тому, кто первым был, оставить
и разлюбить его посметь,
себя забыть о нём заставить?

Не он твой настоящий бог.
Идя по новому ты кругу,
узнала б вечную любовь,
не только — вечную разлуку...

2006

МОЛОДОМУ АВТОРУ

Кто быдло и кто чернь? Скажи, ответь ты.
Ты над толпой убогою стоял.
Быть эгоцентриком, сверхчеловеком
я в страшном сне и то не помышлял.

Их человечками прозвал ты ложно,
духовно скудными всегда считал.
Любить себя, конечно, можно, можно,
но не настолько, чтоб ты одичал.

Стоять решил когда-то, соизволил,
ты по ту сторону добра и зла.
Позволено ли? Нет же, не позволено!
Ни лжи, ни правды... Бденья нет, нет сна...

Так не бывает! Ты не бог, красавец,
стихийный гений; попросту — лжебог.
Как погляжу поглубже, ты — мерзавец.
Не «быдло» и не «чернь», ты сам — убог.

Я сильно сомневаюсь в твоей честности,
таким манером имя не создашь.
Дерзания твои все и все дерзости
и выкрики — дешёвый эпатаж...

2006

МИР ПОПСЫ

Как шабаш нечисти он в полночь.
Попсы мир — это мир поганый.
Там — грязь, вторичность, бездуховность,
диктат и рыцарь чистогана.

Безликих множеств он скопление.
Нет истинных в нём свойств и качеств.
Талант подвергнут оскоплению,
иль вообще отвергнут начисто.

В разлитом в том мире, боже,
её штампуют и штампуют.
Есть короли тут, есть и боссы —
раскрутят круто бл... любую...

2006

* * *

Бывает так: ты мёртв, умолкло время,
и, кроме бога, не с кем говорить
ни о душе, ни о стихотвореньи
и ни о том, что страшно жизни бремя
и нету больше сил его влачить.

Но бог уходит и к себе он манит,
сулит за светом — тьму, за ночью — день.
И не осудит нас, и не обманет
за то, что мы когда-то с ним в тумане
избрали сами эту светотень.

Избрали зло как путь самопознания,
законом сделали разбой, борьбу.
Знакомые с безмерностью страданий,
мы знаем ужас наших испытаний.
Его мы не забудем и в гробу.

Стучит незримый маятник всемирный.
Летят миры по страшному пути.
Ты, только ты, могучий и всесильный, —
мой бог! О, бог, не уходи, незримый!
Уходишь ты... А мне куда идти?

2006

* * *

Верю, что мне счастье
снова улыбнётся —
всё, что было в жизни
радостью вернётся.

Но в пути, пройдённом
мною безвозвратно,
рок душе был выбран
кем? Мне непонятно.

Я грешил, страдая,
плакал и стремился,
чтобы дух мой вольный
высоко хранился.

С трепетом я слушал
праведные речи.
Я влюбился в бога,
в смерть — как в радость встречи...

2006

* * *

Не жаль — любя любовь, забыл тебя.
Не жаль — скорбя о том, не буду счастлив.
Другие трубы мне теперь трубят,
взывая в тризнах принимать участие.

Звезда зажглась, вечерняя звезда —
не слёзы ли мои в её мерцаньях?
Не я ль ушёл скитаться навсегда —
звездой скитаться вечно в звёздных далях?

Пылится пылью звёздною тоска.
Не скорбен, счастлив я с моей тоскою.
Не нужно обещать, меня искать.
Не здесь я и не там, нигде, не скрою.

Но возглас боли, слабый крик тоски
и страсти поздние в мечтах рассветных
пребудут, знать, до гробовой доски
как сказка жизни и как знак заветный...

2006

* * *

О, день! Свод небес голубой!
Не хмур я, не груб — бог с тобою! —
своей я доволен судьбой
и поздней мечтой голубою.

Такая она голубень —
мечта моя! Нежно и страстно
плывёт наверху, её тень
и та — с голубою окраской.

Сгорая в житейской тщете,
люблю воркотню голубей я,
люблю предаваться мечте,
что всё голубеет, глупеет.

Нет туч над моей головой.
Меня не пугает разлука.
Судьба — голубая голубка
и праздник она голубой...

2006

* * *

Проходит, остывает страстный пыл
не разделяемых ни с кем мучений.
Покой и тишину я полюбил,
поняв, что ныне невозможен гений.

Он, гений, как бы и не человек.
Он есть нечеловек с презрением могучим
к бездушным и ничтожным. И свой век
отдаст борьбе за правду — песням жгучим.

И посети он нас в последний раз,
нас с подлыми и глупыми сердцами,
сказал бы: «Мне так душно среди вас,
что чувствую, что я давно не с вами...»

2006

ЮНЫЕ ПИИТЫ

В снах лирических безумных
судорожно и маниакально
изливаемся бездумно —
странно всё, но музыкально.

Увлеченье иль влеченье?
Крутимся мы по окружности.
Как подводное течение —
силы наши и недужности.

В беге круговом мы мчимся.
Бездна перед нами всеми.
В урны мы ночами мочимся —
чёртово отродье, семя.

Так мы вольно и мятежно
к недругам злость проявляем.
Как напьемся, безутешно
плачем, плачем и... гуляем.

Без любви мы в сексе любим —
отроки и отроковицы.
И друзей меняем люто
как перчатки-рукавицы.

В снах тревожимся мы ласками
судорожно и маниакально.
Ужасом, безумьем, сказками
души стонут музыкально...

2006

* * *

Печаль. Уж догорел закат.
Печаль. Почти не стало света.
Внизу светлеет лишь река.
Печаль моя в туман одета.

Есть у меня своя звезда —
мысль высоко всегда витала.
Уйду. Бесшумно. Навсегда.
Забудут. Пусть. Исчезну в даях.

Уже зажглась она, зажглась!
Зажглась звезда моей печали.
Как надо мной жестока власть
любви, что поздно повстречалась.

Лежит как камень на душе.
Лежит, никак с себя не сложишь.
Ведь ты ушёл, и ты уже
любви принадлежать не можешь...

2006

* * *

В душах наших светочи погасли.
Мы теперь кто — жертва, кто — палач.
Жить на свете стало так опасно,
что жизнь наша — страх сплошной и плач.

Леденеет кровь моя от страха.
С чёрного на белый цвет волос
я меняюсь... Тихо плачет плаха...
Подлое пророчество сбылось.

Онемел я, онемели губы.
Безголосым стал, застыл и взгляд.
Воют трубы плача. Эти трубы,
говорят, архангелы трубят.

Так трубят, что никуда не скрыться.
Вьётся в никуда моя стезя.
Льётся кровь, убийца бьёт убийцу.
Льётся кровь, кровавая слеза.

Что нам делать, коль на белом свете
стали современниками зла?
Льётся кровь и чёрной метой метит.
Метит — метам этим нет числа.

Может быть, пока ещё не поздно,
встанет тот, чей светоч не погас,
встанет мститель новый бурно, грозно,
отомстит за всех, за всё как раз?!

2006

* * *

Образ человека стал «харизма» ныне.
Экое противное словцо!
Имидж, рейтинг... тьфу! А где родные,
коренные? Где своё лицо?

Саммит... Тьма других, противных столь же,
сколь противна и сама среда,
коя русское всё изничтожить
рада бы до божьего суда.

Ваши суд и правда — слуги злата —
издавна неправедные — ложь.
Воры вы, наперсники разврата.
Сотни лет вам весело жилось.

И теперь вот вы вернулись снова,
начали ломать комедь с конца.
Но есть божий суд. Есть божье слово,
слово не для красного словца...

2006

* * *

Эмиграция из языка
подкузьмила здорово пиита.
Бросил свой — в чужом приют искать.
Кто он есть? Иуда не иуда.

Он решил: «Чувашский нехорош
из-за малочисленности нашей;
в саммиты, в парламенты не вхож;
не сварить нам никакой с ним каши.

Только в деревнях он и звучит,
а деревни вскоре все исчезнут;
русский лишь опора мне и щит,
если здраво рассудить и честно.

На весь мир смогу я прогнать...»
Вот как бредил «гений», вот как сбрендил.
Перестал с ним дела я иметь,
коль родной чувашский в нём в запрете.

Добивался друг, искал удач,
но постигли крах и неудача.
Растерял себя он, так чудача,
не решил поставленных задач.

Эмиграция из языка
здорово же подвела поэта.
И поэт стал непоэт — вот как.
Поучительно, плачевно это...

2006

* * *

Хотелось бы, безвременно сгорая,
увидеть молодость, которая — вторая,
которая — не смерть, а жизнь — навек.
Хотел бы молодеть я, умирая,
и в песнях стать моложе и новей.

Ни в вёдро я, друзья, ни в непогоду
не сторонился моего народа
и не заигрывал с людьми, с судьбой.
Ах, как бы в песнях, славящих свободу,
остаться мне хотя б одной строкой...

2006

* * *

О, многоликая, как ты неуловима!
Тебя не удалось догнать мне никогда.
Я многим говорил «моя любимая»,
наивно думая, что это навсегда.

Злодейкой сказочной менялась ты коварно,
как будто кто заманивал тебя.
И сам я столько — по одной, попарно —
заманивал, клал даже под себя.

Но хлопотно любое наваждение.
Когда бывало просто, без хлопот
кота и кошечки сладкоголосопенье?
Как вспомню, стынет сердце, льётся пот.

... Давно не молод, чтоб я верил в сказки,
но мнится мне, что вновь моя — в толпе.
И знаю ведь: конечно, это — маска,
но сердце, но душа всё продолжают петь...

2006

* * *

Я торопился жить. Года летели.
Я, может, был последний сын земли,
не знающий владеть умом и телом,
но знающий ловить мелодию молитв.

И под неё мне скучно было тлеть.
Я бешено горел тем островком ненужным
опасного огня, что чуял смерть,
которую друзья готовили мне дружно.

Не удалось поставить на колени!
Горящая душа спасла крыла,
знать, оттого, что я — немножко гений,
спасла и мощно в небо подняла.

Прости, не каюсь, руки заломив,
о, жизнь, что не владел умом и телом.
Я жил, ловя мелодию молитв.
Я торопился жить... Года летели...

2006

* * *

Не знал я что такое аура
и мир потусторонней истины...
Шёл в юности дорогой странною,
целуясь временами с мистикой.

А юность она и есть таинство.
И юноша, в нём пропадаючи,
в свет ауры попасть пытается,
хоть он и не страдает падучей.

А юность она и — романтика.
Романтика — душа крылатая,
девчонка в светлых белых бантиках,
любовь, которая нам душу радует.

Не стёрла юношеская мистика
ни разум мой, ни дуновенье-ауру.
Не убежала прочь и истина.
Гуляет где-то зло — день траура...

2006

* * *

Уж поздний вечер, темнеет в поле,
чуть светит небо, златеет рожь.
Душа вся в скорби, душа вся в боли.
О чём тоскуешь, куда бредёшь?

Темно и тихо. Куда мне — смело?
Чего мне надо? К кому успеть?
Душа от смерти уйти сумела.
Душа сумела отринуть смерть.

Любовь — зараза. Любовь — бездушие.
Любовь — проклятье. Обман — любовь.
В грядущем станет она получше,
а в настоящем — лишь скорбь и боль.

Ах, оттого-то темнеет вечер,
не светит небо, лес глух и дик.
Ах, оттого-то страшусь я вечно
земной любви, бреду один...

2006

* * *

Срок мой проходит полным ходом.
Мне всё-таки узнать охота:
неужто был я дон-кихотом,
впустую жизнь прожил в миру?
Бренчал не так своею лирой,
пел безнадёжно в мире сиром
и, чтоб рассеяться над миром,
бесславно, тихо я умру?

Как странно, что в итоге пыль я...
Быльём чтоб поросло всё, был я,
терпел невзгоды и насилья,
теряя всем обидам счёт?
Как страшно, что среда-вселенная,
как будто бы и совершенная,
рвёт грубо с нами отношения,
ничто не ставит ни во что.

И дальше так же не изменится
ход бытия — но я извериться
в том не хочу, что в небе стелется
Путь Млечный, душу вдаль маня.
Хоть и прожил я жизнь бездарно,
не очень умно и вульгарно,
душа не хочет, как ни странно,
бескрылым оставлять меня...

2006

* * *

Ты не стала моею судьбою.
И прошло моё счастье мимо.
Я и ныне люблю, ты любима,
вспоминаю с сердечною болью.

Не виню, и меня не вини ты.
Я твой первый, минувший и дальний —
ранних трепетных светлых свиданий
юный принц и поэт именитый.

Мы друг другу всегда доверяли.
Мы любили светло и открыто.
И надежды — светлы, не разбиты.
И высокими были печали.

Без обмана, без лжи, без сомнений
наше юное время летело,
но менялась душа наша, тело,
принося нам ряд сверхзатруднений.

И тут поняли мы вдруг однажды:
голубым мир быть вечно не может.
Стать бы нам и разумней, и строже,
но мы стали... мы беса возжаждали...

2006

* * *

Когда кончается любовь,
становится девицей фея,
и мёртвым холодом повеет
от вымученных ею слов.

Мертвы остывшие слова.
Мертвы надежды и желанья
и душ взаимопониманье.
Но в том я разве виноват?

Не сосчитать в который раз
любовь моя так умирает,
в ад возвращается из рая,
жизнь подаёт мне без прикрас.

Иль унести её с собой,
куда не раз других носил я,
чтоб там душа отголосила
любви такой за упокой?

От вымученных мною слов
глаза становятся сухими
и память не тревожит имя,
когда кончается любовь...

2006

СЕВЕРЯНИН

Друг дорогой, кабальеро,
милости просим — в фазенду!
Шляпу сюда вот — сомбреро, —
всё... не позвать ли соседку?

С грацией словно фламинго,
дура она, почти дура,
но обожает Доминго,
любит и литературу.

Лезет порою в политику,
но не становится подлою.
Ставлю муската поллитриху,
чаши поднимем мы полные.

Знойна она как гитана,
вспыхнет пусть пляс-хабанера —
праздником общим пусть станет
праздник поэта-грезера.

Музыка муз! Аллегретто!
Жарь, мандолина! Мы в танце
вспомнили все пируэты.
Все! Ни один не остался...

Знойные страсти, эксцессы,
друг дорогой, кабальеро,
грозны у нашей принцессы...
Шляпа вот ваша... Сомбреро...

2006

* * *

Те, кого я когда-то любил,
где-то бродят иль нет их на свете.
Жизнь не мила мне и свет мне не мил,
люди есть, но — увы... но не эти.

Люди есть, но вот люди ль они?
Как же к тем, дорогим, мне вернуться?
Вопрошается так искони,
без любимых дойдя до безумства.

Вот стою на краю, покоряясь судьбе,
и стою вроде как умирая.
От тебя ль отошёл или шёл я к тебе,
Дорогая Моя, Дорогая?

Неизбежной была ль безысходность разлук,
Милая, Гостя чудных мгновений?
Встречи были для нас как букеты сирени.
Муки были для нас как блаженство от мук.

Никуда не уйти, всё случится в свой срок.
То и сбудется, что предначертано свыше.
Хоть дано иногда нам глас божий услышать,
не дано отменять нам развилки дорог...

2006

* * *

Я не чужой, я не чужой!
Ведя бессмысленные речи,
я очень рад случайной встрече,
тебе принадлежу душой.

Скрывая радостный оскал
слюнявой и зловонной пасти,
огонь колючей, пылкой страсти
в тебе лукавый разжигал.

И вихрь безумных клятв и слёз,
смешав глаза, дыханья, губы,
тогда, в экстаз ввергая грубо,
нас в бездну времени унёс.

О, женщина, святая плоть,
ты не грешна необратимо,
давным-давно тебя простил я,
не только я, простил господь.

Как в жажде, я к тебе приник.
Тебя мне возвратило небо.
Благословенна эта нега
на краткий век, на вечный миг...

2006

* * *

Ты, распутная как Магдалина,
говоришь, что выдохлась, устала.
Хоть история безумств и длинная,
только падшею всё ж ты не стала.

Для меня невинная ты грешница.
Ты судьба. Не похоть ты минутная.
Тешатся тобою, скромной, тешатся,
думают, что девка ты распутная.

Светлою жила ли ты, не знаю,
тусклою жила, как тень той девки.
Ты не призрак, очень ты земная.
Падшей всё ж не станешь ты вовеки.

Я в тебя на склоне дней поверю.
Страхи и сомнения забуду.
Думаю, что не ошибся дверью.
Думаю — с тобой счастливым буду.

В очи я гляжу тебе, в живые,
наклоняясь тихо к изголовью.
Полюбил тебя я как впервые,
хоть зовёшься прошлой ты любовью...

2006

* * *

Молода, к себе зовёт,
я вот не иду, я против.
Нету бабы — нет забот,
нет терзаний глупой плоти.

Речи сладкие как яд.
Пью и не могу напиться.
Хвалят, тут же и корят.
Рвётся сердце синей птицей.

В пропасть падает комок
никому ненужной грязи.
Все мы знаем, что есть бог,
плачем в неземном экстазе.

Я, усталый от земли,
всё ж пройду свою дорогу,
хоть её и замели,
чтоб я не дошёл до бога.

Одиноким был мой путь
на земном пути убогом.
Бабу брошу, помолюсь,
может, и дойду до бога...

2006

* * *

Когда — любовь, зачатые — непорочно
хоть днём, хоть вечером, хоть ночью.
Оно и свято, как бывает свят
благословляющий его Небесный Взгляд.

Божественное — как награда
тем душам и спасает от распада
те души, охраняя их от зла.
И кажется им, что любовь спасла.

На суть обрушивая неизбежность,
немыслимую насылает нежность
на них любовь, так как любовь есть бог.
Не любящий и смертен, и убог.

Любовь божественная лишь бессмертна.
И добродетель в ней царит бесменно.
Рождённый от любви быть должен свят.
Благословил его на жизнь Небесный Взгляд...

2006

* * *

Тамаре

Прости, что был я первой песней,
измену я тебе прощаю.
Пред неминуемую бездной
обида выглядит печалью.

Не плачь. Года умчались в пропасть,
виски помазав белой краской.
Была, как самый светлый образ,
ты самой вешней и напрасной.

В лицо — снежинок изобилье,
как лебедей убитых перья.
Хоть не одну тебя любил я,
но только ты навеки первая.

Луна другая нынче светит,
снежок иной кружится, тает.
Уже стареют наши дети.
Не снег над нами, грусть витает.

Прости, что был я снова грубым.
Знать, не судьба, поставим точку,
хоть буду снова юным, глупым
и одиноким этой ночью...

2006

БЛУДНЫЙ МУЖ

Я Ваш усталый, скорбный взгляд
гасил стаканом горькой водки.
И жёг мосты, топил я лодки,
чтоб не было пути назад.

Порвал я с Вами узы связи,
чтоб стал свободным мой полёт.
И что же, я летел вперёд?
Да нет, валялся в лужах грязи.

Я уходил от всех затей
и шёл дорогою любою.
И вновь, и вновь я звал любовью
чужих, враждебных мне блядей.

Идя от Вас, я отдалялся,
забыв про Вас, забыв свой дом,
но с каждым часом, с каждым днём
к Вам неизбежно приближался.

И стало скучно мне смертельно
жизнь прожигать от Вас вдали,
о, дорогая Натали!
В душе и вьюжно, и метельно.

Когда б и дальше так скучал я,
тогда б не встретил Вас сейчас.
Конец всему, и в этот час
мы начинаем всё сначала...

2006

* * *

О как давно исчезла дурь
невинных трепетных свиданий!
И нету ожиданья бурь,
страстей безумных ожиданья.

Я завершаю славный круг.
Я славлю эту дурость юных.
В ней нет греха. В ней светлых мук
звучит оркестр многострунный.

Нет ада в ней разврата грёз.
Иные там блуждают грёзы.
И воскрешая светом слёз,
любовь не омывают слёзы.

Не ложь глаголят в ней уста.
В ней, плача юными слезами,
доверю вновь своим перстам
упиться юными стихами.

Я жду, примите же меня,
ведь детство принимает юность.
Вдоль тела руки урона,
стою... стою смешно сутулясь...

2006

* * *

Нет чего накануне чего-то,
накануне какой-то беды?
Нет паденья, нет, значит, и взлёта.
Есть болото, родное болото
бесполезной мирской суеты.

И хочу я спросить у кого-то:
накануне какой мы беды
залезаем всё глубже в болото,
где падение есть, нету взлёта
в круговерти людской маеты?

Мы живём накануне чего-то,
но живём в пасти страшной беды.
Трудно верить, что будут дни взлёта,
не допустит родное болото
кроме рынка другой суеты...

2006

* * *

Мерцающие звёзды!
Я жив, глотаю воздух.
Дышу я. Я не умер.
Не пепел и не пыль.
И это — грандиозно!
Я стою вас! Не поздно
мне слать свои мерцанья.
Я умереть... забыл.

Так что же всё ж тревожусь,
слегка волнуясь, боже?
Не я ли жить старался,
чтобы любить людей?
Как всё на всё похоже!
С печалью это схоже,
что жизнь свою я тратил
на глупости идей.

О том, как меня били,
живого хоронили,
не буду вспоминать я,
забуду о былом.
За всё, что было мило,
за всё, что вдаль уплыло
поплачу и забудусь
непьяным крепким сном...

2006

* * *

В моей несветлой жизни,
зовущейся мечтой,
поставить точку в чине
убогого — не то.

Возвыситься ль мне срочно?
Иль это звук пустой?
О, милая отсрочка!
Не торопись, постой.

Я знаю, божья милость
светлей, чем божий храм,
спасёт, что б ни случилось,
от болей и от ран.

Незыблема как вечность,
нисходит к нам светло,
и дух, и душу лечит.
Уютно с ней, тепло.

Крыла хоть и отвисли,
но дух не слабый мой
в моей убогой жизни,
зовущейся мечтой.

2006

* * *

Безумный и родной, ты — смерть,
о, мир, безоблачно прекрасный,
о, мир, возвышенно ужасный.
Ты был, ты есть и будешь впредь.

А я вот вдруг могу не быть.
Позволь побыть, позволь остаться.
Как жаль так глупо перестать мне
стихи писать, людей любить.

Я жить хочу как никогда!
Летит листва и воеет ветер.
Глухая ночь. Темно на свете.
А в небе лишь одна звезда.

Гори, гори! Горю и я.
Гореть так раньше не хотел я.
Как дороги душа и тело
теперь на грани бытия!

Не суетись, душа, не рвись.
Уйдём, пойми ты, невозвратно.
Уж коли доживём до завтра,
прекрасной будет дальше жизнь...

2006

* * *

Если я умру, не плачьте, дети!
Дети не мои, а дети просто.
Нет моих, нет — никакого возраста.
Нету их вообще на белом свете.

Если я концы отдал, не плачьте.
Коль откинул я копыта, умер,
не смогу попасть и заседать в госдуме.
Ведь, увы, не может быть иначе.

Если в ящик я сыграл, поверьте,
просто отслужил я и отверил.
Не считайте это вы потерей.
Вы себя на крепость чувств проверьте.

Не грустите, не убит над речкой,
нет дантесов у меня, забудьте.
Вы стихи читайте. Саму суть их
принимайте вы душою детской.

И я не умру, а это значит,
что не отслужил вам, не отверил,
что не жертва я и не потеря.
Вспоминайте вы меня, не плача...

2006

* * *

Весна была... сирень цвела...
Мне юность мило улыбалась.
Но скоро молодость подкралась
и в зрелость тихо увела.

Ушли, пропали навсегда
и детства сладостные слёзы,
и юности пустые грёзы,
и молодости светлый дар.

Своё я прошлое любя,
в ночь тёмную гляжусь устало.
Хоть быть ещё не перестал я,
в себе не узнаю себя.

Как было юно не гореть
весной, забыв, что есть и осень?
Но осень нас про то не просит,
готовясь славно умереть.

В тиши отеческих могил,
предавшись думам сокровенным,
любой из нас и непременно
хоть миг да пессимистом был.

Вновь ночью подхожу к окну.
Вновь чувствую я, что непросто,
нельзя мне избежать вопроса
«зачем?» и отходить ко сну...

2006

* * *

Кто ты? Вiniшь меня в душевной низости...
Всю жизнь вiniшь — с тех лет и до сих пор.
Какое право ты имел, чтоб вынести
такой безжалостный мне приговор?

Вiniшь меня ты и в бесчеловечности,
как будто знаешь всё-всё про меня.
И будешь, видно, обвинять до вечности —
до самого до Судного ты Дня.

Не смейся, ведь создатель приговора
самим рождением сам приговорён:
уйдёт и он, случится это скоро,
он обречён, он тоже обречён.

Не бойся, я прощаю твою скудость.
В неведении твоём ты плутоват,
что клонит голову седая мудрость
и стелет под ноги тебе путь в ад...

2006

* * *

Эй, чу... Замри... Ты слышишь песнь рассвета
и песнь небес — безмолвный светлый звон?
Всё в мире прах, незыблемо лишь это,
и наша жизнь не жизнь, а только сон.

Все лгут: слова и взгляды и движенья.
Что видишь и что слышишь — всё враньё!
И сонное такое искаженье
нам истину увидеть не даёт.

А истина не на земле, а в небе.
Ничто, никто не вечны на земле.
Всё упадёт, пройдя, в могилу, в небыль,
чтобы лежать, сгоря, как бы в золе.

И всё же пусть во сне душа томится;
хоть и всему на свете свой черёд,
но ей не важно что и сколько длится,
ведь ясно: всё пройдёт, всё пропадёт.

О пробудись, моя душа! Беспечно
не спи, проснись, гори и не остынь.
И, зная, что не смертна, а бессмертна,
гори — гори свечой в тиши святынь...

2006

* * *

Жизнь, говорите вы, любви длиннее.
Но жизнь ли жизнь, когда в ней нет любви?
В любой судьбе людской любовь имеет
главнейший смысл и так — всегда, увы.

А без любви нет смысла в нашей жизни.
И истина сия стара как мир.
Мы без любви потухнем и закиснем,
и душу живую потеряем мы.

И с мёртвою душой нас боль и горе
иль к петле приведут, иль так убьют,
нет, не уйдут за синее за море,
в могиле нам они найдут приют.

Живи, любовь, как солнца луч победный!
Живи как вздох ты и живи как смех.
Живи, пока ты часть любви вселенной,
пока и жизнь не грех, и всё не грех...

2006

* * *

Все стали выдыхать стихотворенья.
Иль, как детей, рожать. А я пишу.
Конечно ж, есть во мне и страсть, боренья
и мысли... Я, конечно ж, и дышу.

Вдыхаю я и выдыхаю, но я,
простите, не рожаю... не могу.
Не грыжа у меня, не паранойя.
И слава богу, что их нет, зер гут.

Пусть говорят: «Ведь пишешь не стихи ты».
Пусть говорят: «Ты вовсе не поэт».
Но как назвать им ту мою стихию?
Увы, на это объясненья нет.

Мне наплевать, заметят, не заметят.
Мне наплевать, как это назовут.
Я знаю, я уверен, что на свете
кому-то всё ж он нужен — этот труд.

А объясненье — в красных, жёлтых листьях,
что кружатся, летят в моих стихах.
Пусть говорят, что много правд и истин,
мои — в октябрьских призрачных лесах...

2006

* * *

Вся жизнь — сплошной предсмертный крик.
Пока не знаем мы иного.
Лови неповторимый миг
ты каждый — бытия земного.

Живём мы здесь и лишь сейчас!
Потом уж ничего не будет.
Хоть бог и строг, но любит нас
и, верим, справедливо судит.

Коль судят все люди, в том
предвижу только ложь, хоть бейте.
Над словом глупеньким «потом»
смеюсь я и смеюсь над смертью.

Но бог же и казнит нас всех.
На господу искать управу
нельзя нам, осуждение — грех.
Судить мы не имеем права...

И жизнь — страдание одно.
Страдания и мученья — тыщи.
Но жизнь нам праздник всё равно,
душою если ты не нищий...

2006

* * *

И кого же когда-то любил я?
Не того, а того нет на свете.
И не ту, чьё лицо было мило,
но в самой жили дьявол и черти.

Друг есть друг, но был друг он фальшивый.
Чувства светлые в сердце потухли.
А они у него были вшивы —
замки наши воздушные рухнули.

Та была, та подруга, не тою,
у кого чисты помыслы, чувства.
И любовь оказалась бедою —
запил, не задохнулся в ней чуть я.

Ухожу, но с тоскою щемящею,
не пытаюсь вернуться обратно.
Не ищу в фальши я настоящего,
что утеряно мной безвозвратно...

2006

* * *

Меняется мать, старится жестоко.
И тем дышу я, что её люблю я.
Нет, думаю, в любви моей порока —
в застенчивом сыновнем поцелуе.

И сам меняюсь, старюсь я с годами,
тем больше и ценю любовь земную.
И вновь, и вновь иным являюсь к маме
и обнимаю маму я иную.

Что расставанье наше неизбежно,
мы знаем, и отмены быть не может.
И мамин кроткий взгляд лучится нежно,
и мучает меня он и тревожит.

Рук ласковых её прикосновенье,
послушные её живые пальцы
не задержать уже ни на мгновенье,
когда господь прикажет нам расстаться.

Когда наступят день и час проститься,
уже не сможем ничего исправить —
ни пожалеть тут и ни повиниться.
Лишь боль и скорбь останутся на память.

И — пустота... И жизнь не повторится
на свете том, ином, немом и грозном —
там не поют уже земные птицы,
не светятся там и земные звёзды...

2006

* * *

Всё губит смерть: надежды, чаянья...
Со смертью в чёрный цвет всё красится.
Естественно или случайно
мы отошли — какая разница.

Любая смерть непоправима.
А все любимые — мгновенны.
Любите же своих любимых!
Неистово! Самозабвенно!

Не слёзы у меня, не грёзы,
любовь не с первого уж взгляда,
но всё ж ещё и не морозы,
всё жив огонь в крови, проклятый.

И вдохновясь такую жизнью,
цепляясь за любовь душою,
пусть рваным облаком повисну
над всеми я мечтой смешною.

Всей, что в душе моей осталась,
любовью я люблю земною.
Зачем пришла так рано старость?
О, как прожил я всё ж немного...

2006

ПЕРЕД СВЕЧОЙ

Мать — седая душа —
слёзы льёт пред свечой,
льёт неровно дыша,
говорит горячо:

«О прощеньи моля,
припадаю к тебе,
небо, мать моя,
сирота я теперь.

О прощеньи для всех,
не понявших тебя.
О прощеньи и тех,
кто не любит любя.

Кто любил, тот ушёл,
не вернётся назад,
с ним ушла я душой
в неземной снегопад.

И не тают снега
на седирах волос.
Снегопад на века
душу снегом занёс...»

2006

* * *

Пусть не горит моя звезда...
Не любят — убедился лично:
для чувашей давно я лишний,
а может, лишним был всегда.

Уйду... уж прозвенел звонок.
Он сразу был услышан мною.
Я понял, что схлестнусь с бедою,
и что пришёл последний срок.

Жизнь здесь для чужака трудна,
порою даже и опасна.
Горька она, горька ужасно.
Здесь глохнет, не поёт струна.

Прощаюсь я осенним днём,
прощаньем душу опечалив,
но осознаю, лишь отчалив,
весь ужас, заключённый в нём.

Ваш гнев как должное приму.
Но чем платить за гнев и речи?
Лишь горем, скорбью, больше нечем
платить мне за изгнание в тьму...

2006

* * *

О небо полуголубое,
меня ты твёрдою рукой
и от друзей, и от врагов
спаси — от злобы их, любви.

А я рукой полуживую
держу, отбрасывая тень,
полуувядшую сирень
в бутылке с затхлою водою.

Держу и, жаждою томимый,
духовной жаждой неземной,
я вижу, как всё стороной
проходит, как всё мелко, мнимо.

И небо полуголубое
так равнодушно глубоко:
ни от друзей, ни от врагов
нет спасу мне и нет покоя.

В высь неба, к облакам седым
лечу я ссохшейся душою,
душой немой, полуживую.
Лечу... не чувствуя беды.

2006

* * *

Как жаль! Как мало жил я по-земному!
Ни хлеб насущный, ни добро, ни зло
заставить не смогли жить по-иному,
страдать и плакать, сеять ворох слов.

Ни друга, ни жены и ни детей мне
бог не дал за духовный подвиг мой.
Что из того, что жизнь прожил идейно
и горюшка хлебнул в пути с лихвой?

Богатств не нажил, счастья не построил.
Нет дома у меня и нет семьи.
Я ни при новом, ни при старом строе
не рвался в бой за прихоти свои.

Зато мечта горит всю жизнь, как свечка.
Просторно в тесном сердце для стихов.
И мир бездонный, бого-человечный
непостижимостью томит — суров.

Гляжу в ночи с надеждою и болью
на небо, на причуды бытия.
И всей своею неземной любовью
согреть стараюсь ваши души я.

2006

* * *

Следом идут все, в затылок уж дышат.
Сотни их, может быть; может, и тыщи.
Дальше ли смотрят, громче ль поют...
Следуйте, следуйте, следом идущие.
Я вас приветствую, мир вам, салют!

То, что придётся нам впредь уступить вам,
мы собирали весь век по крупичам.
Жаль, но что делать, всё-всё, навсегда
вам оставляем, блядям и тупицам,
любящим жрать, пить, курить, наседать.

Были мы первыми, станем последними —
наших богатств коренные наследники.
Вас распирает от смеха, ваш бред
богу не нравится, вы кирементники,
богом наложен на это запрет.

Пусть ещё ноги не знают усталости,
вам уступаем дорогу без жалости.
Восхваляйте себя, захлебнитесь в бреду.
Как всё пройдёте — терзания, шалости, —
встретим в грядущем вас, мёртвых, в аду...

2006

* * *

Пусть я душа, не знающая бога.
Пусть я стою у бездны на краю,
со мной — моя печаль, со мной — моя тревога,
пусть никуда не дену скорбь свою,
скажу: всё сменит век, мы все исчезнем,
кто канет в бездну, а кто — в небеса,
я — на краю у чёрной страшной бездны,
над головой стал ужас нависать,
но не мечись, душа, не знающая бога,
не вешай голову у бездны на краю,
уйми, уйми печаль, уйми ты и тревогу
и навсегда забудь! — забудь про скорбь свою...

2006

* * *

Одиноко восходит луна.
Соловей в одиночестве плачет.
Одинока душа, но иначе
в этот вечер тоскует она.

Хоть на свете страданье одно,
неизжитое, неистребимое,
ей ужасны страдания любимых.
И страдать ей за всех суждено.

В мире светлом ей стало темно.
Сердце вздрогнуло тонкой струною
и от страха зашлось как больное.
И ему стать другим не дано.

Я умру. Понесут на погост.
Будет, может, толпа голосащих,
но не будет любимых... Мой ящик,
то есть гроб, не засыплет их горсть.

2006

* * *

Сознаемся: все мы — ничтожество.
Ничтожен бомж, ничтожен президент.
Народ весь впал у нас в убожество —
в истории престранный прецедент.

Но всё ж нередкий... Всё же так бывало.
Лишь стоило нас стричь и мордовать
иль с корнем вырывать, тут сразу вялость
и страх у многих замечала власть.

Ей то и нужно... Алой крови знамя
взмывало в небо зря ли в те года.
Срывались купола с колоколами.
В стране кровавая шла чехарда.

Жестокость правды жизни постигая,
единства злу с добром не обрести.
Нам что, обескураженно моргая,
и дальше спотыкаться так, брести?

Да сгинь ты, всенародное убожество!
Пора понять: режим сей устраним.
Непостиженью своего ничтожества
и платим мы убожеством своим...

2006

* * *

Гордость высшего призванья
быть мужчиной, человеком
заставляет нас признаться,
что мы боги в мире этом.

Где вы, милые богини?
Гордость где и человечность?
Не было вас и в помине
или было? Только — честно...

Если есть, то я скажу вам:
вы одних богов ищите,
чтоб остаться в мире жутком
навсегда под их защитой.

Не любите в живом виде
небогов, забыв о боге,
чувства пылкие смирите,
будьте строги, будьте строги...

2006

* * *

Я, юный, думал: истина в любви,
и перед нею преклонял колени
в слезах, в бреду... ну а душа болела
как словно я — не я, а я убит.

В друзьях, я думал, истина, в друзьях,
плеча им в души море откровений.
Прости мне, боже, недоразуменья!
Наивный, вновь остался в дураках.

Не верил я, что истина в вине.
Я знал, что проспиртованный рассудок
калечит сердце, печень и желудок.
Душа же будет мучиться на дне.

Поверил я, что истина в стихах.
И рано постигать их посягал я —
поэзия во мне не иссякала.
Не сбил её ни друг, ни враг, ни страх.

2006

* * *

Ах, сестра, сестра, кровная родня,
слышишь ты меня, слушай же меня!
Я пришёл к тебе на закате дня.
Печь твоя трещит, пламенем дразня.

Не проси меня одежонку снять,
но пытайся всё ж братца ты понять.
Чуть погреюсь я у твоего огня.
Дым глаза мне ест, думы прочь гоня.

Нет в душе тепла, нечего пенять,
и болит она, не могу унять.
Мы ли не родня, мы ли не родня!
Милая, прости, нет в душе огня.

Хоть и мы, сестра, кровная родня,
нет во мне тебя, нет в тебе меня.
Встань ты, дверь открой, плюнь во всём вина,
насовсем прощусь на закате дня...

2006

* * *

Вся жизнь моя — обида.
С души не сходит грусть.
Устал. Крыло подбито.
Угробят... ну и пусть...

Блокируют смертельно —
надолго и всерьёз,
чтоб скис и оскудел я
душой, чтоб в мерзость врос.

Терплю — плюют мне в душу,
в крик не бросаюсь, нет.
Пристрелят иль задушат —
как принято в стране.

Не плачь, о друг, на свете
хоть и нельзя без слёз,
скажи: осенний ветер
листок из рук унёс...

2006

* * *

Говорят, что судьба предначертана свыше.
Чему быть суждено, того не миновать.
Хоть незримое видеть, неслышное слышать
и дано, не дано мне судьбу отменять.

Вот стою, от нахлынувших чувств замирая,
дожидаюсь тебя, покоряясь судьбе.
На закате вечернем зарница играет.
И ты вышла ко мне, а я вышел к тебе.

Эти встречи для нас как судьбы дуновенье.
Знаем также, судьба — безысходность разлук.
О спасибо тебе за бездонность мгновений,
за блаженство прошедших и будущих мук.

Как же я отпущу тебя тихо, не плача?
Как же я отпущу тебя словно навек?
Как же я отпущу в мир, где всё-всё иначе,
где уж ты не родной мне, чужой человек?

2006

* * *

Белой акации гроздь душистые
белой черёмухи гроздьям сродни.
Чувства весенние, помыслы чистые
напоминают мне юные дни.

Помню себя я в удачах и промахах.
Помню: владеет уж мною любовь.
Помню: стою я под светлой черёмухой —
парню всего-то семнадцать годков.

В юных мечтаниях — дума великая.
В ней золотые надежды живут.
Юным поэтом написана книга,
кою потом коммунисты сожгут.

Дева младая, парнишкой владея,
скоро обманет его и предаст.
Он не мертвеет, на жизнь он надеется.
Вылечит времечко душу, бог даст.

Чувства и мысли и грёзы лучистые
вспыхнули в эти весенние дни.
Белой черёмухи гроздь душистые,
юным вы дням моим вечно сродни...

2006

* * *

Как тихо увядают наши души.
Как дико привыкают ненавидеть.
Мне просто неприятно это слушать.
Мне просто неприятно это видеть.

Забыли мы как ветры солнцем пахнут,
и травы гнутся, снег летит как в детстве.
А сердце всё заходится от страха
и ненависть всё разъедает сердце.

Не лучше ли, к подруге чувство грея,
с ней в церкви зыбко плыть, как дым лампы,
а ночью написать стихотворенье
о том, что враждовать совсем не надо.

Враждуют... Нет вражде конца и края.
Потоки слёз — от моря и до моря.
Снаряды рвутся. Дети умирают
и сходят матери с ума от горя...

2006

* * *

Ушёл — почти что был пропащий.
Мечту сумею ль побороть?
Поладивший с собой, совпавший,
вернулся я... не я, а плоть.

Неужто плоть была дороже,
искомый постигая свет,
и возвращенье не тревожит
стыдливой совести? О, нет!

Тревожит! Вновь уйду в туманы,
вновь буду плоть испепелять,
вновь в мире высшего обмана
борцов за правду вдохновлять.

Задуманное совершим мы...
Я к вам иду о том пропеть,
таинственный огонь, вершины, —
вновь возродиться иль стореть!

2007

* * *

Неоскудно желание чуда.
И на свете немало чудес.
Донесу! Что? Куда и откуда?
Божью искру... чрез жизнь-тёмный лес.

К финишу, где конец марафону...
С самых юных младенческих лет
искра эта давала всем фору —
искрам малым и всем в том числе.

Вроде было сначала чудесно,
вырывались задорно вперёд,
а потом стали все бессловесны —
не глаголет никто, не поёт...

2007

* * *

Пёр в юности я без оглядки
и напролом — кричал, смеялся.
Был в юности до истин падкий.
Я жизни жаждать не боялся.

И взрывчаты глаза бывали,
искрометательны... что делать?
И все мы в юности взрывали.
И вот всё к чёрту полетело.

Светился неподдельным светом...
То — собственный мой свет... Спасая
его, как чадо, я при этом
себя на жертвенник бросаю.

О жизнь! Замучь скорее сына
за то, что весело смеялся,
за то, что жизни жаждал сильно,
врываться в ад не побоялся.

2007

* * *

В горемычной чувашской сторонке,
где запутался бедный народ,
безнадёжно вздыхая, негромко
Сениэль свои песни поёт.

Словно луч наведёт на кого-то,
будто хочет звездой сиять.
Песни петь — это тоже забота
о душе, коль в ней глухо опять.

Мерзкий мир! Мерзкий мир нависает.
Видел я на своём на веку
как он подл и как дух потрясает
сатанински — внизу, наверху...

2007

ШУБАШКАР

Наш Шубашкар, все знают, — Чебоксары.
В нём издавна хреново мы живём.
И так бы можно жить, когда бы не базары,
когда б не цены, не ворьё-жульё.

«А было хуже, — говорит историк, —
за слово «Шубашкар» тебя могли бы съесть».
За что, Чувашия, меня ты так позоришь?
Отверзи мне глаза: откуда... кто я есть?

Я есть сувар-чуваш, древнейший из древнейших,
живу в своей столице как чужой.
Чуваш я здесь, о Шубашкар мой? Нет же,
я не чуваш, манкурт. Я здесь — изгой.

Вот разрываюсь снова я и снова
на части, не пойму никак, что за херня:
мы не берём чувашскость за основу,
чувашского в себе боимся, как огня.

2007

БЕЗ ДУХА...

Без духа так и истреплешься,
не думая ни о чём.
И так уйдёшь. И бестрепетно
обронят над плечом
прощанья слова, а потом
на крышку — комья причём-притом.

И всё! Никаких течений,
свечений дивных таких
над гробом твоих несвершений,
пустых излияний твоих.
Не плоть, не плоть, только дух
бессмертен, говорю тебе вслух...

2007

* * *

Живи, покуда не скосило,
дыши, покуда не покойник,
уразумей то, что по силам,
о смерти говори спокойно.

По библии сверяешь путь ты
иль, как тогда, по диамату,
и так, и эдак дело худо,
идёт не к раю дело, к аду.

Придётся притерпеться, видно,
верёвочка покуда вьётся.
И, ненавидя, всё ж любить нам
всё то, что жизнью здесь зовётся.

Я верю, не являясь вошью,
что человек я сапиенсный
и что, покуда не помрёшь ты,
супруге будешь интересный.

Как угадаешь дней скончанье!
Далече ли скончанье это?
Свет дней! Он дорог не случайно:
ведь наш конец — скончанье света...

2007

МОЛЧАНЬЕ

Ты долго, Рзай, молчал, я — не могу,
ищу в твоём молчанье смысла, тайны,
ища, не лицемерю и не лгу.
Прислушиваюсь к музыке страдания.

Я попрощался с веком истерий,
дал воздуху безумий отстояться.
Чтоб и сцелить, лучи эзотерий
туда вошли, метя на постоянство.

Я понял, Рзай: в молчанье зреет свет.
Там не темно, там звуки воссоздания
всего того, чего пока что нет,
но без чего не кончатся страдания...

2007

* * *

Жил, мучая и мучаясь всегда,
к успехам рвался, будь они неладны.
И жизнь сложилась как-то так, нескладно,
хоть я и шёл туда, куда вела звезда.

Куда ж, куда звезда моя вела?
Нет, не к вершинам, к пропасти, пожалуй.
Какая трата сил, какая жалость!
Чуть не в тупик наивность завела.

Не наложить ли некое табу
на то мне в этой жизни неудачной?
Не налагаю... Выжив в травле страшной,
ломаюсь, разрываюсь, но живу.

И, мучая и мучаясь, дышу.
Нет-нет, я не занюханный дистрофик!
Забыв про сон, всю ночь слагаю строфы
о том же — о запретном всё пишу...

2007

НЕЗНАКОМКЕ

Подари мне улыбку привета,
будь приветлива, будь как привет.
Так давно я ищу человека,
человека, которого нет,
но который горит, словно Вега,
лѣт мне в душу божественный свет.

Как Есенин, от месяца греясь,
вдохновляясь от дальней звезды,
и на склоне годов жду, надеясь,
жду тебя, человек из мечты,
хоть и вижу: напрасна затея,
вижу, что человек тот — не ты.

Ведь всю жизнь я ищу человека,
человека, которого нет,
но ты всё ж не пройди без ответа,
пусть безмолвно, всё ж дай свой ответ —
подари мне улыбку привета,
будь приветлива, будь как привет...

2007

БЛУДНИЦА

Ах, жить и жить бы... Вся ты страсть
была в сей жизни сиротливой,
но не смогла прожить счастливой,
душою, сердцем серебрясь.

Как всё одну любовь любить?
Как всё заблудшее, больное,
всё слабое и отставное,
всё отгоревшее забыть?

А радость... так она чиста.
Всё совершалось жадно, жарко:
берите, пользуйтесь, не жалко...
Целована в лобок, в уста.

Покаялась, чтоб снова жить.
Прощенья испросивши, тело
вновь с новой силою запело,
чтоб всё и всех желать, любить...

2007

БОЖЬЯ КАРА

Что бы дал я, чтоб
промолчать сей миг...
Проклял бог за что,
вырвал с корнем их?

Не Эдип был сын,
не Электра — дочь.
Сын тихоней слыл,
ублажая плоть.

Мать свою любил,
тайно стал е...
и отца убил...
Дочь убила мать.

А потом была
вместе жизнь у них.
А потом земля
поглотила их...

2007

ОБИДА

Вот и небольшую обиду
уж мне не забыть, не унять:
слоняюсь весь день как побитый.
И сердце щемит у меня.

Уж как незначительна... Словом,
совсем не обидна она,
но я казнюсь снова и снова,
уж будто она не одна.

Старею, устало старею,
обида становится мной.
А где-то безвыходность зреет,
к душе пробираясь темно.

Обида не та молодлица,
чтоб сунуться к ней со стихом.
Не в храм ли сходить помолиться,
обиду считая грехом?

Вот звёздам обиды неведомы,
когда нам свет белый не мил.
И звёзды пасутся не в этом,
печально глаза на мир...

2007

* * *

Вновь на дворе вешний вечер,
вновь польхает закат...
В том, что ничто здесь не вечно,
разве же кто виноват?

Жду ли кого, чуть вздыхая,
тихо ль кого-то зову?
Может, ту встречу стихами
счастьем самым назову?

Ветер вздохнул... Слышу шорох...
В роще запел соловей...
Кто же мне близок и дорог,
главным в душе был моей?

Долго ль? Того я не помню.
Долго-недолго, но всё
жду я его. И светло мне
от ожидания всё ж.

Станет ли встреча судьбою?
Станет иль мимо пройдёт?
Вечер... Закат... Краем поля
вроде бы кто-то идёт!

2007

* * *

Волшебна ночь-мелодия,
как лунное сияние.
Когда душа в полёте, я —
с природою слияние.

Тогда времён течение
мне гибельным не кажется.
И я пою душевнее,
пою и слёзы катятся.

Кто в плаче очищается,
душой тот обновляется,
судьба его решается,
надежда появляется.

Над робкою надеждою
подшучивать не смейте вы:
ведь под её одеждою —
надежда на бессмертие.

Когда душа в полёте, я
с природою — в слиянии:
я сам как ночь-мелодия,
как лунное сияние...

2007

* * *

Кого я ждал — тот не придёт.
На что надеялся — растает,
незримо мимо глаз пройдёт,
как поздняя мечта пустая.

Надеяться и ждать теперь
мне всё равно, что вновь родиться
и возрастать, и смело биться
за жизнь, как бьётся юный зверь.

Я стар, видать, но молод дух.
Не помню вот, вы не видали,
заглядывал на молодух
сегодня я иль нет? Едва ли...

То — к шутке тяга. Значит, я
ещё не весь покрылся пылью
и плесенью. Я есть. И был я.
И буду, хоть и нет житья.

Жмёт жизнь. Жмут люди. Жмут года.
И не заметишь, как растаешь
в природе — канешь в никуда
и после смерти быть мечтаешь...

2007

* * *

Неплохо б нам, земным, средь скучных дел,
чтоб жизнь не так давила зло, гнетуще,
иметь в сём мире родственную душу.
Имел ли я? Имел и не имел.

С душой ты родственной — не одинок.
С душой одной дружили мы немного.
Ушла она, и стало одиноко.
И сам я от себя теперь далёк.

Без той души я сам себе чужой.
Такое ныне в мире отчужденье,
что кажется порой: мир в исступленьи
идёт к концу; что мир — бардак большой.

А человек в нём — человек-товар.
Он покупается и продаётся.
Дух умирает... Живым трупам косным
не нужен он, им нужен лишь базар.

И, не имея духа, не искать
им родственной души высокой сроду.
Так навевается исподтишка народу
отрава-сон, чтоб сладко тихо спать...

2007

* * *

Не знает человек когда и где
он упадёт, заткнётся и не встанет.
Не вечно же гореть его звезде
на небесах в бесстрастном мироздании.

Не ведаю и я когда и где
вдруг упаду, заткнусь как все, не встану.
А во враждебном мне зажжётся стане
злой огонёк, подобный той звезде.

Увы, подобие не есть звезда.
По-разному и паданье бывает.
Не знаю я где упаду, когда,
но знаю: упаду, на вечность уповая...

2007

* * *

Как смог, как духом уцелел
в стране, где правил сатана?
Я верил, верой этой цел.
И вера эта спасена.

Она жива глубоко в генах...
Не зажил мой от терний лоб
для осязания нетленных
материй — жив был духом чтоб.

Из глуби страждущего духа
всегда слова мои идут.
Меня бы щёлкнуть точно муху
могли, когда они — в бреду.

Сгинь, говорят, а я живу:
есть высшие любовь и суд.
Неймётся мне, и я зову,
ведь отзовётся кто-нибудь...

2007

* * *

Болит душа, чего-то ждёт.
В печали ноет, ноет сердце.
И от природы отчуждён,
и от людей — куда мне деться?

Живя лет сорок в городах,
так и не стал — не горожанин.
Без шума леса, песен птах
уныло хлопаю ушами.

Без родничка, реки, лугов
как без души я, как без сердца.
Так грустно, что удрать готов
туда, а то куда мне деться?

А люди... Равнодушной их,
чем в городах, нигде не сыщешь.
За сорок лет я граждан сих
так хорошо узнал, не взыщешь.

Но не удрать, не убежать
мне никуда, в деревню — тоже.
Надежда малая — лежать
в родной земле удастся, может...

2007

* * *

Врагов так много? Значит, много стоишь.
Друзей так мало? Значит, есть резон.
Не унывай, гордись ты этим, кореш,
вид твой внушительен, труд твой весом.

Я сам всю жизнь был окружен врагами.
Запомни: все друзья — всегда враги.
При мне они врагов моих ругали,
при них — меня: ловчили, дураки.

Не выиграли бой, как ни ловчили.
Я выиграл его, я победил.
Одни ушли, иные же почили.
Другие одичали без удил.

Ты тоже победишь, не расслабляйся,
не унывай, не будь себе палач:
коль плакать заставляют — улыбайся,
заставят громко ржать — ты громко плачь.

От звонких строк звончают разом строфы.
Звон раздражал завистников моих.
Они всю жизнь готовили голгофу
за то лишь мне, что был я звонче их...

2007

* * *

Когда душою сиротливой,
продрогший без тепла людского,
ищу кого-то торопливо,
хоть знаю, что найду не скоро,
я всё же жив, я жив, живой я:
был всё один, а будем двое.

Когда душою сиротливой,
продрогший без душевной ласки,
найду кого-то, но пытливо
начну срывать личины-маски,
уж я не жив, не жив я, мёртвый
и всё — один, зато — свободный...

2007

* * *

Как ни старайся быть доступней, проще,
считая, что мы все одна семья,
не скажут обо мне, что был хороший,
а скажут: был плохой — уверен я.

И ты, мой дорогой, подумать должен
заранее об этом неспроста:
с лицом открытым ты стремишься тоже
для ближнего всю душу опростать.

Не плюнут ли туда, войдя свободно,
как мне плевали в душу земляки?
Уверен: плюнут — запросто, охотно.
Для них сии труды невелики.

Так что ж тогда — закрыться и запрятать
живое чувство от сердец людских?
Не знаю. Я не знаю. Но не радость
и то, что через них ты замкнут, тих.

И веру потерял в добро... Всё злое
как будто окружает нас с тех пор,
как будто надоело всё земное
и спор добра со злом, извечный спор...

2007

ТАРХАН

Чтоб связь времён не порвалась,
напомню вам об этой связи:
не выходил из грязи в князи,
уж я им был — тархан есть князь.

Да, да! Потомок я тарханов!
То бишь потомственный тархан.
Для вас, безродных тараканов,
простите, я не таракан.

Не вы заступники народа.
Холопы вы, душою — раб:
такая издавна порода.
Ленивы... Алчны... Фраера!

Средь вас мне душно и противно.
Вас раньше называли «чернь».
Вы душиите оперативно
тех, кто не с вами, — каждый день.

Хоть скрыта эта ежедневность,
не скрыта с чёртом ваша связь
и к князю света ваша ненависть —
ведь чёрт не света, тьмы есть князь...

2007

ПОЕДИНОК

На заводе «Контур» музыка играет.
Мразь и шваль стекается сюда.
Нынче и такое здесь бывает:
от завода нету и следа.

Пусть рабочий класс без хлеба подыхает.
Он — угроза вору, депутату и шуту.
Власть у нас была всегда плохая,
а от этой, подлой, и того не жду.

На заводе «Контур» музыка грохочет —
центр какой-то развлекает шваль и мразь.
Завлекает сатана. Он хочет,
чтобы люд умел плясать лишь, пить и жрать.

Все заиклились на воровстве, на рынке...
Но поймёшь ты, если ты поэт:
Зло с Добром дерутся в поединке,
без него и смысла жизни нет.

2007

МОИ СОЛОВЬИ

Не поют в лесочке соловьи.
Может, и поют, но не мои,
а мои давно уж не поют —
улетели, видимо, на юг.

Может, не на юг, а в никуда?
В старость, может, в те мои года?
Не поют в лесочке соловьи.
Нет же, нет, поют! Но не мои.

Славно как выводят — словно мне
дарят трели эти в тишине.
Слушаю и забываюсь я.
Может, старый тот не я, друзья?

2007

МИСТИКА

Бреду в раздумии глубоком.
Душа горит и мается.
Пред совестью своей и богом
в чём должен я покаяться?

Да, где-то оступился, видно,
идя тропой звериною.
Бреду пытаемый безвинно
я пыткой старинною.

И пытка эта светит тайной
как некое видение.
Душа сама себя пытается
с самой собой наедине.

Молю я небо о забвеньи.
Плывут виденья вереницей.
Виденья эти — жизни звенья.
Не успеваю сторониться.

Бреду несмело как-то, боком.
И страшно мне, пугаюсь я.
Пред совестью своей и богом
всё ж должен я покаяться.

2007

ДРУЖКУ МОЕМУ

Был староват, но пробивной и — очень
муж мамин, именитый и крутой.
Не мамин муж отец твой, он лишь отчим,
а полюбовник тайный, молодой.

Звезда твоя не гасла в небе звёздном.
И отчим твой любовь к тебе питал.
Не знал иль знал подвох — нам неизвестно.
Тебя он как родного воспитал.

Наследственность имел любовник адскую.
Курили, пили, предавали в их роду.
Обманывали, врали — не угнаться нам
за ними, перенять их широту.

Ты перенял: та кровушка запела ли
иль мамина в тебе — подь угадай.
И чёрное ты выдаёшь за белое,
а белое — за чёрное всегда.

Известно всем, что шкура ты продажная:
и продаёшь, и предаёшь, труслив.
Трусливый, жалкий, пьяной ночью страшную
полез ты в петлю, но, увы, спасли...

2007

* * *

Хоть упаду в могилу, в небыль,
я говорю себе: я буду
не под землёй, а в синем небе,
его страданиями добуду.

Не вечны мы, страдания вечны.
Судьба глядит, душа томится.
Свербит она, она увечна.
И рана в ней гудит, дымится.

И зная, что лежать во прахе
всему, что жжёт меня сегодня,
страданий жду всегда без страха,
за что я буду в небо поднят.

2007

* * *

Время катится, бежит и помыкает
нами грубо, в бездну нас таща.
Средь обмана и вражды, изнемогая,
старится безвременно душа.

И понятия «праведник» иль «витязь»
кажутся лишь сказочными нам:
не пришлось мне праведность увидеть,
а пришлось увидеть ложь и срам.

Зависть чёрная с коварством — в паре —
сводит дружбу у людей на нет.
И не знаешь, где, когда ударит
по твоей друг горькой слабине.

Слабина моя — всю жизнь тоскуя,
всё ищу и не могу найти
правду-матку, праведность людскую,
всё бунтую из-за них в пути.

Добрые и то не одобряют
чудака, а злые злобно ржут,
говорят, что не свихнулся зря я;
говорят, что идиот и шут...

2007

* * *

Пусть всё пройдёт, всё пропадёт...
Пока мы здесь и будем живы,
оставим людям в свой черёд
труды свои дней одержимых.

Творя добро, любовь даря
всему живому, неживому,
потомки наши повторят
потом наш путь — жить будем вновь мы.

Любой творящий — одержим.
Призвание — это одержимость.
Любая власть, любой режим
проверит Мастера на вшивость.

Но и тогда Творец есть Бог,
и промысел его есть божий.
Он жить по-дьявольски не мог,
и никогда, нигде не сможет.

2007

* * *

Мой отчий дом, мой дом родной,
мне как с тобою расставаться?
Ну как смогу оставить мать я,
когда она одна со мной?

Она стара, уж так стара!
Клянёт с утра промозглый дождик.
Тот не уходит со двора.
А мать ворчит, терзаясь дрожью.

И хочет жить, как никогда!
Неужто раньше не хотела?
Неужто прожиты года
не для души, а лишь для тела?

Живи, мать, долго, не дрожа,
пока что — сладостно до завтра...
Не тороплюсь... Не рвись, душа,
разлука будет невозвратной.

2007

* * *

С звездой звёзды говорят.
У нас с тобой сияют лица.
Над чернью звёзды не горят,
над быдлом ночь и та глумится.

Мы счастливы, ведь нам дано
от звёзд, оттуда, черпать силы.
А им, убогим, и темно,
и муторно невыносимо.

Пока ел-пил и тяжелел
сей сброд в ночи, но веселился,
наш взгляд не помутнел, светлел,
в пространстве света растворился.

Цепь жизни, знаем, тяжела.
Её несёте вы играя:
вы, дети ваши, муж, жена,
вы, жители земного рая.

Но где вы? Вас покинул бог,
вы умерли, живые, прежде,
чем смерть пришла в конце дорог
в бесцветной, сумрачной одежде...

2007

ТАМАРА

Зал полон в клубе и нарядна ель.
Светлеют лица новогодней ночью.
Ах, с кем танцует юный Сениэль?
С Тamarою. С учительскою дочкой.

Юна мамзель, но с думкою мамзель,
не по годам практична и строптивая,
где нужно — весела, а где — слезлива.
Нарядна ель... Танцует Сениэль.

Но знает он, Тamarою любуясь,
как в жизни с нею будет тяжело:
в селе, супругом становясь, «люблю вас»
не говорят — не город всё ж село.

И вообще... Какой он муж Тамаре!
Он не практичен, не строптив, поэт,
а будущее у него — в тумане,
туман так густ, и в нём просвета нет.

... Прошло полвека. Где теперь та ель?
Где радости той новогодней ночи?
И с кем танцует старый Сениэль?
С Тamarою. С учительскою дочкой.

2007

ИНАНГА АЛШИГУСТИ

Поклон тебе, поклон, о Фрези Грант!
От всех поклон бегущей по волнам!
Как создал образ твой поэт-собрат
на радость нам, жизнь улыбнулась нам.

В Тебя, в Мечту, поэты влюблены...
А я... прости... ещё во мгле времён,
во сне увидев, погружаясь в сны,
в Инангу Алшигусти был влюблён.

Она — моя любовь, моя судьба,
светлейший день мой, мой чистейший свет.
Через Неё я сотворил себя,
то — Дух Святой вошёл в меня, в мой бред.

И этот бред помог мне написать
великую поэму о любви.
Я смог мою всю грубость обуздать,
чтоб показать все волшебства мои.

Во мне как солнце, как огонь горишь
неугасимо ты, любовь, всю жизнь.
... Страшит тебя, душа, могилы тишь,
но с Фрези, но с Инангой не страшись.

2007

НОЧНОЙ ПОЛЁТ

Надмирен я, прости меня, о боже!
Над миром бьюсь, пока душа жива.
Людей, любя, из-под небес тревожу.
Я говорю им звёздные слова.

Смеюсь над притяжением нелепым,
родную заземлённость не кляню.
Под гиканье толпы лечу по небу,
лечу я не во сне, а наяву.

Есть роковая предопределённость
в исканьи правды, в поисках земных.
Напрасно всё! Так как всё это — ересь,
так как мы ложью завсегда сильны.

И потому так дико и безбожно
живём внизу — под солнцем и луной,
но ринуть вниз, в толпу, мне невозможно.
И я лечу — для тех, кто лжив, плохой...

2007

* * *

Уходит свет, а я хочу его продлить.
Уходит свет, трепещет луч прощально
и тает: всё, пора нам уходить,
как ни печально.

Не надо ничего просить и умолять.
Нет никого, что рядышком кружились
со мною здесь, резвясь и веселясь.
Все-все они с разлукой подружились.

Колени преклоню, прося я у небес
о чудесах, но тщетно это, знаю:
как рана, так и смерть не заживает,
когда в душе у нас — не бог, а бес.

2007

ИНОЙ РАСКЛАД...

«Люблю»... Давно так говорил, однако.
Но, несмотря на это, иногда
Вам чудится в глазах моих отвага
любить и не терять любовь... да, да.

А трепетать когда уж мы забыли!
И мало ли что губы говорят.
Мы словно задохнулись в звёздной пыли,
и в небесах теперь иной расклад.

Мы с Вами оба как бы неживые,
хоть и живые, с тех недавних лет.
И вьюги зимние в нас вдруг завыли.
Застыла кровь, огня давно в ней нет.

И неподвижно, немо, оскорблённо
глядим на свет мы, не сводя зрачков.
Не потрясённо, связано, влюблённо,
не как на свет, а как на светлячков.

Мне, видно, одному спускаться к ночи.
Как хочется уйти опять, опять
и навсегда забыть Вас — не морочить
Вам голову... и навсегда понять.

2007

* * *

Как странно: ни о ком и ни о чём я не жалею.
Запуталась судьба, всё в жизни стало швах.
Уж не глядеть на мир смелей и веселее
и не просить мне у небес о чудесах.

Их нет, чудес... Всё-всё умрёт на свете.
И я умру, как только изнеможет плоть.
Зачем, зачем невидимые пытки эти,
невыносимые, скажи, господь?

Сказал господь: какой ответ я дам,
когда уж ты не здесь, не здесь, но и не там?

2007

* * *

Не грустите, предо мною — вечность.
Что навеки ушёл, вы забудьте.
Вы любите стихи, саму суть их
принимайте душой человеческой.

Не убили меня, не убили!
Если умер поэт, он не умер.
Может, так говорить и неумно,
не вздыхайте над ним вы умильно.

Не считайте поэта вы жертвой.
Говоривший чудно и под рифму,
неподвластен земному он ритму,
вопреки всем земным злым запретам.

Не считайте его и потерей.
Не грустите, тоскливо не плачьте.
Ведь, увы, не могло быть иначе —
просто он отслужил и отверил.

Не убили его, уморили...
Не забудьте, предо мною — вечность.
Принимайте душой человеческой
вы меня, что бы ни говорили.

2007

* * *

Твой взор с усталую слезой
стоит поныне предо мною.
И я, замороженный, злой,
оправдываюсь пред тобою,
что чист, что тот же я душою,
что навсегда с тобой и твой.

Не веришь ты... И я немил
тебе, как свет немил мне в горе.
Твой лик когда-то жизнь дарил
поэту, и ему легко ли
забыть видение так скоро?
Вот клятву ту и повторил...

2008

* * *

Опять весна. Над головой луна
лѣт в душу мне заветные слова.
И ночь чарует, прелести полна.
И песня сокровенная жива.

Куда бы взор не кинул я в ночи,
повсюду вижу жизни волшебство:
цветѣт сирень — как музыка звучит.
В восторге пробую я голос свой.

Весны звучаньем слух мой напоѣн.
Соловушка! Заветная звезда!
Вы радость мне, вы счастье моѣ!
Мне кажется, я буду жить всегда.

Наверно, понял тайны естества
я сердцем вдруг, хоть голова моя,
я чувствую, согласна с ним едва.
О, чудные! Доволен вами я...

2008

* * *

Ах, листва, золотая листва...
Серебрится моя голова
и туманятся синие очи,
а ведь были сродни синеве.
Как бы сдуру мне не зареветь
от обид сих, друзья, среди ночи?

Шли неплохо у парня дела.
Неуёмная юность цвела.
И для песни моей неуёмной
я берёг в чистоте дни мои.
И запели во мне соловьи.
Я внимал им, светясь, в жизнь влюблённый.

2008

* * *

В звезду ты верь, в судьбу не веря,
верь в путеводную звезду.
И обретенья, и потери
лишь к правоте тебя ведут.

Правдивость у родного слова
пусть не иссякнет, ложь есть яд.
Коль навсегда к строке прикован,
целебна чаша бытия.

Пусть соль нужды иль сахар славы
не сломят правоты твоей.
Беги от смелости лукавой,
ты смелость честную имей.

Ты кривдой душу не унизишь,
словам твоим покуда — жить.
И если свой конец провидишь,
провидь бессмертие души.

Не просто так, от скуки смертной,
нашептывай простору стих,
нашептывай от сил несметных,
горящих, огненных, своих...

2008

* * *

Ветер, ты не плачь как я, горяю.
Гром, ты не греми во тьме ночной.
Не с кем говорить, и говорю я
со стихией буйной, не смешной.

Я и сам не так смешон, как кажется...
И ответил ветер: не горюй.
Гром сказал: да будет так, как скажешь ты,
пригоню каскады светлых струй.

Быть не горемычным, а спокойным
ты учись свободно у луны.
Будь среди достойных ты достойным —
не иссякнут песни у струны.

Угасая, падают ли звёзды,
не печалься, ведь твоя звезда
не угасла, а горит, и воздух
свеж и тонок, тих, как никогда...

Ветер, ты прости, уж не горюю,
гром, спасибо, вы, поняв мольбу,
красоту душе моей даруя,
входите доверчиво в судьбу.

2008

* * *

Светлой памяти Зелимхана

О близком друге не дожждаться вести,
но всё ж её мучительно я жду.
След славных лет, с ним проведённых вместе,
горя душой, ищу я и ищу.

Нигде в скитаньях больше уж не встретил
такой улыбки добрых чудных глаз.
Он умер, не найду его на свете,
погиб в изгнании, вдали от нас.

Взгляд горца и улыбку на прощанье
из сердца мне вовеки не изъять.
И к горлу подступившее рыданье
я и поныне не могу сдержать.

И в скорбь впадая, как и он, стихи я
творю — дойти б мне до его высот
до тех минут, покуда смерть-стихия,
как друга, и меня не унесёт...

2008

* * *

Горишь не ярко, тускло в мире этом
ты, жизнь моя, — приют предвечный мой.
Уж не проститься ль раньше с белым светом,
чем сам он распрощается со мной?

Ведь рано или поздно будет вьюга,
а вьюга эта нашей смерти знак.
Все вьюги злою крутовертью вьются
над нами вечно — как того не знать.

И мы пока того лишь знать не можем,
где встретить эту вьюгу рок судил,
и струны лиры по ночам тревожим —
по мере наших лет, по мере сил...

2008

* * *

Ища поэзию, о друг, не надо
по свету бегать нам, она — в душе.
Иль вовсе нет её. Коль есть — мы рады.
Коль нету — и не жди тогда уже.

Среди мерзавцев подавать свой голос
так глупо, что вскипаю я, как псих,
и чувствую тут, как седеет волос,
как будто жизнь на волоске висит.

За славою же бегают, за славой,
утратив напрочь совесть и покой!
А у самих стихи настолько слабы,
что я от них бываю сам не свой.

Не дурни ли, твердят: всё, что угодно,
не пережить бы только вас, стихи,
пусть ваш напор своей волной свободной
и в смертный час обдаст нас, как духи.

Стихи мертвы, но графоман не сломлен,
опять, опять он одолел недуг...
У нас поэзия — в душе, огромен
её напор — мы не умрём, мой друг!

2008

* * *

Никто, ничто, ни полех, ни шайтан,
жизнь новую мне не сумеют дать.
Был юный, молодой, теперь вот старый.
Увы, увы! Так и помру, видать.

Когда родился я на белый свет,
никто не знал, что в нём оставлю след.
Какое горе — исчезать бесследно,
но вижу я: мне горевать не след.

На старости подобен я козлу.
И охладел к добру я и ко злу.
На помощь мне прийти и бог не может.
Я к вечному один приду ко сну...

2008

* * *

Ну кто ж из нас в ладу с своей судьбою?
Кто говорит «в ладу», тот погибает.
Как юность я представлю пред собою,
так в сердце сразу слёзы закипают.

Хочу и дальше петь, пока в ударе.
Не два, хоть век один прожить бы целый.
Те, кто не так как я, гляди, гитарит,
хотят собой заполнить весь свет белый.

Они кричат в усердии великом,
что заняли свет белый за бесценок.
А молодость ни за какие крики
не купите, ни за какую цену.

Кричите, войте, всех других глушите,
кто в мире стать владыкою мечтает.
Устал я от хитросплетений жизни,
и сердце видеть их уж не желает...

2008

* * *

Зачем мы в мир являемся? Бог знает...
С печалью покидаем белый свет.
Наш след зимою вьюга заметает,
а летом же смывает дождь наш след.

Богаче мир не стал, мы зря явились.
Беднее он не станет, коль уйдём.
Так для чего ж росли, за жизнь мы бились
уж если — в землю нас прямым путём?

А сколько смелых и красивых, мудрых
протопало людей по тем путям!
Надолго, крепко утвердились будто,
ан нет, на небесах так не хотят.

Всех забирают из домов и с улиц,
всех, как в тюрьму, пожизненно, ну да!
Лишь раз когда-то двери распахнулись,
и, хлопнув, все закрылись навсегда...

2008

* * *

Не разгадав загадку бытия,
секрет бессмертия не будет дан.
А в чём загадка-то, не помню я?
И в чём секрет? И кто же судит так?

Забота на сердце моё легла,
запала дума в голову мою.
Потусторонняя пугает мгла,
так как не прохладиться нам в раю.

За что же человека люди чтут?
И что мне людям этим завещать?
Как быть? Меня одни печали ждут.
Тоскует сердце и скорбит душа.

Я видел солнце, звёзды и луну.
Богатым не был, нищим я ходил.
И если уж поближе тут взглянуть,
довольно смело души я будил.

За что и вспомнят, может, иногда?
Не вспомнят — даже жаль мне помирать.
Как разгадать загадку ту тогда,
секрет бессмертия вам, люди, дать?

2008

* * *

Всё думаю, когда я лажу стих:
не будь, о слово, ты подобно пуле,
коль где брехнул, помилуй и прости,
то значит, мы самих себя забыли.

Все будто знаем, пуля — для чего,
а призываем, чтобы было слово
подобно пуле, вышло сквозь живот
у Пушкина сегодняшнего снова.

Не Пушкин, так другой... Она убьёт
любого, кто, под пулю попадая,
к свободе, к справедливости идёт,
над Родиной растерзанной рыдает.

И не могу я, словом смерть поправ,
о слове-пуле миру не поведать,
нет у меня ни наглости, ни прав
на это — мир проходит сквозь поэта...

2008

* * *

Ах, не лес ли шумит? Лес шумит.
Ветка к ветке льнёт, душой — в мечтах.
Сердце грустит моё, грудь горит.
Были б слёзы, смысл бы грусть-печаль.

Ах, как ветер злится, как листва
вниз летит, и плачут дерева.
Коль не думаю, так нет и дум моих,
как подумаю, так кругом — голова.

Ах, не тучи ль бегут? Да, бегут
чёрные и грозные — в огне.
Дни, года прошли и нет их тут,
будто сон приснился ночью мне...

2008

* * *

Ах, мне спеть бы песню да где голос?
Где мой век? Другого нет в запасе.
В одиночестве родился я и — голым.
Злые все ветра судьбу мою дубасят.

И давно прошёл я полдороги.
День ушёл, до сумерек подать рукою.
Кажется мне, будто радости, тревоги
все уж позади, но впереди — покой ли?

Хоть и не вздремнул я среди ночи,
хоть не мог уснуть, но ум мой ясный.
Не горюй, головушка, не плачьте, очи,
не родился я на свет напрасно...

2008

* * *

Дотоль невиданной незримой силой
дух отрицанья жил в людских сердцах.
И, вспыхнув искрою неугасимой,
хотел я новою звездой мерцать.

Ниспроверженья слово тихо, тайно
шло долго к цели, путь его тяжёл.
И я с душой горящей неслучайно
к мятежным душам с радостью пришёл.

И той же страстью одержимый, снова
я вижу, как обманутые ждут
правдивого и пламенного слова,
в какое должен я вложить свой труд.

Чтоб силою невиданной на свете
дух отрицанья жил в людских сердцах,
и до меня мерцали звёзды эти,
и после будут, видимо, мерцать...

2008

* * *

Ростками называя, юных
ты ненадёжными считал.
Не рыба и не мясо — вьюн мы
все были для тебя тогда.

Не гусли и не скрипку брали
мы в руки, лиру брали мы.
Шепча молитвенно губами,
поэзию играли мы.

А ты, брэнча иль заунывный
из скрипки исторгая звук,
всё думал, что не мерин сивый,
ещё-де молод, юн твой дух.

Мы долго, будучи «ростками»,
внимали, как твоя струна
тем, кто у власти, слух ласкала,
хоть и фальшивила она...

2008

ХУЗАНГАЮ

Покоя ты не знал, ты рвался к славе,
а людям говорил, что в батраках
у славы не был и ни часа — bravo!
Как ловко оставлял нас в дураках.

Всё жгло тебя: забудут, не забудут...
Лаская слово как голубку, ты
блаженствовал в труде своём как будто.
И что? Стихи твои бездушны и пусты.

Давно я, воспарив орлом над вами,
усёк: вы не дадите мне парить.
Покоя ты не знал, ты рвался к славе;
пока был жив, мне не давал ты жить...

2008

ФАРИСЕЙ

Поэт-фарисей — не поэт, стихотворец.
Такой у нас был, был недолго да сплыл.
Вверху за поэта он всё ж таки слыл.
Лукав был хитрец, лицемер-царедворец.

Всегда за народ и всегда на словах он
стоял, и других, нас, болеть призывал
о нём, из грядущего времени звал
поэта, чтоб был без упрёка и страха.

Чтоб были в душе и сиянье рассвета,
и солнце, и музыка, и непокой.
Хоть знал, что в народе уже есть такой.
Знал, что не удушишь такого поэта...

2008

* * *

Я смерти не хочу, но неужели
и я умру? И годы пролетели
бесцельно, без особого следа?
Нет, не бесследно, но и не без цели.
Зачем же сокрушаюсь я тогда?

Ах, смерти не хочу? А кто же хочет
её? И кто от радости хохочет?
С родным народом помыслами слит
я, дух мой тоже... И у бога, может,
давно уж нас в скрижали занесли.

2008

* * *

Чтя истину, мы очень часто
так говорим, попав впросак:
путь истинен твой, есть чем хвастать,
ты смерти заглянул в глаза.

А путь был ложен, смерть циклопом
глядит — как карцера глазок.
И одиночно в нас, и скопом
всё целится ствола зрачок.

Смерть не двуглаза, одноглаза,
в обличье ведьмы, ей видней
путь к истине... Ты по заказу
застрелян будешь рядом с ней.

О жизнь, стремительное scherzo,
я не убит ещё в сей миг!
Есть истина! Пылает сердце!
То истинно, что я — старик.

Я видел смерти глаз воочью.
И оттого в глазах тоска.
Особенно мне страшно ночью:
хлад стали чую у виска...

2008

* * *

Душа моя в победном клике
глаголет языком вершин;
идя всю жизнь к мечте великой,
свой труд удачливо вершит.

Давным-давно мечтою чудной
жизнь заиграла предо мной.
И как бы ни было мне трудно,
не изменил я ей, родной.

Душа, душа, и вспомнить страшно,
как много было тёмных сил.
Всей скрытой силой, юной страстью
ты всё ж отъята от низин.

Мы знаем, что это такое.
Как только светлую мечтой
я воспарю, мне нет покоя —
вся жизнь бурлит передо мной...

2008

* * *

Я нынче знаю поимённо
своих врагов, кто чем велик.
И знаю, кто неугомонно
послать меня к чертям велит.

Из сути недругов, из сути
друзей не высечь искр добра.
И разные бывают судьбы
у тех, кто прав и кто неправ.

У всех одни ошибки, кстати,
и быть нам вместе не судьба.
На мировую сил не тратьте —
напрасны речи и ходьба.

Стучи бестрепетно и смело
ты, сердце, на рожон ты лезь.
Не бойся... Нам какое дело
до их невзгод, своих не счесть.

2008

* * *

Далёк иль близок мой предел?
Здесь, рядом. Разве? Как досадно!
Уже, наверное, осел
мне мутный на душу осадок?

Порой ни пикнуть, ни вздохнуть
от частых, нудных треволнений.
Иль чуть поменьше б их, чуть-чуть,
чтоб всё ж не вязнуть по колени.

Пустых житейских мелочей
не видеть бы, из тины быта
бежать туда, где юность скрыта,
и я ещё певец ничей.

Незамутнённого ручья,
о где вы, искристые струи?
Пока и песнь моя ничья.
И место, где мне быть, пустоет.

Целебной влаги зачерпну,
забуду, что весь срок мой вышел,
оправлюсь, крыльями взмахну
и поднимусь всё выше, выше...

2008

* * *

Должник ли я, должник ли неоплатный?
Пред кем? Пред матерью и пред отцом —
должник, а пред другими — непонятно:
должник иль не должник — пред подлецом?

Людей недобрых слишком много стало,
не меньше было их и в те года.
Приди сейчас, к примеру, новый Сталин,
начнётся что — нетрудно угадать.

Ты говоришь «народ», но тон фальшивый.
Что есть народ — велика тайна есть.
А утвержденья прежние все вшивы.
Народ весь, целиком, — не совесть-честь.

В нём уйма швали, что не говорите.
Вот ждём: день новый чем нас поразит.
Народ, он, в основном, есть потребитель,
бывает, что и вовсе паразит.

В труд героический я не поверю.
И в труд свободный верится с трудом.
Как видим, за потерю — потерю.
И кажется, страна — сплошной дурдом.

2008

* * *

То — клики лебедей ли или гуси
перекликаются, на юг летят,
невольню заставляють вспомнить гусли,
которые звенели кликам в лад.

Тот, кто брэнчал на гусях, не на лире,
был старьй стихотворец-фарисей.
Такого лицемера во всём мире
навряд ли сыщешь, на планете всей.

Писал, что он опавший лист негодный,
в костёр идёт сгореть как листьев медь,
что листья эти — мусор прошлогодный,
что дважды никому не зеленеть,

что он же молодым росткам путь чистит,
даёт дорогу им — ненужный хлам,
что строки у него — сухие листья,
но, тем не менее, и образец росткам.

Конечно, фарисей был царедворец,
умело лил елей, чёрт подери,
«ростков» в огонь всех кинул, целый ворох...
Все горькой стружкой дыма потекли.

2008

* * *

Кто свяжет дней оборванную нить?
И где они те молодые дни,
когда и крылья были, были силы,
а голову так гордо, друг, носил я,
что недруги мои, бог их храни,
страдали оттого невыносимо?

Да, были... но не плачу, не скорблю,
что молодость сгорела на корню
в заботах и нужде, в страстях и горе,
не веря, что мой дух судьбу оборет,
что и талант, и душу сохраню,
не пропаду, горя в труде упорном...

2008

* * *

Скиталец я. Скитался там и сям,
враждуя и борясь с людьми, с судьбой.
Бывало нелегко со мной друзьям.
Ещё труднее мне — с самим собой.

Куда я вновь, куда опять я рвусь?
Быть может, рвусь и вовсе без нужды?
Без драк ужель никак не обойдусь?
О нет, они поныне мне нужны.

И не страшусь, и не боюсь я вас,
о силы тёмные, пока душа
не перестала тайне жизнь давать,
чтоб не засохла, прячась и шурша...

2008

* * *

О, божий мир! В нём кто — моя родня?
В нём всё любимо мною, пока жив я:
и люди, и цветы... и свет во цвете дня...
Всё, всё... а не любим же дух наживы,
чем дышат жулики, убийцы и красиво
хотят пожить — сей дух не для меня.

Как нечисть может быть любимой мной?!
И в сердце бьётся крик, но, мудростью хранимый,
звенит он не расстроенной струной,
а жалостью души невыразимой.
Жалею и себя, и всех невообразимо.
О, божий мир, поэт страдалец твой...

2008

* * *

Дух в человеке есть огонь.
Мой дух, ты мой огонь бессмертный.
Пустынно на душе, бессветно
коль нет огня, нет духа коль.

Но ты, огонь, не пожирай
теперь меня, уж я не юный,
я старый, птицы-гамаюны
покинули давно мой край.

О, птицы вещие, когда
вы надо мною пролетали,
я тени ваших крыл устало
ловил, на счастье загадав.

Я в землю пламенем уйду.
Тебя, огонь, не упрекну я
ни в чём, уйдя сквозь глубь ночную,
бессмертье там своё найду...

2008

* * *

Усталость сбросить бы мне с плеч...
Многопудова как — усталость!
И эту б тишину сберечь,
что страшною ценой досталась.

Как погляжу я в высоту,
вдруг забываю на мгновенье
навет, обман и клевету,
замалчиванье и гоненье.

Да, ноша слишком уж тяжка...
По чьей вине страдал так много,
ушли, уходят... то есть как
«ушли-уходят»? Жаль, ей-богу.

И в этом — столько доброты.
Пусть все уйдут, а я крылато,
что жизнь мою продолжишь ты,
мой стих, в бессмертье верю свято.

2008

* * *

Ещё не умер я и нет плиты
над будущей могилою моею,
чуваш, мой соплеменник, знай же ты:
не кто иной, а я лежу под нею,
и посему, хоть и спешишь куда,
остановись здесь, милый, на мгновенье,
чтоб вспомнить и понять, что не всегда
и ты жив будешь — встань на размышленье.

Остановись, чтоб дух перевести,
ошибки взвесить, оценить поступки
и над самим собою погрустить,
в раздумье пребывая, взор потупив.
И если ты умеешь и шутить,
и слово понимать, душой неистов,
мою негаснущую искру ощути,
мою в поэзии чувашской искру...

2008

* * *

Пустеет жизнь, пустеет белый свет...
Уходим мы, грядёт наш час последний.
У вас, у жизни гаснущей, — наследник,
а у меня его как раз и нет.

Жаль, жаль, конечно... Кто же мне глаза
закроет, безутешно кто заплачет?
Ведь у бездетных всё пройдёт иначе —
чужая капнет на меня слеза.

Рожденье было, а теперь вот — смерть.
Что ж, всё понятно, правильно, законно.
Я б даже так сказал: есть смысл, резонно, —
коль песня начата, её нам и допеть.

Как твой заглохнет слух, померкнет взор,
все сразу же и сбудутся мечтанья.
Ты всё обрёл: все-все твои желанья —
в горсти одной, ты прах земной и сор...

2008

* * *

Века пройдут, пройдут века
всё так же, как прошли донныне
среди крови, слёз и лжи, гонимы
злой крутовертью, и всегда
промчатся богом не хранимы.

Каким? Чувашским или каким
спасён ты богом, род мой древний?
Не богом, может, а деревней
народ мой сохранён таким,
какой он есть теперь, заветный?

Надежд на бога я иметь
давно уж не могу — безбожник.
Иметь их на деревню тоже
рискованно — деревне смерть
самой ждёт, скоро уничтожит.

А в городах чуваш никак
язык родной не сохранит свой:
русскоязычья сторониться
не сможет он и на века
исчезнет как народ-тупица.

Коль воли нет, преодолеть
ему и страх, и бездуховность,
пред русскими свою греховность

дано ль? Осталось — умереть.
Не для кого сие не новость.

Без нас пройдут, пройдут века
всё так же, как прошли доньше,
жестокосердно и противно
свистя, все крутоверть-ветра —
всё так же богом не хранимы...

2008

* * *

Мой стих меня переживёт, я верю.
Бахвальство это? Да! Пожалуй, да!
Поверье ль то какое иль доверье,
надеялся на слово я всегда.

Не надо в жизни счастья другого
ни в светлый день, ни в поздний час ночной
мне кроме богом вверенного слова,
оно — моё призванье, жребий мой.

Умру — вам плакать, рук ломать не надо:
ведь я земной, лечь в землю вышел срок.
Я стих любил. И были б мне отрадой
стихи в обличье надмогильных строк.

Не потому ли в скорби и в тревоге
над словом трепетал я столько лет.
Да, стих — начало и конец дороги.
То — мой завет... Исполните завет.

2008

* * *

Нас не было с тобой, звезда горела.
Мы появились, всё она горит.
И ей до нас нет никакого дела,
не мне она: «Родной мой», — говорит.

Мы отгорим, побыв на белом свете,
придут другие — вечен белый свет, —
но отчего звезда моя не светит,
её, возможно, не было и нет?

Но я хочу, чтоб были звёзды эти
у всех, во все светили времена.
А мне пока звезда моя не светит,
ужель давно на свете нет меня?

2008

* * *

Друзья, благословляю вас.
Благословляю, о родня!
Единственного из чуваш
вы проклянёте, хороня.

Надежд ничьих не оправдал
и никого я не любил.
Труслив бывал я иль удал,
для вас чудаковатым был.

Все знаем, что живём лишь раз.
И честь всего у нас одна.
Храня честь смолоду, сейчас
вы злы какого же рожна?

Чуть на неё уж села пыль.
Нечестно — мёртвого ругать.
Не различишь, где сон, где быть
и что держу в своих руках.

В них жизнь держу я, чёрт возьми!
Смерть, отойди, не лезь, пойми.
Земля родная, не томи,
ты жизнь дала, ты и прими...

2008

* * *

Все избежать хотели бы забвенья...
Что я такого сделал для тебя,
чуваш мой, почитая и любя,
даря тебе свои стихотворенья?
Что обо мне враги мои трубят?

Они трубят, что ждёт меня забвеньё,
что ничего не сделал для людей,
что, сколько я радей иль не радей,
пусты, беспомощны мои творенья
и вреден вложенный в них круг идей.

А мне б хотелось избежать забвенья...
Не примет соплеменник, есть друзья,
которые так думать не хотят
и любят всё ж мои произведения.
Они по-русски здорово звучат!

2008

* * *

Ты говоришь: бессмертен лишь народ.
Но и в душе его живущий не умрёт.
Нас всех пусть ждут неведомые сроки,
чтоб увести навечно в край далёкий,
мы не назад всё ж смотрим, а вперёд.

А впереди всё тот же наш народ.
Но жизнь иная, думаем, придёт,
не та, которая в неведомые сроки
всех уведёт навечно в край далёкий,
где не посмотрит наш народ вперёд.

Согласен я: бессмертен лишь народ,
коль не исчезнет, с круга не сойдёт.
Тогда, и уходя в неведомые сроки,
в душе его живущий одиноко
пусть смело смотрит не назад, вперёд...

2008

Tozube

ВЕСЕННИЙ САД

Расцветает сад. И аромат
сада дух бодрит, благоухая.
Беспокойный мой пегас крылат,
бьёт в саду на привязи ногами.

Сам же я брожу в лесах, полях.
Уж давненько не был, не бродил здесь.
Ведь из года в год всё реже я
езжу и хожу вот так один всё.

Обновляешься, село моё.
Твой приятен облик, очертанья.
Ночью свет везде горит-поёт,
Саврашбусь вид чудный обретает.

На сады твои, на дом родной
с радостью гляжу всегда подолгу.
Как и в юности, передо мной
девы юные цветам подобны.

Я и сам подобен был цветку,
жил, дышал в саду моём счастливо.
Слышала душа какой-то гул
и напев чарующий и дивный.

Но цветок завянет, будет тлеть.
Перестану быть цветком совсем я.
Как умру, меня заруют в землю,
а пока живой, я буду петь.

* * *

Юность моя, юность, радость вешняя,
потерял тебя когда навечно я?
Слышно эхо лишь порой, нечасто,
давят думы череп мне всечасно.
Потерял тебя давно навечно я.
Оттого и беден, и несчастлив.

Сад мой, сад, успокоенье, отдых,
я тебе тогда всю душу отдал.
И с душой в ладу, я обновлялся —
было пониманье и согласие.
Я тебе тогда всю душу отдал.
Не смогли её завлечь соблазны.

Есть соблазн вольготно жить, богемно,
пить вино, любить девиц отменно.
Многие мечтали дурачины
жить легко, беспечно и красиво.
Пить вино, любить девиц отменно
все особенно хотели сильно.

Сад мой, сад, приветливый, лучистый,
ты навечно душу мне очистил
и берёг её ты, и хранил ты.
Нет у доброты твоей границы.
Ты навечно душу мне очистил,
потому и юность вечно снится.

* * *

Вот и солнышко ушло на отдых.
Потянуло свежестью в саду.

Отчего так грустно мне, тоскливо?
Весь в раздумьях тихо я бреду.

Мнилось — сбудутся все-все надежды:
и любовь, и счастье мы найдём.
Думал, искры в сердце неоскудны;
думал, не иссякнут чувства в нём.

И теперь ты, сад мой, симпатичен,
душу мне лелеешь до зари.
Почему ж тогда я так печален,
почему душа горя горит?

Думал, полюблю одну и только
буду с нею век я коротать.
Но попалась мне любовь-дешёвка.
И ушла, и сгинула мечта.

Сад мой, сад, краса и гордость наша,
ты скажи, где соловей твой здесь?
Я его тут слушал раньше часто.
Может, самому теперь запеть?

Запою о юности заветной.
Запою о том: как ни лови,
есть одни страдания, нету счастья.
О бессмертной запою любви.

И не раз ещё воспоминанья,
сад мой, сад, заставят и рыдать.
Я не раз в твои объятия кинусь.
Я не раз ещё вернусь сюда...

* * *

Яркая звезда — над Саврашбусью.
Юность мне она напоминает.
С переливчатой мерцала грустью
яркая звезда над Саврашбусью.
Юность где моя, скажи, кто знает?

Мне не ясно: стар я или молод.
Может, говоря, что стар я, шутят?
Пусть уж говорят, раз есть тут повод.
Мне не ясно: стар я или молод.
Может, люди просто балагурят.

Нет, не стар, давайте согласимся.
Я не молод, да, но я довольно
молод. Отчего? Не зря дивимся:
оттого, что мы стареть боимся.
Успокойся, сердце, мне не больно.

Яркая звезда над Саврашбусью,
как и в юности, горит-бунтует.
У зазнобушки с высокой грудью
очи тоже так сияли, с грустью.
Ныне — где? Нет ныне. Не найду я.

* * *

Лунный свет... И лунные качели...
Чья ж скользит там тень, идёт куда?
В этот вечер синий неужель я
так бездумно буду петь, страдать?

Тени лунные скользят ночами
тихо-тихо, странствуют, грустя.

Как и я, раздумчивы, печальны.
Как и я, утешиться хотят.

Уж цветут и яблони, и груши,
соловей поёт в саду, в лесу.
Сладкое томленье, нежность душу
как на крыльях юности несут.

Мнится — пред собою вижу как-то
чью-то тень опять в ночной тиши.
Оттого ли, что спешит куда-то,
хочется узнать — куда спешит.

Чу... не сам ли это я, влюблённый
по уши, спешу в саду туда,
где есть угол тайный, отдалённый,
уж, конечно, не теперь, тогда?

Лунный свет... И лунные качели...
Тень подруги будто б ждёт меня.
Посейчас я, до сих пор ужели
не смогу пожар в душе унять?!

* * *

Жаль, конечно, но в гнезде надёжном
птицы всё ж не оказалось важной.
Улетела... умереть так можно...
Знать, судьба такая в век тревожный.
Век прошёл, прошёл он неудачно.

Скорбь меня объяла; горя полный,
жить не мог, внутри всё клокотало.

Больше ничего я не запомнил
кроме света лунного и помнил
я его всю жизнь душой усталой.

Обетшали мы. Жизнь гнула сильно.
Но совсем не потускнел свет лунный.
Унижали, оскорбляли дико.
Мы в страданиях были беззащитны.
Но звенел свет лунный многострунно.

Обездоленным не будет счастья.
Ты в каких краях теперь, зазноба?
Предала, следила безучастно
как меня бивали зло и часто.
Может, и сейчас хитра ты, злобна?

Как и ты, в конце пути я нудном.
Как и ты, от бога я завишу.
Скорбь прошла, утихло горе будто.
Всё сияет лунный свет, свет лунный.
Сквозь него я юность мою вижу.

* * *

Всё вперёд смотрели мы, вперёд.
Не смотрю теперь. И что мне делать?
Ад прошёл, но сей круговорот
вечен — потому и крут, и темен.

Будет и разлад, и зависть, жди.
Ревность разразится в виде бреда.
Будет примирение почти,
всё равно опять я буду предан.

Снова содрогнусь: друзья страшны.
Задрожу опять как лист осины.
Нет! Пожалуй, хватит быть смешным.
Пусть предаст! Переживу. Осилю.

Да, осилю... поднимусь с колен,
хоть и ослабели силы, может,
подлости не сдамся больше в плен.
Верю — юношеский дух поможет.

И змею измены раздавлю!
Свет угас, зажгу его я снова.
И как юноша, смысл уловлю
сей тяжёлой ноши и раскола.

Я живу — и дух мой пусть живёт.
День придёт — известность мне добудет.
Всё вперёд смотрю я, всё вперёд.
Будет день — и будущее будет...

* * *

Было мне тогда всего шестнадцать.
Жил бесхитростно и бесприютно.
Что ж во мне ты стала сомневаться?
Кто ж тобою тайно забавлялся?
Я и ты, мы оба были юны.

Песнею в душе тебя носил я.
Знала б ты, как радостно мне было!
Изначально, первый раз так сильно
полюбил от всей души, красиво.
Ты же не любя меня любила.

Зайцев — трое, все своеобразны.
К стихотворцу было недоверье.
Думала, связалась с ним напрасно.
Целовалась ошалело, страстно.
Я, глупец, ходил как одурелый.

В чувствах нежных сердце юных тает.
Любит оно бурно, без предела.
За седьмое небо залетал я.
Те, наверно, тоже там блуждали,
ведь их тоже ты чуть-чуть не съела.

За тремя гналась, но не поймала
ты ни одного из них, из тварей
божьих — хоть ласкала их немало.
Дай бог сил тебе, сил небывалых.
Как же там зовут тебя, Тамарой?

* * *

Ладно. Что ж. Тамара так Тамара.
Ты весь век преследуя, маня,
тайной чёрною своей туманной,
отняла всю радость у меня.

Не вернётся, сколько лет не минет;
как хотелось, но вернуть не смог.
Оттого, наверно, и семьи нет.
Оттого и ныне одинок.

И сумев быть верным псом любимой,
не сумел наладить жизнь с другой.
Потому что не любя любил я.
Потому что — юность всё со мной.

Хоть и вшивой оказалась дева,
хоть и не чиста её душа,
много думал, мучился и честно
радовался я, любовь верша.

И любовь свершилась — мир прекрасен.
И в душе зажѐг я вечный свет:
не погас, горит он, не погаснет.
И любви другой не будет, нет.

Я хотел забыть её, я гордый.
И душа бессильной не была.
Не забыл — те незабвенны годы.
Не забыл — к любви душа вела.

Век прошѐл мой, но не смог в тумане
опознать обманчивость теней.
Что таить, Тамара есть Тамара —
боль извечная души моей...

* * *

Оттого и юности кудесник
пригвоздил меня к любимой, что же.
Но тревожить я не стану вестью.
Не в обиде я, и в мире тесном
уж встречаться нам не стоит тоже.

Старые теперь мы оба стали.
И любила не любя меня ты,
а теперь и вовсе перестала.
Не узнала ты любовь, не знала.
Что бедна душою — мне понятно.

Оттого и тот кудесник тотчас,
то ль жалея, то ли с мыслью вредной,
подал мне твой юный облик, возраст,
сказочно преобразив твой образ.
Образ тот во мне, но ты ли это?

Как и ты, других, не доверяя,
жизнь всю не любя любил я тоже.
Жизнь всю проводил, не забывая
не тебя, твой образ, не вникая
в то, что это не одно и то же.

* * *

Юности обманчива соната.
Ведь под чарами её тогда
выдумал тебя я, а сама ты
не была такою никогда.

Силой глаз своих могла надолго
ты к себе любого приковать.
Внешний облик твой меня сбил с толку,
захватил всего, околдовал.

Свет очей и дивный голос были
так прекрасны на беду мою:
образ в сказку превратив, прикрыли
внутреннюю пустоту твою.

Так и есть: ни чувств нет, ни идеи...
Но не без претензий между тем.
Я, простака наивный, бедный гений,
муз в тебе увидеть захотел.

Сделав сказку, я в неё влюбился,
видимо, как вижу, навсегда.
Юность моя, юность, как ни бился
с нею, не отбиться никогда.

Пусть уж будет... Юность моя, юность,
пусть обман, мираж, что жизнь без них.
И в последний путь возьму, как лунность,
сказку эту, знать, — коль зуд возник.

И тебя зову... Нет, нет, останься.
Наяву так неприглядна ты.
Образ лишь беру твой, он удался,
ты не удалась, ты — прочь! Остынь...

Выдумал тебя я, а сама ты
не была такою никогда.
Мне как сказка — юности соната.
Я под чарами её — всегда.

* * *

Юность моя, юность, радость вешняя,
околдован был тобой навечно я.
Нет тебя, но чувствую — со мной ты.
Благодарен я тебе премного.
Околдован был тобой навечно я,
без тебя нет счастья земного.

Сад мой, сад, с тобой всегда мне легче.
Отроком ли иль чуть повзрослевший,
я когда же в сад пришёл проститься?
Уж тогда ты знал — что за я птица.
Отроком я иль чуть повзрослевший,
оседлав пегаса, в путь пустился?

Ходко он пошёл, взял скорость сразу,
ветрокрыло полетел, зараза.
Днём ли или ночью сад несчастье
вдруг постигло — ураган поднялся,
сад мой и ломал, и бил, зараза.
Сад весенний трясся и качался.

Сад мой, сад, приветливый, лучистый,
стойкости, терпению учил ты.
Обладая силою нездешней,
красота и мощь твоя сердечны.
Стойкости, терпению учил ты,
сад весенний, юность, свет мой вечный...

* * *

Стойкость, выдержка нужны всегда.
Дух и красота лишь вместе — сила.
Слабый духом — не красив, да, да.
В пекло бед нырнув, я был красивый.

Я не сдался никакой беде,
поборов себя, себя взял в руки.
Не сгорел в любви и в суете,
потому и выжил в мире трудном.

Та, что предрекала гибель мне,
где теперь ты, отзовись, подруга.
Жду. Приди. Гостям я рад вполне.
В сад приди... не сказка, а старуха.

Мы с тобой знакомы с давних пор,
с медовухой вспомним юность нашу.

Я спою о ней, ты тоже спой, —
не жена, и не зазноба даже.

Съесть не смог меня любовный зверь.
Я и сам не рвал его когтями.
Будем живы, не умрём, ты верь,
посему мы и до ста дотянем.

Что-то сделать в жизни бы успеть,
смерти потому не жду совсем я.
Как умру, меня заруют в землю,
а пока живой, я буду петь!

* * *

В скорби шёл я, грустный. Сквозь туманность
издали к вам так проходит луч.
Скромным, тихим быть мне полагалось.
Вам бы поприветствовать чуть, малость,
потому хоть, что я взрослый уж.

Нет, привета не дождался. Встретив
злобным, безразличным взглядом, вы
мне не дали развернуться, этим
гнусность вашу всю в привычном свете
показали — не в другом, увы.

И сейчас вы, пред уходом, ловко,
по привычке давней всех чинуш,
расправляетесь со мной неплохо.
Я всё так же всем кажусь далёким,
как звезды далёкой тихий луч...

2002

МОНОЛОГ

Слышь, скажу я: мой брат Казанбай,
брат троюродный, не от отца
появился на свет (вот судьба!),
а от брата его, то тот знал.

Потому что сам был импотент,
и поэтому слёзно просил
он у брата: «Детей, вишь ли, нет,
сына б хоть одного... нету сил...»

Мы не стали об этом болтать...
А теперь что скрывать... Расскажу.
Потому как мне скоро предстать
пред всевышним — срок, срок. Ухожу.

Коль пока не ушёл, обо всё
надо бы мне успеть рассказать.
Был отец Педера не осёл,
а учитель... Варук — была мать.

Никого из них нету теперь...
Педер был весь в отца: славолуб,
хитр, продажен, стукач, и поверь,
был к тому же завистник и плут.

Не дурак — всё умело скрывал.
Не узнаешь — он кто: недруг, друг.
Жизнь в спектакль превращая, играл
как актёр — опытный лжец и врун.

Кто талантливей, тот для него
личный враг, и всё дружит с «врагом»
он, пока не загонит его
в гроб, а тот и не знает о том.

Внешне — друг он, как истинный друг.
Откровенничай с ним, выдавай
ты себя, доверяясь ему, станешь вдруг
«враг народа» — таков Казанбай.

Знает он — что и как. Знает всё.
Все, всегда за него — наверху.
Как папаша его не осёл,
так и Педер не дуб и не х...

Тайны все, как в доверье войти,
как не выдать себя, как спастись,
коль попался, он знает, сей тип,
сей мошенник, прохвост и артист.

Жополиз. Но не только. Мастак
душ угадывать грубых, пустых
прихоти и желанья — вот как!
Он психолог большой, но не псих.

Хладнокровен. Его не смутить
недоверьем: кому, что, когда
нужно — знает чутьём и с пути
не собьётся с того никогда.

Клевеща, очернять, подстрекать
вновь он будет, в доверье войдёт,

но прилюдно не станет болтать,
развязав пасть свою, то есть — рот.

И прилюдно не хает, не мстит
никому, и не пишет статьи.
Так умеет следы замести,
что не ясно — какие и чьи.

Знает, как в воду спрятать концы,
а не спрячешь — позор на века:
ведь пятно... много пятен... сгинь, цыц!
Не болван и не хлюпик пока.

Своё ж имя порочить — он кто?
Идиот? Нет уж. Он — Казанбай.
Много способов скрыть все грехи, дело в том,
что, стуча, Педер — не шалопай.

Не по локоть ли руки в крови,
ведь кого только не погубил,
истинно — душегуб, но не скажешь, увы,
нет следов, не найдёшь, умным был.

Как попался в тридцатых, тогда,
кажется, кой-какие следы
всё ж остались, но делись куда:
нет их нынче, исчезли как дым.

Испарились... Их «смыл», говорят,
Исюков — многолетний патша.
Казанбай был спасён от тюряг,
не попал в лагеря — гимн пища.

Не расстрелян... Писал о вожде
гимн за гимном и оды писал.
Сгнули, сгнили же только те,
совесть кто, честь имел и спасал.

Голодуху и каторжный труд
получили друзья за стихи.
Казанбай, их предавший, их друг,
рифмовал те стихи на «хи-хи».

Совместимы ль злодей и талант?
Нет. Всем видно же, ясно же, что
не талант мой троюродный брат.
Как поэт он почти что ничто.

Как поэт — очень слаб, а сдувать,
подражать, прямо скажем, мастак.
Скольких же он людей и сосать,
и ограбить успел, эдак-так.

Маяковский, Есенин и Фет.
Пушкин, Блок, Саади, Пастернак,
Северянин, Доронин... Привет!
Байрон... Кто же ещё, эдак-так?

У народа «берёт», у друзей —
нагло так. Что тут скажешь? Беда.
Глядя, думаешь: «Эка, злодей».
Всё дозволено брату всегда.

Кто осмелится пикнуть, что вор?
Нет таких. Не позволит. Он — царь

среди писак. И какой разговор:
он — «народный поэт», секретарь.

И надёжна защита вверху.
Ублажают, хотят, чтоб любил
«гения» весь народ. На веку
звёздной болезнью терзаем он был.

Славы болезнь разъедала его!
Породив зависть-ненависть вдруг
даже к другу, болезнь до того
зла, тлетворна, что враг — близкий друг.

Среди чуваш только он должен быть,
не Митта и не Рзай, знаменит.
Самохвал — баловень был судьбы.
Пушкиным он себя возомнил.

Уж разгромлен Митта, уж — в тюрьме.
Рзай — гоним, стонет под колпаком.
Юрьев лишь схорониться сумел,
называл Педера кунаком.

Неприметно живя, всё молчал
старый друг, мерзко было ему,
но трагедию болгар во снах по ночам
он оплакивал как наяву.

Не писал. «Друга» видел насквозь.
Знал: следит; говорил: «Не могу,
исписался, потух, ты — мой гость,
говорю тебе как на духу».

Кончился. Тоже — не конкурент.
А Митту — обработать, когда
возвернётся через десять лет.
Он в руках всегда будет тогда.

Вот вернулся, вот взял в оборот,
похвалил чуть и даже, да, да,
вроде бы и помог: «Обормот, —
думал сам, — враг народа Митта».

Восхваляет тот «друга» теперь,
славословит, статьи и стихи
посвящает ему — инженер
душ людских, а «друг» всё — хи-хи-хи!

Лет семнадцать был «раем» ГУЛАГ
для Митты, и Митта вышел весь.
Не успел ради личных он благ
поработать, свалился. Всё. Смерть.

Прибыл на сенокос, и в селе
разорвалось сердечко его.
Казанбай — как бы навеселе:
всё ж подох конкурент... Ничего...

Но для виду — скорбит, слёзы льёт.
Так бы слёзоньки лил крокодил.
А внутри — радостно... Ё-моё,
негодяй же какой, подлый тип!

Он и раньше был жулик, ловкач,
разрази его гром, и сказать

мне неловко, не только мог лгать,
но умел и на бабах скакать.

Пусть старуха она, но зато —
председатель, царица почти.
Званье бы получить, а потом
видно будет — влюбляйся и жди.

Получил! Всё! «Народный» теперь...
Старой деве — привет, и — прощай!
Но — не сразу... Терпи как терпел,
будет время — уйдёшь невзначай.

А другая «любовь», как же там,
уж не третья ль по счёту жена,
дочка как бы ему по годам,
в Педера не была влюблена.

Обрюхатил её молодой,
потому стал наш Педер рогат.
От жены кто же бегал к другой?
Вот теперь получай и ты, гад.

Сын родился, но он не твой сын.
Настоящий отец — кто? Я знал,
но хранителем тайны я слыл,
братца так от позора спасал.

Принял сына, не стал замечать,
и растил как родного, любил,
Казанбай: претворилась мечта
в жизнь — от счастья в восторге он был.

Шустрый вырос пострел, что сказать,
и, закончив университет,
молодой, стал творить и дерзать —
заимел сразу ж авторитет.

Он мелькает везде, словно бес:
критик, языковед, депутат.
Он же и на конгрессе! Прогресс!
Будет там президентом. Виват!

Молодец! Вроде бы молодец...
У мамыши вот-вот — юбилей.
Как и муж, она тоже из тех,
кто так любит почёт, честь и лесть.

Сын готовит возможность, момент...
Званьё, премия, орден её
ждут, и — слава, и — авторитет,
хоть артистка и дрянь, в сердце — лёд.

Рано так овдовев, в раж вошла —
и кто только её не любил?
Жизнь безудой кобылою шла.
Век недолог у Педера был.

Шестьдесят... Мало это. Недуг
тяжкий — рак, не отстанет никак.
Может, жил бы и больше он, дуб,
если был не хвастун и дурак.

Так зачем дева эта тебе?
Вот теперь хочь рыдай, хочь хохочь.

Караулил её, ждал, терпел,
на себя просто стал не похож.

Нет покоя, всегда — непокой.
Нет радости, есть только боль.
В петлю чуть не полез братец мой.
Вот такая вот доля, любовь.

У невестки душа — не душа,
лист пожухший, сама она — б...
В день, когда умер Педер, ушла
с полюбовником в лес... погулять.

При второй же жене, при больной
раком матки, она, без стыда,
к Педеру, чтоб с ним спать за стеной,
приходила студенткой тогда.

Насладить сексом плоть — не любовь.
Хохотать и визжать и стонать,
когда рядом — беда, горе, боль,
как же можно? Темно. Не понять.

Но понятна всё ж цель: чтоб порхать
в будущем под крылом ловкача,
навязалась — брат будет пахать,
а она права будет качать.

Под его именем и её
имя станет звучней и славней.
Что солидности нам придаёт?
Неустанность в борьбе в беге дней.

Доборолась... Защитника нет
уж того, но зато есть другой,
даже и не один, не конец
ни карьере, ни славе большой.

Есть здоровье, есть опыт, есть сын...
Грёзы есть... Безнадёжности нет.
Только вот на всё хватит ли сил?
Не припрёт злое лихо к стене?

Веря в свет, замышляют «отца»
выпустить шеститомником в свет
не за свой, ясно, счёт, как дурилы, а за
счёт казны — как и жулики все.

Памятник соорудить во весь рост
думают за «миллионы монет» —
замысел гениален и прост:
нужно лишь, чтоб сын стал президент.

Стал бы... но... Ах, зачем есть оно
это слово, скажите: зачем?
Ведь не стал... не было суждено...
И голубчик остался ни с чем.

И, засранец, узнав кто отец
настоящий бог весть от кого,
тут же целый судебный процесс
матери учинил... каково!

И... напился. И Бахус ему
друг теперича, друг, даже брат.

Показалось, что всё — ни к чему.
И мамашу он стал побивать.

Вот тебе — «свет». Не свет уже, тьма,
чтоб невзвидеть вам света от дум.
Мор вам свет, как холера-чума,
как достойный подарок отцу.

Каждый день пьян теперь, чёрт возьми!
Каждый день в доме «ах!» да «разбой!»
Хорошо, что брат умер, аминь,
был бы жив, с горя б умер, смурной.

Хрен собачий, он гробил друзей,
но не очень о том горевал.
Как и те, у кого чёрт в душе,
что к чему — не всегда понимал.

Ради славы он, хмырь, лицемер,
продал душу. Что слава, скажи?
Слава — дым иль туман, уж поверь,
пёрнул — вонь. Вот что слава, мужик.

Зря старался — в аду и в раю...
При каких временах не бывай,
Юрьев, Рзай и Митта гнёзда вьют
в душах наших, а не Казанбай.

Чисты были душой, потому
их и любим. Приятны. Светлы.
Как пройдёт лживых вонь, жуть и муть,
будут эти навечно сильны.

Будут славны, почётны всегда...
Педер, ты ж и не знаешь, поди,
и жена твоя не от отца
появилась — вот знай и учти.

Все вы — трое — ущербны, стал быть.
И, пытаясь надуть, обмануть
бога словом, поступком и мысль
осквернить, совершили вы гнусь,

позабыв, что есть суд и огонь
божий, что тяжела божья длань.
Кару божью не путать б с людской,
и она вас минует едва ль.

Породнившись с шайтаном, все вы
в рай земной шли, не в истины путь.
Сам я кем, лишь учителем был,
а всё жив, хоть и жил как-нибудь.

Не убийца, не вор, честь берёг
смолоду, был не слабый в беде.
И трудился как мог, сколько мог,
находя утешенье в труде.

И якшаться с шайтаном не стал.
Не завистник, не лгун, не дурак.
Дотяну так, гляди, и до ста,
никакой не навяжется рак.

Мать моя ведь меня родила
с настоящим, не с мнимым отцом.

Будь ей пухом, земля, и я для
встречи с богом готов, есть уж зов.

Как шерстил тебя круто, ай-яй,
не ругаюсь я больше, ни-ни.
Ах, родной мой, прости, Казанбай.
Ах, прости братца ты, не вини.

Пусть простит и невестка-инге.
Только бог может нас осуждать.
От беды коль нет спасу нигде,
бог поможет вам, коль есть нужда.

Ах, сын Педера, слышишь меня?
Ты отринь ту беду, злой недуг.
Как отринешь, так будет всем нам
и приятно, и радостно, друг.

Я, Васyleй Казанбай, твоему
батюшке родственник, я не вру.
Откровенничал же почему?
Стар я; видно, я скоро умру...

2004

ВЬЮЖНАЯ НОЧЬ

Запев

Где шёл пёхом, где бежал,
ночью милую ища.
Не нашёл, как не искал я.
Загорелася душа.

Ах, ты милая моя,
в сердце робость притая,
коль найду, скажи на милость,
не прошепчешь: «Я твоя»?

Знаю, это — не навек.
Так уж создан человек,
что любить всю жизнь не может.
Надо бы! То — мой завет...

Плач

1.

Казанбай сказал: «А не скотина ль
человек, особенно — чуваш?...»
Может, сказано, конечно, сильно,
но ведь прав он, бывший классик наш.

Погляди, бандиты — сплошь, всё реже
тех, кто был опорой страны.
Душат — не вопи ты, ведь не режут.
Треснут по башке — ты не стони.

Ты терпи — ограбят, искалечат.
Верь: чуваш пропал ещё не весь.

Лишь одни бездушьем душу лечат,
а другие знают совесть, честь.

В юности чуть не погиб я, будто б.
И погиб бы, если бы не ты,
облик милый! И плывут, и будят
в памяти тебя тех дней мечты.

Фея! Те мечты поныне вьются
и уводят всё туда, манят.
Добрый дух! Мой ангел! В злую вьюгу
ты от гибели спасла меня!

2.

Вспомним. Вот изба. И вот хозяин.
На дворе метель сильна весьма.
Хоть и угощают люди чаем,
добрых — нет почти, а злобных — тьма.

Ты скажи, хозяин, правда это
или нет? Ведь это же беда.
Ночь. Плутал я... Что там, в снежной мгле-то?
То ль Савруши, то ли Кондрата?

Окружили, с ног свалили, сняли
полушубок вдруг и — с глаз долой.
Кто такие, почему? Как знать мне
в вое и круженьи вьюги злой?

Бит я был, конечно ж, смертным боем.
Сбит был кирпичом — и сразу тут
потерял сознание... Надо мною
завывал в ночи лишь ветер-друг.

А теперь сижу в избе — спасён я.
Вой теперь хоть вьюга, буря хоть.
Ты, хозяин, выглядишь чуть сонно.
Раз ты здесь хозяин, я твой гость.

Потому уважь немного... то-то...
Покажи мне дочку, ведь она...
ведь она же только, а не кто-то,
волокла сюда в ночи меня.

Зная, что не скоро всё затихнет,
шла — и видит: я, чурбан, лежу.
Кто же это, пьяный вдрызг, здесь дрыхнет?
Подняла — мол, нет, не разрешу.

Как же это понимать в итоге,
я же мог и стинуть невзначай?
Может, скажешь ты, хозяин добрый?
Может, скажешь, наливая чай?

3.

Но не показал хозяин дочку
мне тогда, что я и по сей день
так считаю: нет в гостинце толку,
коль возможно брать его везде.

Пробовать гостинец не спеши ты.
Чем подольше ждёшь, тем он вкусней.
На дворе опять зима, снег чистый.
Боль в душе сильнее всё и сильней.

Хоть с того немало видел снега,
хоть давно заметены следы,

в сердце молодом всё та же нега,
в памяти, хозяин мой, всё ты.

Много лет тоскую и скучаю
по твоей, хозяин, дочке я:
счастье, радость до сих пор вкушаю,
хоть такая вся далекая.

И один я — ни жены, ни друга.
Не дождался доли я земной,
Радости давались редко, туго.
Бесталанно прожита жизнь мной.

4.

Казанбай пел тоже вдохновенно,
хоть с чужого голоса, но пел.
Что-то уловил он, несомненно,
в нём — и рассказать о том успел.

В ста местах свой подавали голос,
вдоль и поперёк изъездив мир.
Были только в радость сердцу голод,
холод, зной в такой счастливый миг.

Открывались чудные всем дали.
Думали, что сказка, не страна —
Персия. И пламенно мечтали
повидать Шираз и дух познать.

Сколько лириков в одном Ширазе!
Саади, Хафиз, Хайям... не счесть!
Ах, какие сны, какие страсти,
мысль благая и благая весть!

А в Багдаде пела Шахразада.
Услаждая душу, каждый раз
зло добром могла она отвадить,
как и та, чей облик скрыт от нас.

5.

Хоть я и смотрю на мир с досадой,
не беспечно тих же и не яр.
Стань ты, дева, нежной Шахразадой,
а я, вишь ли, храбрый Шахрияр.

Если ж в мыслях снова буду юным,
до Савруш дойду, до Кондраты.
Семь косичек у зазнобы выются,
банты в них сияют как цветы.

Доведут пути до Саврашбуси.
Не в дали отсюда и Савгась.
В Савгасе — Зинули и Натуси.
Все — красавицы и любят нас.

С феями я в дружбе был хорошей.
Каждая приветлива, смела.
Все и ненаглядны, и пригожи.
Каждая бы нас с ума свела.

Только с ними мир светлей и лучше.
Так же видел и Саади их.
Невидимкою вошла мне в душу
сорок лет назад одна из них.

Говорят, что юный век бесценен,
он, конечно, дорог и для нас.

Но и всё ж скажу на этот день я:
не поеду, видимо, в Шираз.

Не в Шираз, в Савруши я поеду.
Образ несравненной там возник.
Там запела иволга поэта,
прячущая сорок лет свой лик.

6.

Ты, хозяин, с зятем, видно, дружишь,
слава господу — удался зять?
Дочь твоя с хорошим, умным мужем —
как за каменной стеной, видать?

Но она могла стать и моею.
Я её и до сих пор люблю.
Зять не я твой — очень сожалею.
Тесть не мой ты — плачу и скорблю.

Скрыв и сердца пламень и надежду,
не идя обдуманно на риск,
без упрёков я ушёл, протеста,
я ушёл, вас поблагодарив.

Где теперь, ах, где такая вьюга?!
Вновь б теперь такая мне напасть.
Хочется плутать вновь в рёве лютом
и в Савруши сквозь буран попасть.

Буду рад — собьют пусть. Бога ради.
Пусть, что смогут, всё сдерут с меня.
Только б кирпичом по лбу не надо.
И кинжал не надо применять.

И в ночи, споткнувшись, вновь девчонка
удивится: «Кто же тут лежит
без сознания и без одежонки?»
Пусть дивится, но не убежит.

7.

Очи милой — светлые глаза —
не глядели на меня, любя.
Ветры снежные, попев, сплясав,
не утешили, а смерть трубят.

Пальцы милой стали бы милей,
чуть коснись кудрей моих, но — нет:
видно, сам господь не повелел.
Тяжко сердцу, мутно, грустно мне.

Губы милой, тонкие уста,
мне не улыбнулись в те года.
Этих губ не пить мне, не достать,
не узнать их сладость никогда.

Щебетанье милой для кого?
Нет, не для меня оно вообще.
Обуяла скорбь меня всего:
в сердце — тесно, холодно — в душе.

И весь век тащусь я так давно.
И весь век — один, подруги нет.
Светлый образ милой всё равно
не забуду до последних дней.

8.

Покажись, явись хоть раз ты мне.
Как зовут: ты — Лейла, Маринэ?
Как бы ни было, ты выйди, выйди,
успокой мне сердце в тишине.

Знаешь ты — как злобен ураган.
Ты не знаешь — он на что нам дан.
И сегодня буря мглой свет кроет,
и сегодня я с утра рыдал.

Потому хоть пощади чуть-чуть,
покажись однажды как-нибудь.
Хоть на старость лет успокоенье
ощутить бы — милосердной будь.

В юности то было: видел жар.
Помогла, но лёд — твоя душа.
Как очухался, тебя уж нету.
Выйди и со мною рядом сядь.

Как ни вспомню вьюгу — ветер, снег
заслоняют вдруг весь белый свет.
Не явилась ты, душа — в тревоге.
Не жалеешь ты меня совсем.

Что не Лейла ты, кто знает, кто?
Может, Маринэ ты всё ж, а что?
Невидимка, а околдовала,
вечно жить в душе и сердце чтоб...

9.

Маху не давал я вроде раньше.
Бить поклон — привычка не моя.
Но и я имею сердце, как же,
ведь и я умею плакать, я.

Жизнь прошла, всё кончилось, — я плачу.
Скорбно мне от горьких всех услад.
Ныне ночь та видится иначе:
вьюги нет, а есть весенний сад.

А цветенье белое как диво
дивное плывёт весной в садах.
И хожу я там такой счастливый,
и хожу один я, как всегда.

Раньше так красиво и глубоко
не страдал ни в тьме, ни при луне.
Были чувства бедны и убоги.
Пребывал я в грустном полусне.

Кто ты мне? Ты ласточка мне будто.
Ты судьба. Ты светлые мечты.
Никогда тебя я не забуду.
Душу всю пронизываешь ты.

Только ты, лишь ты моя отрада.
Как ни вспомню сад цветущий мой,
вижу лик твой и тебя из сада
провожаю с радостью домой.

Рыдание

1.

Сегодня я зачем-то весь в печали.
Как взглянешь на меня, так сразу сникнешь.
Улыбку покажи ты мне вначале,
ну а потом и отчуждённость скинешь.

Нет спору, ты юна, не перепутал.
И сам я молод, даже взросл не очень.
Расположу тебя к себе и буду
глядеть тебе я неотрывно в очи.

Не знать бы смерти нам, остаться юными,
всегда весёлыми и интересными.
Ах, не глупцами бы прожить, а умными
весь век, свободными, людьми чудесными.

Открытой будь со мной, пойму, я чуткий.
Не приняла ль ты песнь мою как радость?
Так спой же, спой, хоть в шутку, хоть не в шутку.
Ты пой, а я возвеселюсь-возрадуюсь.

И пусть — снега, бьёт град, события бурны,
за годом год летит в нужде, невзгодах,
ты будешь для меня и вечно юной,
и вечно доброй на крутых высотах...

2.

Скажи, мне песни петь иль горевать?
Ах, что со мной — кружится голова?
В округе кружит ветер вновь и снег.
Я мёрзну — полушубка нет на мне.

Он был, я помню, нету вот теперь.
Здесь люд у вас чудной — свиреп как зверь.
С ног сшибли, будто мал я, с ногтей.
Застолья, ах, подруга, не готовь.

И медовуху ты не ставь на стол.
Дай руку мне и так пока постой.
Одна верна ты, без тебя не жить.
Тогда давай уж выпью, чтоб ожить.

Что скажешь тут, кровь сразу ожила —
крепка же медовуха-марссала.
Но крепок ли я сам? Подруга, друг,
ещё бы ковшик — из твоих мне рук.

Всё трезв я, вишь, спасибо за труды.
Зашлю я сватов — коль согласна ты.
Пусть все пути в округе замело,
светло в избе у нас тут и тепло.

Обилен стол, и мёд тут пьют уста.
Улучшим, сбережём мы нашу статью.
Не надо б забывать, подруга, друг,
ведь и состариться мы можем вдруг.

Мы все завянем как цветы, все-все.
Давай восславим стол во всей красе.
Но... где ты, фея, где твои слова?
Иль что? Совсем вскружилась голова?

Нет ни застолья, ни подруги нет.
Горит свеча передо мною, свет.

Чтоб походить на Пушкина, сейчас
строчу свои стишки я при свечах...

3.

Я с детства верил, что найду и сад я,
и деву всё же, дал себе зарок.
Но и сегодня, и вчера, и завтра
душа твоя закрыта на замок.

Открой же душу, знать тебя я должен.
Ты даже лик не кажешь никогда.
Наверно, думаешь, что ненадёжен.
А то, что весь в огне я, — ерунда.

Без денег я, я сам дороже злата,
и потому меня цени и чти.
Я, гость незванный, вас хвалил без лада,
когда у вас пил чай зимой в ночи.

«Незванный гость — татарина он хуже», —
подумала, конечно, ты, таясь.
Спасибо за хлеб-соль, за чай и дружбу,
за то, что жизнь сохранена моя.

И в мире к злу не делая ни шага,
хожу в поэтах, радуясь, теперь.
Скажи-ка ты, скажи мне, саврушанка,
я отчего так сохну по тебе?

Я знаю, отклика не будет даже.
Не слышишь ты меня, судьба моя.
Хоть сколько ни проси я, ты не скажешь:
«Уймись, коль мой ты, значит, я твоя».

4.

Как ни травили бы нас буквоеды,
как ни чесалась палача рука,
пылка всегда фантазия поэта:
богата, горяча и глубока.

Средь чувашей известным я считаюсь.
И средь татар, как чистый, тихий свет
и как земляк, любим я, почитают.
Печатаюсь я часто и в Москве.

Не скрою, Рим, Париж и даже Лондон
читают стих мой — каждый на своём.
Я кто? Поэт. Понятно, что ли? То-то.
Возможно ль доверять ему во всём?

Возможно. Вот недавно на японском
в журнале напечатали меня.
Как далеко летят стихи, ну просто
как божий дух — и светят, и звенят.

Я и тебя придумал, дорогая,
какой красивой, славной и простой!
Пока талант мой жив, не догорает.
Живёт и выдуманный образ твой.

5.

Прекрасное есть тайна. Как исчезнет
она — исчезнет и прекрасное совсем.
Известно это, может быть, не всем?
Без ценных черт и добродушия нигде нет.

Ты добродушна, много ценных черт
в тебе, душа мечты моей опасной.
Нежна, грустна, чарующе прекрасна...
Твой образ — lux aeterna. Вечный Свет.

Не отживаешь ты, всегда нова.
Твоя улыбка и твои слова
меня приводят в трепет. И проходишь
ты предо мною наяву, жива.

Так хочет сердце, требует душа:
и красоту, и тайну бы постичь мне,
стремясь понять смысл скоротечной жизни.
И я в мольбах весь, и горит свеча.

Прекрасное есть чары, есть любовь,
коль нет любви, то нет и тайны светлой,
крыла души надломлены навечно,
мечты пропали и остыла кровь.

Кто знает, может, крыл-то вовсе нет?
И может, та душа совсем пустая?
Как взглянешь, так и мрачно обступает
всего тебя какой-то страх в ответ.

Так в юность уж не попадешь, мечта.
Так милости нам от судьбы не ждать.
Конец. И боль. И скорбь. И так — загнёшься.
И полны слёз глаза... Коль всё уж так...

6.

С тобою не прощаясь расстаюсь.
Ведь образ светлый — он со мной, со мною.

Я сказку эту потерять боюсь,
пусть навсегда от страха уж укроет.

Не та явись, а та, что в воображенье,
чтоб подивился и возликовал:
звоночек — голос, стана же движенье —
берёзонька, заря — лица овал.

Войди во сны мои, останься тут же.
Не та явись, а та, что песнь, мечта.
Нет, всё ж явись, явись... Ты, может, лучше
намного той, что в сказке, ты — не та.

Но трушу я, страшусь я, опасаясь,
что встречу куклу или ведьму вдруг.
И потому и думать я стесняюсь,
а как подумаю, так — перепуг.

Проходит жизнь, совсем осталась малость.
Изведал счастье? Будто бы... Ну да.
А как посмотришь в глубь — одна туманность,
счастливым не был, видно, никогда.

В ту ночь, зимой чуть не свихнулся ведь я —
был заколдован девушкой до дна.
Уж коль околдовала, ясно — ведьма.
Колдуньей стала к старости она...

7.

Сколько дней снег валит, и как кружит — ой-ой!
Нету солнца давно, не дождёшься луны.
Я всё реже теперь приезжаю домой,
год от году старею, ветшаю, увя.

Снег всё кружит, летит над деревней в волшбе.
Я стою у ворот перед тем, как лечь спать.
И при свете снегов, при его ворожбе
память я всколыхнул, чтобы в юность попасть.

Помню, снега привет, блеск его и игра
меня звали тогда в сад цветущий весны.
Луч надежды сиял, никакие ветра,
ураганы судьбы были мне не страшны.

Думал, что светлый луч будет вечно таков.
Всё прошло: нет луча, и надежды-то нет.
В юности вид другой был у светлых снегов,
мертвенно видится он теперь, белый снег.

Жизнь прошла... В пустоте ничего не найти.
Не на что уповать, нет пути впереди.
... Над деревнею снег так же кружит, летит.
И во тьме огоньки — боль в душе бередить.

8.

Средь ночи я — без сна, исчез покой.
Чего же взволновался, что не спится?
Забилось сердце, бьёт уж вперебой,
совсем забыло чуть полегче биться.

Не бережёшься, что же рвёшься так?
Погаснуть хочешь? Гаснут даже звёзды.
Взбешён — веду я сердце на инфаркт,
но толк какой: пусть тут и разорвётся.

Живой досель. Спасибо. Ладно, что ж.
Друзья. Подруги. Блеск. Весна и осень...

Всё призрачно. И всё обман и ложь.
Свет белый сам таков — и лжив, и грозен.

Недолго нас продержит на земле.
Как только вгонит в землю нас, уродцев,
забудет всех, и наш простынет след.
Проходит всё, уйдёт, всему черёд свой.

Всё пропадёт, тщета всё; знать бы, ах,
зря суетились, вязли в деле гиблом.
Всё пропадёт, без пользы всё, всё прах.
Всё пропадёт: вблизи — разлука, гибель.

9.

Пока есть дни мои, и сам я есть.
Не станет их, меня не будет тоже.
И пляски смерти с дьяволом все схожи.
Задорно пляшет погань их, как смерть.

Остаться б здесь мне песней небольшой,
но чтоб имела ширь и глубь, скромняга.
Уж коли запоёте, я, бедняга,
найду родство и с вашей душой.

В знобящих звуках грустная земля
хорала слышит мощь в бреду ночами.
Я весь печаль. Прислушайся к печали,
открытый сердцем дорогой земляк.

Ты петь начни негромко, сделай честь,
и не заметишь, как увидишь, боже,
что нет роднее песни этой больше.
Другие — ни одна — не ваша песнь.

И, поборов и тьму, и холод, льёт
тепло и свет в сердца людского стана.
Не стала смертной, а бессмертной стала.
И это — вечность. Ты войди в неё...

* * *

Печаль и скорбь всегда, печаль и скорбь...
И никуда от них нам было деться.
И, может, потому ты безутешна столь?
Не плачь же, не рыдай, не спорь, не спорь,
не умер я ещё, не сгинул, здесь я.

Нам счастья не дал этот белый свет,
на том ли свете насладимся счастьем?
Не оттого ли мертвен уж и свет,
польни горечь горькая, как желчь,
мне сердце разъедает, жжёт так часто?

Не хнычь, когда уйду, ушёл и — пусть.
Умру когда, совсем не плачь, дурёха.
Молись. Зажги свечу. Мне верной будь.
Не забывай. Спасибо. Жду в гробу...
вас жду: к погосту — торная дорога.

2002

СОН НАЯВУ

Взял я ручку, взял лист белый
оттого, что нету сна.
Лист помучить захотелось
оттого, что жизнь тесна.

Не пришлось пожить свободно,
и в дальнейшем — не смогу.
Остаётся жить немного,
а жизнь всё — неволю.

Дней бесщётно, думал, много,
нет их, сжёг средь суеты.
Впереди мечта светилась.
Нету дней — и нет мечты.

Сколько, чтоб унять тревогу,
я старался и терпел.
Видно, потому так рано
и устал, и поседел.

Видно, без следа исчезну
оттого, что нет надежд.
И заплакал над строкой я
оттого, что жизни нет.

Жизнь на месте не стояла.
Выбираясь все из тьмы,
и ходили, и летали.
Как остались живы мы?!

Жизнь прошедшую как вспомню,
я опять красив, высок.
Нет, поверить в это трудно.
Мнится, что всё это сон.

Добрых дней немного было,
но светла жизнь как свеча.
Пролетела и исчезла.
Отсвет — в сердце и сейчас.

Почему-то нам казалась
бесконечной жизнь тогда.
К старости пропало это,
не вернётся никогда.

И сижу как виноватый
оттого, что старый стал.
Ворковать беспечно, тихо
с вами я смогу едва ль.

Вот вскочил я, встрепенулся
оттого, что горечь жгла,
пригорюнившись, вновь всхлипнул
оттого, что жизнь прошла.

Да, прошла жизнь, что тут скажешь,
ничего сказать нельзя.
Нынче сколько нас осталось,
было сколько нас, друзья?

Ни того уж нет, ни этот
долго не протянет, что ж...

Братец дорогой, родной мой,
Ваня, ты вот как живёшь?

Голова цела, седеет?
Сердце как? Ну а «мушкет»
временами не подводит?
У иных вон треск в башке.

И мутится ум. Склероз ли...
Своё имя он забыл.
А другой и встать не может.
Что стряслось — мычит как бык.

Если ходишь-бродишь, Ваня,
через час был здесь ты чтоб.
Есть «Шампанское», есть «Вермут».
Что? Не можешь? Вот ещё.

Сам приду тогда, закуску
приготовь и ставь «Мускат».
Петуха пока не трогай,
попируем лишь слегка.

Коль «Муската» нет, и «Жемчуг»
подойдёт, иду, тащи.
Нам теперь не градус важен,
важен нам застолья шик.

Посидим немного вместе,
одинок из нас любой.
Люди ж мы и, помня это,
вспомним молодость, любовь.

Саади сказал когда-то:
«С девой рай в любом саду».
Потому я их и славлю,
уважая красоту.

Как весною выйдет месяц,
улыбнётся в вышине,
так и кажется, что дева
постучится в дверь ко мне.

Где она теперь — не знаю,
сохранить смогла ли свет.
Скрылась и безвестно где-то
свила гнёздышко без бед.

Не брани меня, красotka,
не пришлось нам вместе жить.
Только и осталось с грустью
вспоминать тебя и чтить.

И в судьбе твоей что больше?
Может, свет? А может, тьма?
По тебе всю жизнь скучал я,
душу жгла чувств кутерьма.

Не корю, не проклинаю,
нет обид, претензий нет.
Весело, с душою доброй
говорю: живи сто лет.

Иль, когда как вспомню, тихо
думаю я не со зла:

ты во мне смогла ль увидеть
свет тогда иль не смогла?

Свет твой изменил мой облик.
От него свеченье взяв,
грусть моя вдовой осталась,
а душа искрилась вся.

О тебе я думал много,
без тебя с тобою шёл.
И у самого путь жизни
и тернист был, и тяжёл.

Боль физическая, рана
не так страшны, уж поверь,
боль душевная же вечна —
гложет сердце и теперь.

Очи чёрные, вас помню.
Свет ваш как огонь живой.
Слово, сказанное девой,
всё витает надо мной.

Не поэзия ль ты, дева?
Днём и ночью и всегда
думаю: кому я нужен,
и живу зачем тогда?

Нужен я, не нужен, знаю:
без поэзии не жить
человеку — мощь и радость
в ней для сердца, для души.

Обо мне, услышав сплетню,
может, скажешь, может, нет:
«Ба! Гляди-ка, жив, не умер.
Тот же ль у безумца свет?»

Тот же... Та ж надежда, сила
в сердце всё... и, наконец,
так и чую, что, ты, дева,
постучишься в дверь ко мне!

Позабудут нас, быть может,
и охают через край,
всё равно Хайям сказал бы,
что вино и дева — рай.

Арака, коль пить умело,
не вредна, а в пользу, вишь.
Выпил — будто как на крыльях
ты летаешь, вверх летишь.

В облаках витаешь юным,
слышишь голоса девчат,
позабыв, что ты уж старый,
что тебе уж шестьдесят.

Вот к чему пришёл по ходу,
и гляди, куда забрёл.
Ваня, ведь твоя Тамара —
курица, а ты — орёл.

Ты всю жизнь искал в ней деву,
а она, как бы сказать,

девка только, так вульгарна,
что не стоило искать.

Всё мерещится нам пери.
Коль не ведьма злая, так
приземлённая бабёнка
прёт навстречь — где ей летать.

Мы тогда глядели в морду,
в душу бы глядеть: там — мгла.
Уж тогда твоя зазноба,
знать, бескрылою была.

Потому вползла бесшумно
в техникум свой, жировой,
чтоб потом здесь на работе
колбасу жрать — сорт любой.

Ты прости меня, Родной Мой,
коль неправ, тебе видней.
Не моя она зазноба,
и не мне судить о ней.

В прошлом света было мало,
но горела всё ж свеча.
Пролетело всё, исчезло.
Отсвет — в сердце и сейчас.

Университет закончил,
уважаемым я был.
И гоненья испытал я,
неприкаянным ходил.

Голодал в дни испытаний,
в смутные те времена.
Собирал на хлеб бутылки
я от пива и вина.

Угол свой имелся всё же,
но бездомным чуть не стал.
И косил я, и пахал я.
И немало написал.

Есть поэзия, есть проза.
Не простой, духовный хлеб.
Пусть покамест без движенья,
будет час — прочтут взахлёб.

Дева в дверь не постучится,
а старуха-смерть с косою,
так и кажется, что скоро
постучится вместо той.

Находясь всегда в миноре,
стал я забывать мажор.
Что ж осталось испытать мне?
Ждёт какой душе разор?

И мелодии все скорбны.
Скорбен и огонь в душе.
Но друзья тому не верят —
пламени не видно же.

Как утишить, как утешить
горе горькое моё?

Иль на всё мне плюнуть всё же
как дурак: он бодр, плюёт?

Неспроста же взял лист белый
оттого, что нету сна.
Плачу, плачу я стихами
оттого, что жизнь тесна.

Так и не увидел счастья,
а ведь был джигит, орёл.
Всем уйти нам? Да, придётся.
Все ль умрём мы? Все умрём.

Так и пропадём бесследно
оттого, что доли нет.
У дверей я сел, заплакал
оттого, что спасу нет.

Потому ждать не заставил,
Ваня, Ванечка, Иван,
долго я тебя, Родной Мой,
вот пришёл, тверёз, не пьян.

Есть, наверно, и закуска?
Есть, наверно, и «Мускат»?
Петуха... и впрямь... не трогай,
пир затронем лишь слегка.

В самом малом — и вся сладость.
Вот ты выпил, пью и я
за твоё здоровье, Ваня,
братья мы с тобой, друзья.

Дружба в нас мечту разбудит.
Выйдем из душевной тьмы
и утешимся... И, может,
жить и жить захочем мы.

О любви поговорим-ка,
ведь любовь светла как бог.
Лишь о светлом стоит думать,
свет и есть добро, любовь.

И свет истины — всё вместе.
Любит истину господь.
Без неё и жизни нету
светлой, истинной, небось?

Как утешимся, так станет
в сердце песнь души другой,
пропадёт страх смерти просто,
обессмертимся душой.

Струны запоют не скорбно...
Но, увы, всё дело в том:
сон, увиденный мной в век мой,
ж и з н ь , уходит в вечный сон.

2007

Содержание

Стихотворения

Промелькнули.....	7
Осенний свет	8
Я плачу.....	9
Осенний сад	10
Любовь отпетая.....	11
Старая любовь	12
Печаль	13
Уходящее время	14
Волк завыл.....	15
Зимние ночи	16
Гурия	17
Грустная весна	18
По аллее я брожу	19
Последняя любовь	20
В доме моём.....	21
Твой образ	22
Пепел	23
Пир	24
Каждую весною.....	25
О, кто ты?.....	26
Силуэт	27
Не сбылись	28
Живёт.....	29
Я люблю.....	30
«Ещё не все...»	31
«Жизнь отшумела...»	32
Россия	33
В Чечении.....	34
В защиту друга	35
Чувашская боль	36
Тарханская кровь	37
Не вернуть.....	38
«Явись, я жду тебя...»	39

Материнская улыбка	40
Волшебство	41
Позднее признание	42
Как быть?	43
Устал	44
Русь православная	45
«Меня волнует...»	46
«Насмешка злая это...»	47
«Я помню...»	48
«Время, время...»	49
«О, жизнь!»	50
«Совершая путь свой»	51
Этот зов	52
«Хотели мы...»	53
Мавзолей	54
«Так мало жил я»	55
Злосчастье	56
Гостя смерть	57
«Прошу тебя»	59
«Я всё забыл»	60
«О, сколько лиц...»	61
«Какие это дни теперь!»	62
Поэт	63
Соловьи...	64
Когда весна...	65
Сентиментальность	66
Он и она	67
Пустеет жизнь	68
«Ни к кому нет веры»	69
Только так...	70
«Волшебное влечение»	71
Болит душа	72
«Я один...»	73
Осенние цветы	74
К закату жизни...	75
На опушке	76

«Снега...»	77
Не верь...	78
Начало и конец	79
«Душа заныла»	80
Я приду...	81
Чувашская песня	82
Прощание с отцом	83
«Я в деревню эту...»	84
«В память ...»	85
«Цветок в груди»	86
Интермеццо	87
«Душе родные...»	88
«Доволен будь ты...»	89
«Сказав, что ты»	90
«Я вспомнил»	91
«Не ведаю»	92
«Встречаться с тобой»	93
«Услышал голос»	94
«Во мгле...»	95
«Зрение меркнет»	96
«Стал я с годами»	97
«Не сказка это»	98
«Неутомимо и неутолимо»	99
«Иду непокорённый»	100
«Я был...»	102
«Себя — подобного лучу»	103
«Светятся в небе»	104
«Я, чтоб не чувствовать...»	105
«В глаза мне...»	106
«Затмится взгляд...»	107
«День метельной непогоды”»	108
«Тень тревоги»	109
«Жил сам в себе...»	110
«Здесь временен...»	111
«Налево и направо»	113
«В каких ты снах...»	114
	477

«Не говори ты...»	115
«Сказал “забудь”...»	116
«Не дожил до покоя»	117
«О эти снега!»	118
«Не знаю»	119
«Всё, что было...»	120
Закат	121
«Всё глуше жизнь»	122
«А был ли долго...»	123
Моей судьбе	124
«Прощай, прощай!»	125
Русский язык	126
«Жду...»	127
«Ах, вновь бы мне...»	128
У ручья	129
Встреча на Лебяжем	130
Хасан Туфан	131
Сююмбике	132
Над Аксу	133
Кто что сказал	134
Мечеть	135
Дэрдменд	136
«Как сильно ряды...»	137
Казань	138
«Тишь...»	139
Плач по Зелимхану	140
Прощание с Зелимханом	141
Сениэль-Хан	142
Убийце моего друга	143
«Зазря ль прожил...»	144
«Пусть ты думой...»	145
«Нам мёртвое дано ли оживить!»	146
Орда	147
Азиат	148
Гараю Рахиму	149
«Жизнь прошла...»	150

«Всю зиму...»	151
«Без огня...»	152
«Пока живу...»	153
«Юдолью плача...»	154
«Не спрашивай»	155
«Вновь озабочена»	156
«Нет, я свет не покину»	157
Патриарх	158
Пустота	160
Призраки	161
Друзья народа	162
Казанбай	163
Милли	164
Трое	165
«Превратен у тебя...»	166
«Ужасно это...»	167
«У нас в России...»	168
«Позабудут тебя?»	169
Моему сердцу	170
«Мы, жизнь называя...»	171
«Не тороплюсь...»	172
«Роптали тихо...»	173
Сирано	174
Теветкель	175
Сойдись...	176
Ревность	177
«Вижу: грустен...»	178
«Бедная ты моя...»	179
«Я другом считал его»	180
«Старость для поэта»	181
«В суголке...»	182
«Духовного здоровья нету!»	183
«Я остался...»	184
«То же небо...»	185
«Лишь увяданье...»	186
«Полдневный зной»	187

«О сколько встреч...»	188
«Склонюсь...»	189
«Стихотворцев — тьма»	190
«Как долго...»	191
«Моё бывшее счастье!»	192
Одному земляку	193
«Свысока, не свысока»	194
«Соорудил стихок»	195
«Что с того...»	196
«Не понимая...»	197
О, знали б вы...	198
«Не стоит...»	199
«Под старость...»	200
«В объятьях у распада»	201
«Те, кто из вас...»	202
Сумерки	203
Гнездо эмира	204
Суицид	205
Двусмысленность	206
Двуязычие	207
«Я продолжаю...»	208
«Я люблю...»	209
«Беседую сам с собой»	210
«Ночь, уходящая...»	211
«О, ласковые объятья...»	212
Тоскую...	213
Поездка на родину	214
На малой родине	215
«Родной земли...»	216
«Давно я, друг...»	217
«Пройдя по жизни...»	218
«Потухнут звёздочки»	219
«Не суверенной верою...»	220
«Храмы взрывают»	221
Атнакал	222
Айдаш	224

Одному пииту	225
Гонитель	226
Век мой	227
Новогодняя элегия	228
«Как сквозь сон»	229
«Я рано понял»	230
«Мы в незаметном...»	231
«Вы любите меня»	232
«В любви ко мне...»	233
«Свет и тени...»	234
«Надо мной»	235
«Кто страдания...»	236
«Ведь наш удел»	237
«Дни Гнева и Печали»	238
«Соловьи на рассвете»	239
«Взойди, истома...»	240
«Жизнь наша»	241
«Всё снега и снега»	242
«Ритм во мне...»	243
История	244
Ренессанс	245
Политэмигрант	246
Комиссары	247
Семендеру	248
«Поэзия — моё призванье»	249
«Я не хочу»	250
«Отречься от старого»	251
«Благодарю»	252
«Он ни при ком...»	253
Хузангай	254
Рзай	255
«Был мерзопакостным наш прошлый»	257
Манкурты вы	258
Евтушенко	259
«Что больше славы?»	260
Девятидесятники	261

«В Чувашстане эмир...»	262
Ошибка	263
«И Шамиля убили»	264
«Все, все убиты»	265
«Горько на душе»	266
«Был же светлым...»	267
«Тебе я не люб»	268
Великий юноша	269
«Как дьявол сумел»	270
«Будто вчера...»	271
«Страшно»	272
«Здравствуй, ночь»	273
«Тоска гложет»	274
Летом	275
»Знал, что я мечен»	276
«Ложатся тени»	277
«Есть много разных...»	278
«Каким я был?»	279
«Тебе я смог бы...»	280
Молодому автору	281
Мир попсы	282
«Бывает так...»	283
«Верю...»	284
«Не жаль...»	285
«О, день!»	286
«Проходит...»	287
Юные пииты	288
«Печаль...»	289
«В душах наших...»	290
«Образ человека»	291
«Эмиграция из языка»	292
«Хотелось бы...»	293
«О, многоликая»	294
«Я торопился жить»	295
«Не знал я»	296
«Уж поздний вечер»	297

«Срок мой...»	298
«Ты не стала»	299
«Когда кончается любовь»	300
Северянин	301
«Те, кого я...»	302
«Я не чужой»	303
«Ты, распутная...»	304
«Молода, к себе зовёт»	305
«Когда — любовь...»	306
«Прости...»	307
Блудный муж	308
«О как давно...»	309
«Нет чего...»	310
«Мерцающие звёзды!»	311
«В моей несветлой жизни»	312
«Безумный и родной»	313
«Если я умру»	314
«Весна была...»	315
«Кто ты?»	316
«Эй, чу... Замри»	317
«Жизнь, говорите вы»	318
«Все стали»	319
«Вся жизнь»	320
«И кого же...»	321
«Меняется мать»	322
«Всё губит смерть»	323
Перед свечой	324
«Пусть не горит»	325
«О небо полуголубое»	326
«Как жаль?»	327
«Следом идут»	328
«Пусть я душа»	329
«Одиноко восходит луна»	330
«Сознаемся...»	331
«Гордость высшего призвания»	332
«Я, юный, думал»	333

«Ах, сестра, сестра»	334
«Вся жизнь моя»	335
«Говорят, что судьба»	336
«Белой акации...»	337
«Как тихо увядают»	338
«Ушёл...»	339
«Неоскудно желание чуда»	340
«Пёр в юности я»	341
«В горемычной чувашской»	342
Шубашкар	343
Без духа	344
«Живи, покуда...»	345
Молчанье	346
«Жил, мучая...»	347
Незнакомке	348
Блудница	349
Божья кара	350
Обида	351
«Вновь на дворе»	352
«Волшебна ночь-мелодия»	353
«Кого я ждал»	354
«Неплохо б нам»	355
«Не знает человек»	356
«Как смог...»	357
«Болит душа»	358
«Врагов так много?»	359
«Когда душою сиротливой»	360
«Как ни стараясь...»	361
Тархан	362
Поединок	363
Мои соловьи	364
Мистика	365
Дружку моему	366
«Хоть упаду»	367
«Время катится»	368
«Пусть всё пройдёт»	369

«Мой отчий дом»	370
«С звездой звёзды...»	371
Тамара	372
Инанга Алшигусти	373
Ночной полёт	374
«Уходит свет...»	375
Иной расклад...	376
«Как странно...»	377
«Не грустите...»	378
«Твой взор»	379
«Опять весна»	380
«Ах, листва...»	381
«В звезду ты верь»	382
«Ветер, ты не плачь»	383
«О близком друге»	384
«Горишь не ярко»	385
«Ища поэзию...»	386
«Никто, ничто...»	387
«Ну кто ж из нас»	388
«Зачем мы в мир»	389
«Не разгадав...»	390
«Всё думаю...»	391
«Ах, не лес ли шумит?»	392
«Ах, мне спеть бы»	393
«Дотоль невиданной...»	394
«Ростками называя...»	395
Хузангаю	396
Фарисей	397
«Я смерти не хочу»	398
«Чтя истину...»	399
«Душа моя»	400
«Я нынче знаю»	401
«Далёк иль близок»	402
«Должник ли я»	403
«То — клики лебедей ли»	404
«Кто свяжет...»	405

«Скиталец я»	406
«О, божий мир!»	407
«Дух в человеке...»	408
«Усталость сбросить бы»	409
«Ещё не умер я»	410
«Пустеет жизнь...»	411
«Века пройдут...»	412
«Мой стих меня переживёт»	414
«Нас не было с тобой»	415
«Друзья, благословляю вас»	416
«Все избежать хотели бы...»	417
«Ты говоришь: бессмертен лишь народ»	418

Поэмы

Весенний сад	421
Монолог	434
Вьюжная ночь	447
Сон наяву	465

*Приношу сердечную благодарность
Чувашскому государственному институту
гуманитарных наук за издание
Собрания сочинений в трёх томах
моего сына Михаила, поэта Сениэля.*

Вера Егорова.

Михаил СЕНИЭЛЬ
(Михаил Павлович Егоров)

СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ

Том третий

Редактор *И.П. Турган*
Художественный редактор *А.А. Трофимов*
Корректор *М.П. Егоров*
Оригинал-макет *Э.В. Кирилловой*

Подписано в печать __. __. 2010
Формат 70x108¹/₃₂
Бумага офсетная
Учётно-изд. л. 30,5
Тираж 500 экз.

Печать офсетная
Гарнитура Times
Физ. печ. л. 30,5
Заказ № __

Отпечатано в типографии Чувашского
государственного института гуманитарных наук
428015, г. Чебоксары, Московский пр. 29, корп. 1